М. А. Батин

ТВОРЧЕСТВО П. П. БАЖОВА

М. А. Батин
ТВОРЧЕСТВО П. П. БАЖОВА

М. А. БАТИН

ТВОРЧЕСТВО П. П. БАЖОВА

Свердловское
Книжное Издательство
1953

Глава I

ДОСКАЗОВОЕ ТВОРЧЕСТВО П. П. БАЖОВА

1

Широкие круги советских читателей знают Павла Петровича Бажова, главным образом, как автора уральских сказов, объединенных в сборнике «Малахитовая шкатулка». Повесть для детей «Зеленая кобылка» (1939 г.) и автобиографические воспоминания-очерки о Екатеринбурге-Свердловске — «Дальнее — близкое» (1949 г.) пользуются меньшей известностью. Но названные три книги составляют лишь небольшую часть написанного Бажовым.

Начало литературного творчества П. П. Бажова принято связывать с его первой книгой — «Уральские были», вышедшей в Свердловске в 1924 году. В двадцатых и тридцатых годах были изданы его документальные историко-революционные произведения: «К расчету» (1926 г.) о забастовке сысертских рабочих в 1905 году, «Бойцы первого призыва. К истории полка Красных орлов» (1934 г.), «Формирование на ходу. К истории Камышловского 252-го 29-й дивизии полка» (1936 г.). К 1930 году относится книга очерков «Пять ступеней коллективизации».

Этот перечень также не исчерпывает литературного наследства Бажова. Начав журналистскую деятельность во фронтовых красноармейских газетах во время гражданской войны, в последующие годы писатель продолжал ее в уральских областных периодических изданиях. Печатался он в

уральской «Крестьянской газете», о своей работе в ней Бажов говорил: «Там много писал»; в журналах «Товарищ Терентий», «Колос» и других местных изданиях. Многое из напечатанного им до сих пор не собрано. Вышедший в 1951 году сборник произведений Бажова «Уральские были» [1] в известной мере восполняет этот пробел. Книга подготовлена к печати самим автором в 1950 году, незадолго до его смерти. Бажов предстает теперь перед советским читателем как разносторонний писатель-публицист и художник, автор разнообразных очерков, рецензий, воспоминаний, рассказов, повести «За советскую правду» и начала повести «Через межу», опубликованной впервые [2].

После разгрома Колчака П. П. Бажов вел партийную работу в Усть-Каменогорске и Семипалатинске. В 1921 году он вернулся на Урал, в г. Камышлов, а в 1923 году, на 45-м году жизни, с большим опытом боевой и партийно-политической деятельности приехал в г. Свердловск (тогда — Екатеринбург). Он пошел на газетную работу.

Совершенно естественным было стремление будущего писателя осмыслить прошлое в свете революционных событий, участником которых он был, в свете задач, стоявших перед партией и государством, перед советским народом. В памяти Бажова были живы воспоминания далекого детства, связанные с трудом и борьбой уральских горнозаводских рабочих еще в 80—90-х годах XIX века, в своеобразных условиях уральского полукрепостнического промышленного производства. Художественное отображение этой стороны исторической действительности с позиций большевистского мировоззрения представляло большой общественный интерес. С таких позиций художественного отображения прошлого Урала еще никто не давал. Так Бажов пришел к идее создания цикла очерков «Уральские были».

«Уральские были» — очерки-воспоминания о дореволюционном быте Сысертских заводов. Первоначально три

[1] П. П. Бажов. Уральские были. Свердлгиз, 1951. Заглавие сборник получил от вошедших в него очерков-воспоминаний, которые составили первую книгу Бажова — «Уральские были» (1924 г.).

[2] Автор ставит перед собой задачу исследовать сказовое творчество П. П. Бажова. Поэтому все другие произведения писателя рассматриваются лишь в той мере, в какой необходимо для выполнения этой задачи.

очерка (из семи) — «Бары», «Заправилы», «Рабочие и служащие» — печатались в еженедельном екатеринбургском журнале «Товарищ Терентий», начиная с номера 17-го за 1924 год. В том же году областное издательство выпустило «Уральские были» отдельной брошюрой.

Первая книга Бажова по тематике, содержанию, по образам из всех его ранних книг является самой близкой к «Малахитовой шкатулке». Дело в том, что родиной образов и сюжетов довоенных сказов «Малахитовой шкатулки» является не только Полевской завод, где мальчик Бажов слушал сказы В. А. Хмелинина, но весь Сысертский горный округ. Детство Бажова проходило то в Сысерти, то в Полевском. Поселки разделены небольшим расстоянием в 45 километров. Связь между ними была повседневной, владельцы — одни и те же. По словам П. П. Бажова, рассказы о «Медной горе» — о Гумешевском медном руднике — он слушал от бабушки и отца еще в сысертский период жизни его семьи. Не только Полевское, но в известной мере и Сысерть является местом действия его сказов. В «Уральских былях» речь идет обо всем Сысертском горном округе. Поэтому книга имеет подзаголовок: «Из недавнего быта Сысертских заводов». Так объясняется прямая и частая перекличка между «Уральскими былями» и «Малахитовой шкатулкой». «Уральские были» дают ответы на ряд вопросов, возникающих при анализе сказов Бажова. Книга содержит в себе такие наблюдения, воспоминания, факты, которые впоследствии в ином художественном преломлении вошли в сказы.

«Уральские были» — это и социально-экономические очерки, и очерки заводского быта, и очерки психологии рабочих Сысертских заводов. Дореволюционная жизнь горного округа показана в них очень широко.

В очерке «Сысертские заводы» дана общая характеристика округа, начиная с его географического положения, истории, состава и кончая описанием методов хозяйничанья, которым следовали заводчики, и результатов их хозяйничанья. Последнее является главным в этой части книги. Хищничество — таково самое точное обозначение хозяйственных методов господ Турчаниновых и Соломирских, хищничество и в отношении к природным богатствам края и особенно в отношении к рабочим и крестьянам. «За какие-то смешные гроши, по устаревшей расценке XVIII века, владельцы пользовались лесами, рудниками,

россыпями и — самое главное — имели возможность самым беспощадным образом выжимать пот из рабочего и крестьянина, которые своими крохотными участками были накрепко привязаны к округу и вынуждены были работать на условиях — «сколько пожалуют». В заводских селениях считалось свыше 20 000 населения да столько же было «сельских работников» в ближайших селениях: Авериной, Абрамовой, Косом Броде, Кунгурке, Полдневой, Новоипатовой, Щелкуне и др. Это огромное количество постоянных дешевых рабочих, великолепные леса и богатые руды давали возможность получать большие доходы даже при самом первобытном способе оборудования заводов».

Техническая отсталость заводов была поразительной. «Зачем было тратиться на новые машины да еще держать специалистов-инженеров, когда свои «доморощенные» правители умели без новых машин выколачивать достаточно?» Указание на отсутствие специалистов-инженеров весьма примечательно.

Техническая отсталость шла рядом с отсталостью социальных отношений на Урале и была их следствием. После отмены крепостного права порядки в Сысертском горном округе мало изменились. «Здесь просто велось огромное помещичье хозяйство с самым упрощенным выматыванием жил из рабочего и крестьянина...» Сысертские заводовладельцы не случайно попрежнему назывались «барами». Они и «после падения крепостничества продолжали владеть десятками тысяч рабочих, прикрепленных своими жалкими участками к Сысертским заводам». Отсталые, неразвитые социальные отношения тормозили, сковывали развитие производительных сил.

В таких условиях «барская воля» в Сысертском горном округе, как и на всех частновладельческих уральских заводах, была единственным законом. Естественно, что на практике такое положение проявлялось в повседневных и подчас чудовищных беззакониях, жертвой которых оказывались, конечно, рабочие и крестьяне, работавшие на заводах.

Содержащаяся в очерке Бажова характеристика заводского дела в Сысертском округе является хорошей иллюстрацией к гениальному анализу состояния уральской промышленности в конце XIX века, данному В. И. Лениным в его труде «Развитие капитализма в России». Отмечая «оригинальный строй промышленности» на Урале, В. И. Ленин

писал: «В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца 19-го века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта». «Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма» [1]. Так В. И. Ленин вскрывает причины исторически обусловленного упадка уральской промышленности в эпоху расцвета капитализма.

Он приходит к такому заключению: «Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала» [2].

Без сомнения, основываясь именно на ленинской характеристике Урала, Бажов писал свои очерки. Ленинская книга «Развитие капитализма в России» помогла ему сгруппировать воспоминания, наблюдения детских лет, осмыслить и идейно объединить их. Труд В. И. Ленина был хорошо знаком Бажову еще с дореволюционных лет. Сам писатель говорил: «Мое знакомство с марксистской литературой началось в семинарские годы, потом продолжалось уже в годы школьной работы. Я не могу сказать, что я много занимался этим делом, но основные марксистские книги, имевшиеся тогда, мне были известны. В частности, с произведениями Владимира Ильича я начал знакомиться по книге, которая вышла под фамилией Ильина, — «Развитие капитализма в России» [3].

После общей социально-экономической характеристики Сысертского горного округа Бажов рисует заводской быт. Значительное место уделено в книге заводовладельцам — «барам». Писатель так мотивирует свое внимание к ним:

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424.
[2] Там же, стр. 427.
[3] Альманах «Уральский современник», 1952, № 20, Свердлгиз, стр. 142.

«Огромное значение барской воли для всего производства Сысертского округа заставляет хорошенько вспомнить об этих барах». Коротко рассказав историю хозяйничанья Турчаниновых, постепенной и полной утраты ими прав на заводы, перешедшие к «более ловкой и близкой к верхам семейке Соломирских», Бажов резко сатирически рисует образы тех и других.

Вот перед нами последняя Турчанинова:

«Марья Антоновна — ангел небесный»,— говорили о ней заводские «присудари» и их жены. Слово «небесный» обязательно прибавлялось: думали, видно, что одного слова «ангел» мало.

«Марейка-сука»,— коротко определяла мастеровщина.

Одни налегали на внешность, другие — на внутренние качества. И те и другие по-своему были правы».

Уделив известное внимание выраженному в Турчаниновой «самым бесстыжим образом» «уклону по «сучьей линии», Бажов показывает, как употреблялись ею доходы с заводов. «Мотать она умела мастерски»,— говорит Бажов и, саркастически рассказав о ее нелепых затеях, вроде «индюшачьего завода», с негодованием заключает «обзор деятельности» Турчаниновой: «Кучка пьяных негодяев с «Марейкой-сукой» во главе будто специально старалась показать рабочему, куда и на что уходили его пот, силы, здоровье. Рабочий, износившийся окончательно за 20 лет «огневой» работы, видел, что от его труда для предприятия ничего не прибавлялось, не улучшалось. Все уходило в какую-то прорву еды, питья и никому не нужных затей».

Совладелец Турчаниновой — Соломирский, «наш Пучеглазик», как иронически звали его рабочие, в производстве ничего не понимал — «в заводском деле совсем «тютя» был. Внешне добродушный, барин старался казаться и добродетельным: он содержал приют для девочек-сироток. На деле «благодушный старик» был «вреднейшим человеком для заводского предприятия и связанного с этим предприятием населения». Сиротский приют в конечном итоге оказывался поставщиком «живого товара» для екатеринбургских притонов, а двухсоттысячные доходы от заводов без остатка поглощались супругой Пучеглазика, которая «где-то там вращалась и блистала».

Один из моментов ее кратковременного пребывания в Сысерти, выход в церковь в день какого-то праздника, Бажов описывает так: «Показалась барыня — некрасивая и

уже немолодая женщина, разодетая в необыкновенное платье с турнюром... Сам Пучеглазик был одет тоже по-особому... в расшитом золотом спереди и сзади мундире...

...«Барынин зад» заметили и рабочие.

— Видел зад-то?

— Подушка ведь. Известно.

— В подушку-ту эту и робим!

— Так видно. У Пучеглазика-то ведь тоже позолочено.

— Старайся, ребята,— может еще кому вызолотим. Тогда и помирать можно,— шутит старый заводский балагур — Стаканчик».

Психологически и исторически правдиво писатель рассказывает о реакции рабочих на то, что они увидели: «Вечером... чуть не все были пьяны. Разыгралась одна из самых жестских, бессмысленных драк. Не находили, видно, выхода... из турнюра и золоченого зада и почем-зря тузили один другого поленьями, железными тростями, кистенем».

Сысертский завод был одним из типичных для Урала 80—90-х годов маленьких промышленных предприятий. Здесь коллектив рабочих, привязанных к производству крохотными земельными участками, не пополнялся со стороны, не был связан с крупными пролетарскими центрами даже на самом Урале. «В борьбе рабочих Урала и в этот период (90-е — начало 900-х гг.,— *М. Б.*) сохранилось еще много стихийности, особенно на небольших устаревших заводах, где были сильнее крепостнические пережитки»,— свидетельствуют современные исследователи — авторы изданного в 1951 году Свердловским филиалом ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) коллективного труда «Очерки истории большевистских организаций на Урале»[1]. Там же читаем: «Ненависть рабочих к угнетателям прорывалась очень бурно, проявляясь иногда в стихийной неорганизованной форме мелкобуржуазной анархии»[2]. Различные формы стихийного проявления пролетарской ненависти к заводовладельцам и управляющим Бажов и показывает в своей книге, не раз возвращаясь к этому вопросу.

Бажов рисует образы трех «заправил» — управляющих заводским округом. «Владелец подбирал их так, что только руками разведешь, когда вспомнишь о них». Полуграмот-

---

[1] Очерки истории большевистских организаций на Урале. Общая редакция Я. С. Юферева. Свердлгиз, 1951, стр. 33.

[2] Там же, стр. 33.

ные, обычно «ни шиша не понимавшие» в производстве, считавшие «крутой» образ действий по отношению к рабочим главной гарантией «нормального» хода заводских дел, все эти «самородки» вместе с тем обладали решающим качеством, необходимым для управления округом по тем временам: они «умели угодить барину: деньги доставляли, новшеств не заводили и без наук обходились». Таков пьяница Палкин, у которого «не было обычного в заводах прозвища», потому что «фамилия казалась подходящей кличкой». Таков «Воробушек», с достаточными к тому основаниями не терпевший технически грамотных людей: он обладал далеко не «ахтительным» образованием в 2 или 3 класса гимназии, что, впрочем, не мешало ему ловко маскировать свою беспомощность и «втирать очки» Пучеглазику. Таков, наконец, Мокроносов, приходившийся внуком управлявшего заводами еще при крепостном праве держиморды Кузьки и потому получивший кличку «Кузькино отродье». Он повел такую жестокую политику снижения зарплаты и черных списков, что «рабочему стало нечем жить, и новоявленный экономист был взят за жабры, да так, что едва успел увернуться» с помощью «прихвостней» от разбушевавшейся толпы рабочих. Мокроносов не изменил образа действий. Но, наводнив завод драгунами и ингушами, после всего происшедшего он управлял округом издали — из Екатеринбурга. В первые же дни пролетарской революции, к великому удовлетворению рабочих, Мокроносов был расстрелян.

Так показывает Бажов хозяев и управителей Сысертского округа. Бездарные, распутные и сумасбродные паразиты-заводовладельцы, свирепые, пьяные, своекорыстные, беспомощные в заводском деле управляющие — всех их, врагов трудового народа, Бажов заклеймил страстными, гневными словами, выражающими отношение народа к старым «хозяевам» жизни. В очерках «Уральские были» Бажов выступает перед читателем как незаурядный сатирик. Он сумел показать типические черты в хищниках-заводовладельцах и их подручных. Именно благодаря большой силе типизации, книга Бажова конкретизирует наше представление о том, почему промышленность Урала, края неслыханных богатств, до социалистической революции переживала застой.

Заводовладельцам и заводоуправляющим Бажов противопоставляет образы рабочих.

Вот портрет «мастерка», спешащего на работу: «В рубахе и штанах из синего в полоску домотканного холста, в войлочной шляпенке без полей, в «пимах» с подвязанными к ним деревянными колодками, в засаленном коротком фартуке, быстро шел «мастерко» по заводским улицам, обмениваясь друг с другом короткими приветствиями, шуткой, летучим матерком, иной раз угрожающим, иной раз безобидным».

Таков он, производитель огромных богатств, получавший от них ровно столько, чтобы не умереть с голоду самому и кое-как прокормить семью. В типическом портрете «мастерка» Бажовым тонко подчеркнуто его уральское своеобразие: одежда из «домотканного холста» — деталь, отражающая то обстоятельство, что уральский рабочий тех времен — «местный житель, имеющий тут при заводе и свою землю, и свое хозяйство, наконец, свою семью». Так писал В. Белов в цитируемой В. И. Лениным работе «Кустарная промышленность в связи с уральским горно-заводским делом», напечатанной в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности в России».[1]

Высмеяв связанные с этой особенностью уральских заводов разглагольствования Белова о «здоровой народной» промышленности, В. И. Ленин приводит данные о том, что на юге рабочий стоит вдвое и даже втрое дороже, чем на Урале. Ленин отмечает низкую заработную плату, кабальное положение уральского рабочего и устанавливает, что техническая отсталость Урала стоит в естественной и неразрывной связи с этим.

«Мастерко» работает на заводе обычно с 12 лет. «Заводскому начальству не было дела, под силу ли детям этого возраста кочегарные работы. Было бы дешево!» Естественно, что в жутких условиях работы, при 12-часовом рабочем дне, «мастерко» в 35—40 лет становился инвалидом и попадал в разряд заводских стариков. Чтобы не платить пенсии, его пристраивали куда-нибудь в сторожа на нищенские 5—8 рублей в месяц или же за первый же проступок рассчитывали. Уволенный с завода такой старик, проработавший не один десяток лет на «огневой работе», ходил «по подоконью» и «во славу сысертских владельцев шамкал: «Подайте, христа ради...» После его смерти семье иногда

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 426.

назначалась «пенсия», которую можно было бы назвать смехотворной, если бы она не была поистине страшной. Бажов пишет: «Моя бабушка, муж которой проработал на заводе свыше 30 лет, получала свою вдовью половину в размере *84 коп. в год*... Бывали получки еще забавнее. Мне, например, в конце 80-х годов приходилось знать в Северском заводе старуху, которая получала в год 14 копеек. К этой пенсии добавлялось право срубить ежегодно 30—50 жердей, 10 бревен и получить 3 куба дров... «Руби, дескать, старушка, бревна, жерди и дрова, вот и сыта будешь... Помни, что усердная работа по заводам не пропадет».

Образ русского рабочего в очерках Бажова показан с большой любовью и теплотой. В нем писателем подчеркивается огромное духовное богатство и безусловное моральное превосходство людей труда над их хозяевами и начальниками.

Запоминается образ кричного мастера Макара Драгана. Молчаливый человек богатырского телосложения, Макар был бездетным, но любил детей, «баловал» соседских ребятишек разными фигурными плитками, которые приносил с завода для игры в бабки, по праздникам ходил с ними в лес или на рыбалку, где «как-то всегда умел показать нам то, что мы еще не видали или не замечали», охотно доставлял юным спутникам удовольствие своим «необыкновенным искусством нырять».

Бажов показывает талантливость рабочих, неистребимую способность к творчеству, хотя она выливалась в такие формы, что можно только пожалеть о народных дарованиях, загубленных, задавленных дикими социальными условиями.

Рабочий Н. Н. Медведев, по прозвищу Мякина,— один из таких народных талантов. В его сатирических песнях-импровизациях фигурировали и жирная кабатчица, «пресвятая великомученица Паруша», и представители заводского начальства — в «нарочито смешных положениях», и «гривастые дьявола и святые ангела», и «святые отцы» — попы. В «трезвое время» он был «веселым заводским рабочим», иногда замечательно пел «чистым высоким тенором». Столяр по профессии, Мякина и в работе был «своего рода художником». О песенных импровизациях Медведева Бажов говорит: «Это было творчество, грубое по замыслу, яркое по обилию образов и тонкое по отделке

деталей. Редкая легкость стиха была изумительна. Песня, каждый раз новая, лилась спокойно, уверенно». Читатель неизбежно разделяет чувства писателя, вызванные в нем воспоминаниями о даровитом рабочем, который в наших условиях мог бы найти общественно-полезное применение своим талантам: «Жаль, что этот редкий юморист-импровизатор ушел от жизни с тем, что он не более как заводской столяр Мякина, пьяные выходки которого смешили соседей».[1]

Протест рабочих против социального гнета выражался не только в сатирических песенках Мякины, которые к тому же не были столь безобидными, чтобы видеть в них только «пьяные выходки», смешившие соседей. Не случайно, как свидетельствует сам П. П. Бажов, «в трезвом виде он избегал задевать в своих остротах заводское начальство».

Тяжелая действительность воспитывала и поддерживала в рабочих чувство ненависти к угнетателям, делала устойчивыми, постоянными настроения протеста. Уже приведенная выше оценка рабочими «Марейки» Турчаниновой и их возмущение при виде турнюра мадам Соломирской показательны. Выражения пролетарского протеста далеко не ограничивались словесной формой. Бажов показывает и другие формы протеста. Ведь управитель Мокроносов едва спасся от гнева рабочих, волнение пришлось подавлять военной силой, и для поддержания «порядка» в Сысерти содержались драгуны и ингуши. Столкновения рабочих с приказными — хозяйскими прислужниками — были постоянны. Зарвавшегося маленького заводского начальника «учили». «Учь», как это называлось в Сысерти, намечалась заранее и производилась обычно под маркой якобы случайной драки. Такая форма была удобной, потому что драки в заводских поселках были явлением частым. Так однажды оказался с «отбитыми вздохами» заводской надзиратель, по прозвищу Царь. Подобные расправы нередко «сваливались» затем на «заводского разбойника» Агапыча. Сам Агапыч когда-то «пырнул ножом какого-то маленького заводского начальника и пошел за это в Сибирь». Он бежал оттуда и годами жил в заводских поселках округа, причем рабочие стара-

---

[1] Обстоятельную характеристику Н. Н. Медведева Бажов дал в составленном В. Бирюковым сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале». Свердлгиз, 1936, стр. 289—290.

тельно укрывали его, «относились к нему, как к своему лучшему товарищу».

Бажов не переоценивает значения подобных «расчетов по мелочишкам». «Рабочий делал лишь первые шаги в борьбе с буржуазией, ближайшим представителем которой он считал заводских приказных», — говорит писатель.

Но классовое сознание пролетариата росло.

В 90-х годах на уральских заводах было зарегистрировано уже 28 стачек. Под влиянием ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во второй половине 90-х годов возникли социал-демократические группы и на Урале. В результате их революционной работы стачечная борьба усилилась. В 1900—1904 годах произошло уже 20 забастовок, причем они стали более массовыми и упорными. В революции 1905 года уральские рабочие, руководимые большевиками, действовали как один из значительных ее отрядов. Только в мае на Урале произошло 22 забастовки, причем экономические требования рабочих обычно сочетались теперь с политическими. Декабрьское вооруженное восстание московского пролетариата отозвалось вооруженным восстанием в Мотовилихе, вооруженными выступлениями рабочих в Уфе, Челябинске, Чусовой.[1] Даже на небольших и отсталых заводах развертывалось забастовочное движение. Стачечной борьбе рабочих Сысерти в 1905 году П. П. Бажов посвятил одну из своих книг — «К расчету».

Сказанным о книге «Уральские были» ее содержание не исчерпывается. Бажов готовил свои очерки долго и тщательно, он использовал большой материал и собственных наблюдений, и рассказов окружавших его в детстве людей, и печатных трудов, и архивных источников. Обстоятельно рассказывает он о труде и быте вспомогательных работников заводов из сельского населения, в частности о «куренном» ремесле, и о быте приискового населения, и о местном спичечном заводе, и о «чертознаях» — охотниках и рыбаках, умевших, благодаря своим познаниям о повадках животных и рыб, добиться более или менее независимой жизни, и о заводской школе, где «учить и бить были почти

---

[1] Данные о пролетарской борьбе на Урале в 90—900-х годах приводятся по книге «Очерки истории большевистских организаций на Урале», Свердлгиз, 1951.

равнозначащими выражениями», и о других сторонах жизни Сысертских заводов.

Писатель верно отобразил Урал 80—90-х годов прошлого столетия, показал «особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России». [1]

Эти слова В. И. Ленина относятся к произведениям Д. Н. Мамина-Сибиряка. Но они в полной мере могут быть отнесены к основным произведениям Бажова — и к посвященным прошлому Урала сказам из «Малахитовой шкатулки», и к «Уральским былям».

Не случайна столь частая перекличка между «Уральскими былями» Бажова и произведениями Мамина-Сибиряка. Объясняется она, прежде всего, общими объектами изображения, а также тем, что Бажов в какой-то степени опирался на фактические свидетельства старого уральского писателя. «Я сам изучал Урал его времени по Мамину-Сибиряку»,[2] — говорил Бажов.

Многочисленны свидетельства, являющиеся общими для обоих писателей.

Истории «заводского разбойника» Агапыча, рассказанной Бажовым, аналогична история «заводского разбойника», ранее кричного рабочего Марзака, о котором рассказывает Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Не у дел» (1888 г.): «Ни в чем не повинного Марзака отвели в машинную и прописали жестокую порку. Он обозлился и с ножом бросился на приказчика. Дальше следовала уже настоящая порка, кандалы и Верхотурский острог». Позднее Марзак «ушел из острога».[3] В очерке «Савка» Мамин-Сибиряк пишет: «Такой свой разбойник пользовался всеми симпатиями массы и превращался в героя. Он шел за общее дело, и масса глухо его отстаивала».[4]

В памяти стариков «заводские разбойники» сохранились

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 427.

[2] Альманах «Уральский современник», 1952, № 20, стр. 160.

[3] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. Изд. А. Маркса, 1918, т. V, стр. 36.

[4] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Избранные произведения. Свердлгиз, 1938, стр. 721.

до сих пор. Уже в 1951 году в рабочем поселке Черноисточинске, расположенном в 40 километрах от Висима, родины Мамина-Сибиряка, нами записаны рассказы о местном «заводском разбойнике» Иване Кривенкове. Время действия рассказов — конец 80-х и самое начало 90-х годов. Они содержат в себе легендарные мотивы, обычные для фольклорных произведений о «симпатичных» народу «заводских разбойниках»: «кандалы его не держали», «он какот заговор знал от пули».

Мамин-Сибиряк и Бажов черпали из общего источника — из жизни уральских заводов.

Как и у Бажова, в произведениях Мамина-Сибиряка часто встречаются образы свирепых управляющих. Таков, например, в романе «Три конца» образ управителя медного рудника Чебакова, который «прославился своей жестокостью и в среде рабочих был известен под кличкой Палача, причем эта кличка была наследственной: она перешла к Чебакову от его отца».[1]

Очень много общего в описаниях условий труда, в характеристике состояния заводов у Бажова не только с Маминым-Сибиряком, но и с Решетниковым,— начиная со свидетельства о том, что «мастерко» начинал работать с 11—12 лет, и кончая указанием на раннюю старость заводских рабочих. «У нас на заводе рано в старики записываются, сорок лет — и старик»,— говорит «мастеровой» в очерке Мамина-Сибиряка «Бойцы».[2] Как и Бажов, Мамин-Сибиряк утверждает: «Заводовладельцы привыкли только получать с заводов миллионные дивиденды, ничего не вкладывая в дело от себя» («Три конца»).[3] Естественно, что писателей привлекали и общие, наиболее характерные детали. «Яркие красные пятна на высохшем лице все еще напоминали о тяжелой огневой работе»,— пишет Бажов в «Уральских былях». У Мамина-Сибиряка этот образ встречается неоднократно. «Заводские мастеровые отличаются... запеченными в огненной работе лицами» («Бойцы»);[4] «Лица у всех были покрыты яркими красными пятнами, что служило лучшей вывеской тяжелой огненной работы» («Три кон-

---

[1] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Избранные произведения. Свердлгиз, 1938, стр. 240—241.
[2] Там же, стр. 663.
[3] Там же, стр. 364.
[4] Там же, стр. 606.

ца»);[1] «Кричные мастера ходили с красными, запеченными лицами» («Охонины брови»).[2]

Много общего у обоих художников в описании особенностей заводского быта.

Страстная любовь к трудовому народу, к русскому рабочему человеку нашла яркое выражение и в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ф. М. Решетникова, и во всем творчестве Бажова, начиная с первой его книги. Но русские писатели прошлого по-иному подходили к показу народа, чем П. Бажов. Они делали упор на изображение мрачных сторон, на тяжесть жизни старых горнозаводских рабочих, на их темноту, забитость. И понятно: реалистический показ ужасающего положения рабочих в буржуазно-помещичьей России был формой протеста писателей-демократов против социального гнета и эксплуатации трудящихся. Это не могло помешать ни Мамину-Сибиряку, ни Решетникову показать духовную красоту русского трудового народа. В 1912 году А. М. Горький писал Д. Н. Мамину-Сибиряку: «Люди, коим Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык,— почтительно и благодарно кланяются Вам, писателю воистину русскому.[3]

Бажов показал и каторжную эксплуатацию рабочих, и тяжесть их жизни вообще, и отрицательные явления в старом рабочем быту, порожденные социальным угнетением. Но упор он делает на другое: на изображение яркой талантливости русского рабочего человека, неугасимой даже в условиях страшного социального бытия, на показ неистребимой ненависти к эксплуататорам, протеста против порабощения и эксплуатации. И ту и другую стороны жизни рабочего Бажов знал лучше своих предшественников по художественному отображению Урала.

В «Уральских былях» содержится и объяснение нового подхода Бажова к изображению Урала и уральского пролетариата. Суть дела в том, что Бажов смотрел на рабочих и на их труд не со стороны, не взглядом сочувствующего, хотя бы и горячо сочувствующего, а «изнутри», как человек, еще в детстве кровно связанный с рабочими Урала, с детства живший их интересами, нуждами, радостями.

---

[1] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Избранные произведения. Свердлгиз, 1938, стр. 375.

[2] Там же, стр. 557.

[3] М. Горький. Письма к писателям. Библиотека «Огонек», 1936, № 72 (987). М., стр. 34.

Не случайно «Уральские были» открываются очерком «семейным» («В детские годы»): в нем описываются тяжелые переживания семьи мальчика Бажова в связи с увольнением его отца с завода. Петр Бажов обладал большой работоспособностью и «ценными навыками по пудлингово-сварочному цеху», его ценили на заводе. Но вместе с тем он был смел, остер на язык — недаром заводская кличка его была «Сверло». Заводские начальники нередко испытывали на себе воздействие «круто посоленных» острот старшего Бажова. За «бунчанье» отца «проветривали», то есть увольняли с завода, причем «проветривание» продолжалось обычно год-полтора, редко меньше». «Семейный» эпизод, составляющий содержание первого очерка книги «Уральские были», является как бы дверью, через которую писатель вводит читателя в жизнь заводского округа.

«Я просто жил жизнью рабочих, слышал их жалобы, разговоры, «хлесткую» насмешку над «верховодами», видел жизнь и работу этих «верховодов» и хочу, как умею, рассказать об этом, охватывая главным образом 80-е годы» — так заканчивается первый очерк «Уральских былей». В последующих очерках книги читатель все время чувствует рядом с собой не только писателя Бажова, но и сысертского мальчика Бажова, одного из персонажей книги, который уже полностью воспринял интересы, точку зрения своей семьи, своей классовой среды и на все окружающее смотрит ее глазами. Если любимая бабушка говорит о заводском надзирателе Царе: «Ежели накроют, так этого — собака — и заслужил»,— то ведь не может же быть сомнения в том, что надзиратель — действительно собака и действительно заслужил основательной «взбучки», которой ему угрожают рабочие.

Заводские ребята любили дразнить ненавистного рабочим «плотинного», усердно выслуживавшегося перед заводовладельцами, что могло навлечь крупные неприятности на всю семью. И вот, «чтобы не «подкузьмить больших», пускались на хитрости,— старались дразнить не в своей улице, а подальше, в нашей же улице дразнили соседние уличане». И здесь то же самое: ребенком прекрасно усвоены не только настроения рабочих, но и их интересы, и соблюдаются они неукоснительно.

Бажов с детства усвоил глубокое уважение к рабочему человеку, научился любить его труд, гордиться умелыми рабочими руками. Иначе не могло и быть. В автобиографи-

ческой повести «Дальнее—близкое» (1949), страницы которой, посвященные детству писателя, стоят на уровне лучших произведений Бажова, имеется интересный в этом плане эпизод. Во время вступительного экзамена в духовное училище мальчик Бажов (в повести — Егорша), услышав замечание инспектора в свой адрес: «Отец у него простой рабочий» — был до крайности поражен: «Инспектор, а не понимает! Какой же простой, коли тятя с Ильей Гордеичем — самолучшие мастера! По всему заводу! А по сварке никто против него не выстоит».[1] Глубокая вера в могущество трудового народа воспитывалась в мальчике всем его окружением. «Зауголышный житель», мелкий чиновник горного ведомства в Екатеринбурге, Полиевкт Егорыч говорил Егорше: «Ох, и твердой у нас народушко!.. Прямо сказать, въедливый народ. И терпеливый тоже. Развяжи-ка такому руки, так он тебе на этом же месте такое сгрохает, что по всему миру отдачу даст. Ты это попомни, Сысертский» («Дальнее — близкое»). И «Сысертский», которому тогда было десять лет, запомнил слова Полиевкта Егорыча на всю жизнь.

Но Бажов не только лучше знал жизнь дореволюционных уральских рабочих. Он знал ее по-новому. Бажов знал, как развертывалась классовая борьба пролетариата в последующие десятилетия, знал великие события трех русских революций, был участником величайшей из революций в человеческой истории в качестве одного из ее солдат в гражданской войне. Бажов видел родной народ, видел тех же уральских рабочих в борьбе за социальное переустройство, жил с ними общей жизнью, боролся плечом к плечу. О таком рядовом рабочем-революционере, своем боевом товарище, малограмотном, но мудром мудростью своего класса, Бажов позднее писал, как об одном из «изумительных представителей пролетариата, которые, будучи сами неграмотными и малограмотными, открыли мне, интеллигенту того времени, правильный путь в жизнь»,— «на редкость целый и какой-то внутренне заряженный был человек...»[2]

Глубоко закономерным было вступление будущего писа-

---

[1] Бажов говорил: «Произведение «Дальнее — близкое» — автобиографическое» («Уральский современник» № 20, стр. 143).

[2] Письмо П. П. Бажова К. В. Казанцевой от 1 марта 1946 г. Письма П. П. Бажова цитируются по вторым машинописным экземплярам, хранящимся в архиве писателя в Свердловске.

теля в коммунистическую партию. «...В практике жизни мне стало видно, что это та партия, которая мне ближе всех подходит, я с ней пошел и с 1918 года состою в ее рядах»,— так говорил Бажов незадолго до своей смерти.[1]

Революционная борьба рабочего класса, участие в ней помогли Бажову глубоко осмыслить прошлое, понять его с позиций самого передового коммунистического мировоззрения.

В «Уральских былях» Бажов разделяет и отстаивает классовые интересы рабочих. В этом, как известно, и состоит существо партийности: «...материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».[2]

В «Малахитовой шкатулке» в поисках формы для наиболее убедительной передачи устремлений, мыслей, настроений, чувств рабочего человека Бажов пошел дальше, чем в «Уральских былях»: он полностью предоставил слово одному из тех рабочих, которые его окружали в детстве. Большой писатель Бажов стал рассказывать о родном ему Урале, о русском рабочем человеке с позиций самой рабочей массы и ее языком. Это вело к новому освещению старого Урала. Таким образом, решающим фактором в освещении Урала по-новому явилось то обстоятельство, что художник Бажов был коммунистом, советским патриотом, советским художником, который жил жизнью людей рабочего класса с детства и отлично знал ее.

У писателя Бажова был такой великий учитель, как А. М. Горький, давший непревзойденные образцы художественного отображения жизни и борьбы рабочего класса в дореволюционной России.

В письме М. Гаркнес, по поводу ее «Городской девушки», Ф. Энгельс, упрекая писательницу за недостаточную реалистичность рассказа, говорил: «Ваши характеры достаточно типичны в тех пределах, в каких они вами даны, но нельзя того же сказать об обстоятельствах, которые их окружают и заставляют действовать. В «Городской девушке» рабочий класс фигурирует как пассивная масса, неспособная помочь себе, даже не делающая попыток помочь себе. Все попытки вырваться из притупляющей нищеты исходят из-

[1] Альманах «Уральский современник», № 20, стр. 142.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 380—381.

вне, сверху. Но если это было верное описание 1800 и 1810 гг., времени Сен-Симона и Роберта Оуэна, то это не так в 1887 г.

...Революционный отпор рабочего класса угнетающему его окружению, его судорожные попытки — полусознательные или сознательные — добиваться своих человеческих прав являются частью истории и могут претендовать на место в области реализма».[1]

Об отсталости пролетариев Ист-Энда в Лондоне, взятых М. Гаркнес в качестве объекта изображения, Энгельс знал, но это не остановило его от упрека в адрес писательницы. Он писал:

«Я должен признать в вашу защиту, что нигде в цивилизованном мире рабочий класс не проявляет менее активного сопротивления, большей пассивности судьбе, большей подавленности, чем в Ист-Энде Лондона. И почем я знаю, не было ли у вас достаточных оснований для того, чтобы довольствоваться изображением пассивной стороны жизни рабочего класса, оставляя активную сторону этой жизни для другого произведения?»[2] В безукоризненно тактичной форме Энгельс преподал совет писательнице относительно того, как надо изображать рабочий класс.

Бажов уже в первой своей книге реализует совет великого учителя мирового пролетариата. Он опирался при этом на художественную практику А. М. Горького, и в 1924 году, в ранний период развития советской литературы, первые его шаги в изображении прошлого рабочего класса были верными. Это тем более существенно, что он изображал рабочих отсталого Урала 80-х годов XIX века.

В полную меру своих возможностей Бажов реализовал указания Энгельса в сказах. Революционная практика победоносного пролетариата СССР обеспечила успешность художественной деятельности писателя, она подсказала писателю искомые художественные решения.

В заключение характеристики «Уральских былей» следует сказать о том, что сближает книгу очерков Бажова с «Малахитовой шкатулкой».

Общими для них являются прежде всего многие стороны идейного содержания, точка зрения в освещении фактов и явлений, частично — круг образов, то есть то, что в целом

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Об искусстве. «Искусство». 1937, стр. 163.

[2] Там же, стр. 165.

можно назвать общей «атмосферой» обеих книг. Кроме того, ряд фактов, событий, известных Бажову с детства и показанных в «Уральских былях», явились отправными моментами для создания сказов или вошли в них как существенные составные элементы.

В «Уральских былях» впервые в произведениях Бажова появляется образ Стаканчика. Стаканчик одно из прозвищ В. А. Хмелинина; от него в 1892—1895 годах Бажов слышал сказы, которые он и попытался воспроизвести в 1936 году и которые положили начало «Малахитовой шкатулке». Бажов писал в 1940 году: «Звали его Хмелинин Василий Алексеевич, но это только так,— по заводским и волостным спискам. Ребята обычно звали его дедушка Слышко. У взрослых было еще два прозвища, на которые старик откликался: Стаканчик и Протча. Почему звали Стаканчиком, об этом, конечно, легко догадаться, а два других прозвища шли от любимых присловий: слышь-ко и протча (прочее)».[1] В «Уральских былях» Стаканчик появляется дважды: первый раз — в очерке «Бары», где приводится его острая реплика в эпизоде выхода в церковь супруги Соломирской, второй раз в очерке «Рабочие и служащие», в главе «Приисковые», где коротко излагается история находки Стаканчиком 18-фунтового золотого самородка и последовавшие затем события. Здесь содержится схема сюжета сказа «Тяжелая витушка».

Образ деда Слышко впоследствии стал образом рассказчика в довоенных сказах Бажова, одним из основных образов «Малахитовой шкатулки».

В главе «Исконные» (очерк «Бары») повествуется о «дикой, глупой» борьбе между совладельцами заводов — Соломирским и Турчаниновой; в переработанном виде этот материал вошел впоследствии в сказ «Травяная западенка». Это же относится к характеристикам Турчаниновой из главы «Турчаниниха» и Соломирского из главы «Пучеглазик». Факты, отраженные в главе «Турчаниниха», относящиеся главным образом к моральному облику этой особы, послужили материалом для сказа «Марков камень». Есть известная перекличка между описанием процесса углежжения в главе «Заводские» и в сказе «Живинка в деле». Характеристика отношения заводоуправления к удачам ста-

[1] П. П. Бажов. У старого рудника. Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 30.

рателей в главе «Приисковые» перешла в сказы «Про Великого Полоза» и «Две ящерки». В этих же сказах легко обнаружить отражение некоторых явлений действительности, ранее описанных в главе «Чертознай»,— в частности, таков образ Семеныча. На одни и те же наблюдения Бажова опираются сведения об «институте ученичества» из главы «Спичешники и кустари» и история ученичества мастера Данилы в сказе «Каменный цветок». В сказе «Приказчиковы подошвы» отражены факты, описанные в главе «Расчеты по мелочишкам». Наконец, к одним и тем же явлениям исторической действительности восходят образ «заводского разбойника» Агапыча и образы Марка («Марков камень»), Матвея и Дуняхи («Кошачьи уши»).

Таковы конкретные точки соприкосновения сказов «Малахитовой шкатулки» и очерков «Уральские были».

В первой же своей книге Бажов выступает в качестве новатора в изображении дореволюционного Урала. Опираясь на опыт художественного освоения старой уральской действительности такими крупными художниками-демократами, как Решетников и Мамин-Сибиряк, многое взяв у них, Бажов прославляет творческие силы трудового народа и одновременно создает резко сатирические образы эксплуататоров, выражая через эти образы страстную классовую ненависть рабочих к угнетателям. В первой же своей книге Бажов выступает как мастер художественного очерка.

Особенное внимание обращает на себя уменье Бажова в рамках художественного очерка достигнуть большой силы типизации. Писатель изображает то, что он видел и слышал, описывает совершенно конкретных людей, оставляя за ними даже их имена. И в то же время он умеет увидеть и показать читателю типические классовые черты в изображаемых им людях. Главное средство типизации, используемое писателем,— отбор классово характерных черт. «Уральские были» — хороший пример типизации в художественном очерке. И вместе с тем в каждом образе Бажов мастерски показывает отдельное, индивидуальное, благодаря чему действующие лица очерков предстают перед нами в их своеобразии и запоминаются. Искусством использовать в целях индивидуализации художественную деталь Бажов хорошо владел уже в период работы над первой его книгой.

Тема «Уральских былей» была именно той темой, в разработке которой Бажову и предстояло стать впоследствии крупным советским художником.

2

С 1924 года по ряду общественных причин и обстоятельств личной биографии Бажов отошел от разработки темы горнозаводского труда на дореволюционном Урале и на протяжении последующих 12 лет занимался проблемами, более актуальными с точки зрения непосредственных, сегодняшних интересов рабочего класса, партии, всей страны. Очерковые книги по истории гражданской войны на Урале, очерки и рассказы о ломке в ходе острейшей классовой борьбы старых социальных отношений и старого быта, о формировании и укреплении новых общественных отношений и новых форм быта в деревне, очерки по истории заводов на материале уральской лесной промышленности, наконец, повседневная корреспондентская работа — таково содержание журналистской и писательской деятельности Бажова после выхода «Уральских былей» — в 20-х и первой половине 30-х годов. Бажов обращается к разным жанрам (документальный историко-революционный очерк, фельетон, рассказ, повесть), но художественный очерк остается главным его жанром.

Наиболее убедительные факты творческого роста писателя обнаруживаются именно в этом жанре (например, очерк «По новому пути», «Спор о стихах»).

В 1927 году Бажов опубликовал одно из наиболее крупных произведений раннего периода его творчества—повесть «За советскую правду», посвященную партизанскому движению в Сибири. В коротеньком вступлении автор так определяет задачи и содержание повести: «Время действия — февраль-апрель 1919 г.» Должна быть освещена «та полоса, когда движение еще не оформилось, но уже везде чувствовалось». «Ничего яркого, бьющего в глаза в этой полосе жизни Сибири, но мелочи были настолько показательны, что я решаюсь дать *маленький кусок тогдашнего быта*, по рассказам непосредственных участников».[1] (Подчеркнуто нами,— *М. Б.*).

Повествование ведется от лица находящегося в тылу у белых подпольщика-коммуниста Кирибаева. Он же — главное действующее лицо повести. Попав в глухой угол Каин-

---

[1] П. П. Бажов. За советскую правду. Сб. «Уральские были». Свердлгиз, 1951, стр. 98. В первой главе все цитаты из произведений П. П. Бажова приводятся по этому изданию. Цитаты, взятые из других изданий, оговорены особо.

ского уезда, устроившись по подложным документам на должность учителя Бергульской сельской школы, Кирибаев оказывается человеком, вокруг которого собираются местные силы революционного крестьянства. Повесть заканчивается описанием первых открытых боевых действий крестьян-партизан, вступивших в борьбу «за советскую правду», против белогвардейцев и интервентов.

Следуя за своим героем сначала по линии Сибирской железнодорожной магистрали, затем по боковой ветке от Барабинска до Каинска, от Каинска, по тракту, до волостного центра — Биазы и, наконец, по зимней тропе до деревни Бергуль, Бажов убедительно показывает, что колчаковское «правительство» уже не имело никакой социальной опоры в населении. Если по линии железной дороги и в городах колчаковщина еще казалась живой, то в каких-нибудь двадцати верстах от города видно, что «деревня совсем откачнулась». «Говорить плохо о власти боятся, но ни в чем уже ей не верят. Чуть не единственный разговор здесь: нет товаров и сбыта хлеба, нет заработков». «Обманутое вначале сибирское крестьянство теперь приходило везде к одинаковому выводу: «Какой это порядок: четверть пирует да торгует, остальные воюют либо без дела дома сидят».

Карательные отряды без разбору порют и расстреливают людей, но результат свирепых экзекуций один: неуклонный рост протеста и ненависти трудящихся по отношению к антинародной самозванной власти. Ничтожная горстка ее сторонников из числа кулаков, попов, спекулянтов и прочих захребетников предпочитает выполнять свои обязанности ищеек и доносчиков втихомолку, причем выполняет их без особой охоты: боится нарастающего народного гнева.

Все очевиднее становится усиливающийся развал колчаковской армии. Пьянствовали и распутничали офицеры, «матерно, с вывертами ругались, блевали и скандалили колчаковские каратели». «Закачало адмирала в сибирских снегах». Все очевиднее безнадежность положения и шаткость расчетов «новых хозяев» Сибири — американских, английских, японских и французских интервентов. Еще «неподвижными рачьими глазами глядели окаменелые в своей важности американцы и англичане. Загадочно улыбались японцы. Около хорошо выкрашенной и до последнего бесстыдства разодетой поездной мадамы хорохорился смешным

золоченым петушком французский полковник». Но уже чувствовалось: в народе растет нечто мощное и грозное, что сметет всю эту жадную свору хищников с родной земли. Все более действенные, активные формы принимает глубокое убеждение трудового крестьянства: «Без Рассеи нельзя. Там усе. И правда там».

В повести обнаруживаются многие черты стиля Бажова, ставшие характерными уже в досказовом его творчестве и получившие впоследствии наиболее полное выражение в сказах: внимание к фольклору и щедрое использование его, богатые лексические запасы и большая чуткость в отношении к языку, уменье с помощью скупых, но ярких деталей показать главное в человеке, в явлении, в ситуации.

Писатель вводит в текст повести и «байку», напеваемую матерью над колыбелью ребенка, и описание деревенской вечеринки, с танцами и песнями, приводит текст плясовой песни и в речи одного из персонажей — повсеместно известное сказочное присловье: «Скоро сказка сказывается». Вводя в повесть фольклорные тексты, Бажов дает им социальную оценку: «В песне, которой помогают горбуну-бандуристу, слышится Сибирь и отголосок дикого старообрядческого взгляда на женщину:

Из поганого рему,
Из горькой восины
Чорт бабу городит».

Самое использование подобного песенного текста мотивировано тем, что Кирибаев попадает в старообрядческую деревню, наблюдает ее быт и действительно дикие семейные понятия и нравы. Бажов дает свободу своим этнографическим наклонностям и мастерски рисует быт «кержаков». Когда-то беспросветно застойный, теперь он, под влиянием революции и гражданской войны, основательно «проветривается». Старые устои рушатся, несмотря на то, что действие происходит в колчаковском тылу: мощное воздействие социалистического переворота сказывается во всех уголках страны именно потому, что он назрел, стал исторической необходимостью.

Вводя в повесть отрывок романса, «исполняемого» в белоофицерском притоне, Бажов всеми словесными средствами еще более снижает и без того низкопробный текст:

«В узкий просвет коридора видна спина в «американской форме».

Тренькает гитара. Визжит женщина. Пьяный мужской голос выводит:

За-ла-туую па-ставлю кра-а-вать...

Кирибаев сплюнул и хлопнул дверью».

Все детали этого коротенького, но эмоционально очень насыщенного эпизода служат выполнению одного из главных идейных заданий повести — показу разложения главарей продажных колчаковских банд. В частности, выбор слов из популярной в свое время среди мещанства песни «Любовь разбойника», которые смакует белогвардеец, характеризует его как пошляка. Очень существенна такая деталь, как «спина в американской форме».

Белое офицерство во главе с Колчаком, в безнадежных попытках сохранить классовое господство буржуазии и помещиков, не только само продается иностранным интервентам, но торгует интересами родины, заглушая пьяным угаром и гнусным распутством сознание назревшего и неизбежного полного своего разгрома.

Бажов широко использует свои лексические наблюдения. Рисуя старообрядческую сибирскую деревню, он характеризует говор местных крестьян и объясняет его особенности.

«Пришли они сюда — в урман — 17 лет тому назад. Все — «по древней вере». Раньше жили в Минской губернии. Деды и прадеды жили за границей. Туда бежали из Новгородской губернии в пору жестокого «утеснения».

...Занятной казалась сама форма речи старика. К основному великорусскому говору пристали мягкие окончания южанина. Украинские слова: що, мабуть, трохи — переплетались с польскими: агрест (крыжовник), папера (бумага). Тут же тяжело брякало сибирское: сутунок (отрезок тяжелого бревна), шабур (верхняя одежда). Немало влипло и от церковной книги: молодейший, тонейший, беси, еретики».

Писатель в диалоге дает образцы речи жителей этой своеобразной сибирской деревни:

— Не глядите вы, восподин вучитель, на старуху. Она у меня як старица. Того не смышляет, что у городу мальцы и девки нумеры знають, у школе вучатся. Скидайте шабур да идите до железянки. Тепло тута.

Гостеприимство старика окончательно взбесило старуху:

— Тьфу ты, сатанин слуга! Внучку-то тоже нуме-

рам вучить будешь? Мало покарал восподь? Горчайше хочешь?

Бажов отнюдь не ограничивается этнографической характеристикой местной речи. Социальные речевые характеристики персонажей повести не менее ярки и выразительны. За только что приведенной репликой читатель рассмотрит образ фанатически настроенной «кержачки».

К Кирибаеву является бергульский старообрядческий поп. «Толстоносый седой старик с бегающими глазами. Одет в меховое полукафтанье, в руках шапка из бурой лисицы. Речь ласковая, «с подходцем». Начинает издалека.

— Живем в темном месте. Всего боимся.

Расспрашивает о дороге, о квартире. Потом опять:

— Всего боимся. Темные люди. Старину-матку держим, а как по-хорошему ступить, не знаем.

Кирибаев догадался, к чему клонит поп, и навстречу говорит:

— Закону вот велят учить, так я не буду. Тут у вас все старообрядцы.

— Вот, вот! — зачастил поп.— Это самое. Этого и боимся... Вот как сойшлись. У двух словах. Видно хорошего человека. А мы боимся. Благодарны будем. Не беспокойтесь.

Недели через три секретарь волостной управы передал Кирибаеву «на память» поповский донос о безбожии учителя».

В характеристике бергульского попа — белогвардейца, шпика, доносчика — большую роль играет и его портрет, и его речь,— заискивающая, лицемерная, «прощупывающая» и трусливая.

Вот, наконец, речевая характеристика колчаковского офицера, объясняющегося с шинкаркой:

— Ты мне вчера какую водку послала, сука?

— ...Да вот те Христос, ваше благородие, цельная была...

— Была, да давно, как ты же,— острит офицер. Потом переходит на свирепый тон:

— Вот тебе, сволочь, последний сказ. Разведешь — такие на заду печати наставлю — век не забудешь.

Алкоголик, пошляк, хам, каратель — таким предстает перед читателем это белобандитское «благородие».

Верный показ тенденций общественного развития, политическая острота, яркость художественной изобразитель-

ности, обнаруживающаяся прежде всего в социальных характеристиках,— таковы достоинства повести «За советскую правду».

Бажов убедительно показал, что сибирское трудовое крестьянство всей своей жизнью, предшествующей историей было подготовлено принять «советскую правду», созрело для нее, ждало провозвестников ее, было готово организоваться для борьбы. Положительным фактом является уже самая попытка показать коммуниста как организатора крестьян в гражданской войне. Но попытка эта не была удачной. Больной и измученный человек, ищущий в колчаковском тылу «тихий угол», чтобы полечиться, отдохнуть и окрепнуть, Кирибаев случайно, как-то помимо своей воли оказывается в центре событий, вернее, во власти событий, подталкивающих, заставляющих его принять на себя роль вожака подымающегося на борьбу крестьянства. Образ Кирибаева не является типическим образом коммуниста. В психологическом плане этот образ разработан недостаточно, он статичен. Сюжет повести очень слаб: она приближается к излюбленному жанру раннего Бажова — к очерку. Таковы причины, которые помешали повести «За советскую правду» стать заметным явлением советской литературы.

3

Для понимания процесса формирования стиля Бажова, как писателя, представляет большой интерес еще одно из исторических его произведений — очерк «Спор о стихах» (1933 г.). Произведение представляет собою начало задуманной, но не осуществленной повести из истории Великой Октябрьской революции. Бажову пришлось отказаться от первоначального замысла и, прервав работу, написать о том же самом, но по-другому — документальную книгу по истории гражданской войны на Урале. Начало повести писатель все же опубликовал в 1933 году в журнале «Штурм» под заглавием «В кадетской крепости». Заглавие «Спор о стихах» было дано автором очерку уже при подготовке сборника «Уральские были». Оно точнее определяет содержание его, как самостоятельного произведения.

Время действия — конец лета 1916 года. Очерк состоит из двух частей. В первой дается общая характеристика жизни города Камышлова, в прошлом уездного центра.

«Отцы города», купцы «еще вовсе старого выпуска», встревожены тем новым, что уже настойчиво входило в уездную жизнь, как признаки каких-то близких и больших событий, но было и непонятно «обветшалым столпам» и пугало их. Среди приказчиков стали появляться «политики», которыми «интересуются» власти. Некий ссыльный, нанявшийся в обувную мастерскую в качестве сапожника, публично ведет разговоры «не в ту сторону». Среди рабочих еще не мало склонных «с устатку выпить праздничным делом» и тем умиляющих «отцов», но появились и такие, которые книжки почитывают, что отнюдь не «умилительно». «Отцов города» старой закваски оттесняют вышедшие из их же среды, из их семей дельцы нового склада, называющие себя уже не «отцами», а «деятелями». «Деятели» очень сочувственно относятся к погромному «Союзу Михаила Архангела», столь симпатичному «отцам», но понимают, что назревают какие-то события, требующие не столько помощи «архангела», сколько лучшей организации буржуазии. Поэтому «деятели» усиленно «сбивают» людей «своего сословия» в кадетскую партию.

«Злой ноне народ стал»,— такими словами выражают «отцы» свою тревогу, с тоской наблюдая, как колеблются устои когда-то болотно-спокойного камышловско-окуровского житья. Шел третий год империалистической войны. Был канун февральской революции.

На этом фоне, представляющем собою картину большого обобщающего смысла, рисуются внешне незначительные события «спора о стихах», составляющие содержание второй части очерка. Гимназистка, купеческая дочка, на благотворительном концерте читает шовинистско-милитаристические стихи. Бестактное размусоливание войны, уже достаточно дорого обошедшейся народу, вызывает справедливое негодование и возмущение рабочих. Воинственно настроенная девица, получив резкий отпор, бежит со сцены в полуобморочном состоянии. Между зрителями первых рядов — представителями буржуазной интеллигенции и тыловыми мародерами — и «галеркой», занятой рабочими, возникает словесная перепалка — «спор о стихах». Для активистов-рабочих он завершился в кабинете уполномоченного по военной охране города — предупреждением о возможности «административного выселения за пределы губернии».

Дискуссия о стихах предстает в очерке как одно

из бесчисленных предвестий приближающейся революции.

Произведение написано на материале личных наблюдений писателя. Из «начала повести» получился хороший, яркий исторический очерк.

Обращает на себя внимание уменье писателя скупыми, но предельно выразительными средствами создать образ персонажа, в частности — его портрет, который у Бажова почти никогда не бывает «нейтральным», а несет на себе большую идейную нагрузку. Весьма удались писателю сатирические портреты.

Выразителен портрет гимназистки, выступающей с милитаристскими стихами: «На сцене рослая, пышноволосая, сбитыш-девица крепкой купецкой выкормки. Мягкие, спокойные движения, но в голосе какая-то далекая отрыжка базарной торговки. Он неприятно резок и со срывами. Звонко выкрикнула: «Родина зовет», стихотворение Наталии Грушко»... Дала длинную паузу... для настроения. Предполагалось, очевидно, и самой перестроиться на глазах у публики, как-то внешне отразить «красиво-печальный образ тоскующей, но гордой матери». Но ничего не выходило. На лице чтицы попрежнему одно глупое самодовольство. Видно, что она горда своим молодым крепким телом, своей пышноволосостью, двумя отцовскими салотопками, ловко сшитой гимназической формой из хорошей материи, праздничным белым фартуком и тонкими «настоящими бельгийскими» прошвами, идеально проглаженными складками — и только».

Портрет превращается в социальную характеристику: за позой, за игрой в благородные чувства обнаруживается пошлость и вульгарность «базарной торговки», подманивающей женихов и «молодым крепким телом», и отцовскими салотопками, и игрой в высокие чувства, которым противоречит «глупое самодовольство на лице», и игрой в патриотизм, напускной характер которого разоблачается ее гордостью «настоящими бельгийскими» прошвами. Писатель мастерски обнажает противоречие между внешностью и «содержанием» купеческой дочки.

Ростовщик, пытавшийся публично «разоблачить» местных большевиков и открыто предлагавший властям свои услуги в качестве доносчика, рисуется так: «хорькообразный старичонка» с «хищным остреньким личиком, к которому с подбородка и щек как будто были привешены пучки

сухого седого мха»; на лице — «торжество побеждающего шпика». Когда этому «ломбардному хорьку» дают резкий отпор, «он сразу сник, спрятался за других, как-то по-крысиному пискнув».

В этом же ряду — портрет «шарообразного тюремного доктора», который «раскачиваясь на ходу, потащил свое обширное брюхо на сцену», и портрет женолюбивого полицейского надзирателя, «рыжего Мефистофеля», «тощего, остроголового», «с бронзовым завитком на подбородке», «с покатыми плечами» и «длинной шеей» — «жирафа плешивая», как аттестует его собственная супруга.

Бажовская манера разработки сатирического портрета из ранних произведений перейдет впоследствии и в его сказы. В частности, портрет приказчика Яшки Облезлого (сказ «Травяная западенка») очень напоминает портрет ростовщика из «Спора о стихах».

Писатель прекрасно владеет оружием иронии, нередко перерастающей в сарказм. В том же очерке «Спор о стихах» примером может служить саркастическая характеристика господ либеральных интеллигентов. Они, «по мягкости сердечной, протестовали — внутри себя, конечно — против спаивания народа и мрачно декламировали: «По русскому, славному царству...» Но сами в мужской своей части нередко подходили к стойке или «требовали за отдельной». Уходили после этого не совсем на твердых ногах, с трудом заканчивали словесное ратоборство с понтийскими Пилатами и лукавыми Иудами, которые «Христа своего рас-с-п-пинают, отчизну свою прод-д-дают».

Во время войны «вместо стихотворного разоблачения понтийских Пилатов и лукавых Иуд... со слезой гордости декламировалось: «Ты и убогая, ты и обильная, матушка-Русь». В утешенье себе, что война не дойдет до Бамбуковки, добавлялось: «А там, во глубине России... там... вековая тишина».

Пустопорожнюю либеральную болтовню, прикрывающую своекорыстную заботу о личном благополучии, противоречия между словами и делами — эти характерные черты буржуазной интеллигенции Бажов и разоблачает и осмеивает.

В очерке «Спор о стихах» наследнице папенькиных салотопок, купцам, чиновникам, буржуазным интеллигентам — физическим и нравственным уродам — противопоставлена группа рабочих.

Противопоставление выражено уже в портретах людей этой группы.

«Испитое строгое лицо с глубоко запавшими глазами и грубой щеткой коротко остриженных усов. По огрубевшей бурой коже лица можно было легко догадаться, что это рабочий по металлу». «Другой... вовсе еще молодой человек, лет 22—23. Одет щеголевато. Черная сатинетовая рубашка аккуратно стянута широким желтым ремнем, суконные брюки заправлены в безукоризненно вычищенные сапоги. Под одеждой чувствуется на редкость сложенная фигура... В глубокой дали веков с такой натуры высекались из мрамора Дионисы, Аполлоны и другие образцы юной мужской красоты и силы. Густые, широкие, как наклеенные бархотки, брови и черные с угольным блеском глаза на продолговатом лице с твердо выраженным подбородком... Как-то даже не верится, что этот на редкость красивый человек родился и вырос тут, в Камышлове, и с детских лет работает на Алафузовском сырьезаготовительном заводе». Суровое упорство, достоинство рабочего человека, внутреннее благородство подчеркивает Бажов уже во внешнем облике пролетариев.

В очерке Бажов обнаруживает незаурядное умение строить диалог — яркий и выразительный, причем особое внимание обращает на себя индивидуализация речи персонажей, позволяющая превратить реплику в средство характеристики действующего лица. «Обветшалый столп», которому один из «деятелей» предлагал записаться в кадетскую партию, так передает свою «полемику» с ним: «Мыслимое ли дело архистратига божия кадетом заменить. А насчет того, чтобы мне в кадеты поступить, прямо сказал — комплекция не позволяет. Кадет должен быть легкого весу и на ногу быстрый, чтобы туда и сюда поспеть. Какой же из меня кадет, коли весу во мне восемь пудов». Это не только автохарактеристика говорящего, но и бажовская характеристика его, человека, утратившего чувство времени, чувство действительности, не вполне понимающего уже и свои классовые интересы в новых условиях. И вместе с тем это ироническая характеристика «деятелей»-кадетов, тем более насмешливая, что старый купец и не думает смеяться над младшим поколением своего класса, а говорит совершенно серьезно.

В диалогах, в речи персонажей Бажов имел возможность широко использовать свои лексические запасы. Имен-

но работа над диалогом была для Бажова совершенно необходимой школой овладения сказовой речью, школой, подготовившей его к работе над сказами. Не случайно и в очерке «Спор о стихах», и в других досказовых произведениях содержатся такие элементы речи, которые позднее будут очень характерными для его сказов, постоянными в них. Таковы, например, связанные в пары слова, как «клялся-божился», «насчет школ-больниц», «книжку-газету читали» («Спор о стихах»), «сказать-спросить», «пожил-повидал» (очерк «Загороженный лес»)[1], «гости-родные стали собираться» («Мустафенок и его одиннадцать жен»)[2]. Таковы повторения одного и того же слова, выражения типа «кышкался-кышкался» («Загороженный лес»), «точила-точила» («Мустафенок и его одиннадцать жен»), выражения типа «честь-честью» (там же), «щеть-щетью сосна прет» («Загороженный лес»). Таковы слова с уменьшительными, ласкательными, пренебрежительными суффиксами: «ломтик», «грошик», «лесок» («Спор о стихах»), «ровненько и растет лесок-от у нас, спокойнешенько», «костерок развести», «лопатку в руки», «пошел огонек», «внучка-то беленькая какая», «покосишки маломальские», «бабешка молодая подсыпалась» («Загороженный лес»). Таковы диалектные синтаксические конструкции: «Враги нам, которые без понятия действуют!» («Спор о стихах»), «Живо на это подались, которые позажиточнее», «На котором месте ныне рубили, туда через сто лет наши правнуки придут», «которое, может, вовсе ни к чему делает» («Загороженный лес»). В ранних произведениях Бажова в диалогах обычна и диалектная лексика, в частности, встречаются слова, образованные по принципу так называемой «народной этимологии»: «в простоте душевной», «лукавутом» называет локаут один из одряхлевших столпов в «Споре о стихах». Аналогичные словообразования также будут использоваться Бажовым в сказах.

Эти примеры свидетельствуют о том, что для стиля Бажова уже в ранний период творчества показательны постоянные обращения к таким средствам художественной изобразительности и выразительности, какие свойственны образной народной речи, народно-поэтическому творчеству.

---

[1] Не опубликован. Цитируется по рукописи 1935 г., хранящейся в архиве П. П. Бажова.

[2] «Уральская областная крестьянская газета», 24 июля 1928 г., № 54 (502).

4

Произведения, посвященные художественному отображению прошлого страны, истории труда и борьбы народа против своих угнетателей, очень характерны для Бажова, но они далеко не исчерпывают созданного им в первый период его творчества. Более того, если собрать все опубликованное Бажовым в 20-х и в первой половине 30-х годов в периодической печати, то по количеству названий получат преобладание произведения, посвященные непосредственному отображению событий и фактов современности.

Новое, рожденное революционной действительностью, неизменно привлекало его внимание и приветствовалось им. Он умел верно подметить и показать новое и передовое, редко ошибаясь в оценке наблюдаемых им фактов, явлений.

В его очерках 20-х годов, посвященных современности, главное место занимает тема общественных отношений в советской деревне, процессы ломки старого крестьянского быта и формирования нового быта.

Интерес Бажова к деревенской теме является отражением фактов биографии писателя. В период гражданской войны он был в крестьянских партизанских отрядах. По возвращении в 1921 году на Урал Бажов сначала редактировал камышловскую газету «Красный путь», а с 1923 по 1929 год был сотрудником «Уральской областной крестьянской газеты». Город Камышлов, расположенный в юго-восточной части Свердловской области, является центром сельскохозяйственного района. Работа в «Крестьянской газете» была связана с постоянными поездками также по сельскохозяйственным районам области.

Работа в «Уральской областной крестьянской газете» была глубоко плодотворной для формирования писателя Бажова. Она позволила ему на протяжении ряда лет быть в самой гуще народной жизни, непосредственно и повседневно знакомиться с теми процессами, которые происходили в жизни советской страны и, прежде всего, в жизни советского крестьянства после перехода к мирному строительству. Эта работа обострила восприятие им советской действительности в развитии, в непрерывном и быстром движении.

К. Боголюбов в своих воспоминаниях о Бажове передает следующий характерный эпизод, относящийся к рассматриваемому периоду жизни писателя:

Редактор спросил Бажова: «Вы опять из командировки?» — «А как же! У меня в Байкалове, Туринске, Манчаже — везде почтовые станции, везде знакомцы... Любопытны эти наши уральские места... Послушай-ко, расскажу, как я с ямской старухой ездил...» — и Павел Петрович повел рассказ о том, как он ездил по деревням, с кем встречался. Все это пересыпалось острыми шутками, а «любопытные места» вставали такими, как будто он прожил в них всю жизнь» [1].

Характерная черта Бажова — тщательное и глубокое изучение дела, которым ему приходилось заниматься, уменье «вжиться» в него — верно подмечена и хорошо передана автором воспоминаний.

Газетная работа была для Бажова школой партийного воспитания и партийной оценки многообразных и сложных явлений жизни. Годы, связанные с газетой, оставили в литературном наследстве писателя большое количество очерков и рассказов, посвященных созданию и укреплению новых общественных отношений, рожденных социалистической революцией, нового хозяйственного уклада, новых форм быта.

В 1927—1928 годах писатель заинтересовался д. Любиной, Ирбитского округа, и наблюдал процессы, происходившие в ней. Заинтересовался потому, что любинские крестьяне раньше многих других создали колхоз. Один из очерков, посвященных деревне Любиной, имеет достаточно выразительное заглавие «По новому пути». В нем рассказывается о том, как трудовое крестьянство, осознав значение прав и возможностей, данных ему социалистической революцией, нащупывает, ищет наиболее эффективные средства и формы использования их, чтобы выбраться из вековой нищеты, полуголодного существования. Руководимое коммунистической партией, оно находит выход в коллективном хозяйстве — сначала в товариществе по совместной обработке земли, а затем в сельскохозяйственной артели. Руководителями нового дела являются коммунисты, в большинстве фронтовики гражданской войны. Возглавляет их «секретарь местной ячейки ВКП(б), член правления артели, шофер военного времени». Он стал первым трактористом любинской артели, когда она приобрела трактор. В другом

---

[1] К. Боголюбов. Наш Бажов. Альманах «Южный Урал», 1951, № 5, Челябгиз, стр. 52.

очерке о деревне Любиной — «Похороны межи», рассказывая об успехах артели, об огромном влиянии ее достижений на крестьян всего района, Бажов с большой теплотой рисует торжество победителей: «Хохочут — по-ребячьи, заливисто. Таким хорошим смехом, какой мне за 50 лет жизни впервые пришлось слышать у крестьянина. Не пьяный, больной смех, не досужее зубоскальство на завалинке, и не смех молодости от избытка сил и здоровья, а довольный смех зрелых, бывалых людей». Тема коллективизации в конце 20-х годов привлекает серьезное внимание Бажова.

В рассказе «Разбудила» (1928 г.) рисуется развитие новых общественных отношений в деревне. На их фоне и в органической связи с ними рисуются события личной жизни Анисьи Козюковой и Сергея.

Прошлое Сергея — довольно обычная для старой деревни судьба сироты: «Ходил по-подоконью, пастушонком был. А когда подрос, работал у богатых мужиков». В 1918 году Сергей ушел в Красную Армию. Вернувшись домой, вынужден был вновь батрачить. Кулак Храпков, нуждаясь в хорошем работнике, сумел женить Сергея на своей дочери, «и он уже шестой год воротит в хозяйстве за добрую лошадь», не зная радости в семейной жизни с бездетной и «злой, как щука», Авдотьей.

Тяжело сложилась жизнь Анисьи Козюковой. «Одного мужа колчаковские прихвостни, свои же деревенские, убили. Другой мужичишко забулдыга попался, из городских. Погрелся зиму, да и в сторону». Осталась она с тремя детьми.

По решению схода, Сергей помогает Анисье в весеннем севе. А через месяц они «регистрировались в сельсовете. Посмотрели друг на друга в работе и решили — как раз пара. Мужики и бабы, всегда недовольные разводами, на этот случай говорят:

— А ведь ладно вышло! Прикрепили правильно».

Таким образом, рассказ рисует не только новые общественные отношения в советской деревне накануне массовой коллективизации и ликвидации класса кулачества, но и новые принципы построения семьи, формирование и укрепление новых моральных норм. На смену брачным отношениям, строившимся на материальных расчетах и выгодах, приходит брак, основанный на общности классовых интересов, на единстве мироощущения, на взаимном влечении.

Тонко, без плакатной упрощенности, нарисован образ кулака Храпкова. Он — не вообще кулак, а кулак того периода, когда уже ясно чувствовалось, что старому социальному укладу в деревне, основанному на эксплуатации сельской буржуазией бедняков и середняков, приходит конец. Храпков еще брызжет ядовитой слюной клеветы, но уже не смеет открыто противиться воле собрания. После резкого отпора Анисьи, поддержанной крестьянами, он еще раз попытался пустить в ход «лисий хвост» — прибедниться, но — безрезультатно. Читателю ясно: Храпковы — злобные враги нового, они на все пойдут, но они — обречены.

В рассказе «В пасхальную ночь» показано вторжение новой культуры в деревню. В село Круглые Озера перед пасхой из Свердловска привозят кинопередвижку и радиоустановку. Молодежь решительно предпочитает церковной службе просмотр кинофильма, «яркого окна в другую жизнь», и слушание радио, окончательно покорившего даже скептически настроенного «пожарного деда» — Трофимыча. В Круглые Озера, в распоряжение местного колхоза, идут трактора. Сокрушенно жалуется кулак Садык. «Времена, я тебе скажу! Каждый день чего-нибудь да жди». Как приговор старому укладу в деревне, отжившему свой век, звучат слова почтового служащего: «С норовом этот народ... который с машинами-то в степь попер... От своего не отступит...»

Новое, советское, социалистическое неизбежно победит — таков смысл рассказа.

Заведуя отделом крестьянских писем в областной газете, Бажов работал с большой заинтересованностью. Поток писем был очень велик: «За прошлый год было получено свыше 56 тысяч, а ныне с марта по май установилась уже своеобразная месячная норма в пределах, близких к 7 тысячам» [1].

Бажова восхищало и увлекало то необыкновенно богатое, многостороннее и яркое отражение современной действительности, «текущего момента» жизни советских крестьян, которое составляло главное в письмах деревни в свою газету. Многообразные сообщения, жалобы, просьбы, запросы

---

[1] П. П. Бажов. Краеведческие истоки. Сб. «Уральские были», Свердлгиз, 1951, стр. 239. Данные о количестве полученных газетой писем относятся к 1925 и к первой половине 1926 г.

самого различного характера — все сливалось «в общий бесформенный кусок красоты», составляло «бесформенно-красочный узор жизни и быта». «Порой эти запросы касаются интимнейших сторон жизни, иногда поражают широким охватом (свыше сотни вопросов в отдельном письме), служа лучшим показателем роста культурных запросов деревни... Взять для примера недавние сообщения о том, как проводился в деревне праздник 1-го мая... Получено на эту тему 307 писем. Уже самое число говорит за себя. Оно, прежде всего, свидетельствует, что этот праздник начинает входить в быт деревни... Еще интереснее поиски форм, в которые деревня пытается отлить этот новый праздник».

Крестьянские письма давали Бажову-писателю материал и другого рода — стилистический, языковой: «...это же краеведческая река! Мощная, полная красоты и неисчерпаемых стилистических, художественных и научных богатств. Течет она, блестя юмором, сверкая веселою рябью народного говорка, порой покрываясь сизо-ржавыми пятнами застоявшегося книжно-газетного языка... Один стиль этих малограмотных крестьянских писем стоит того, чтобы изучением и систематикой его по разным признакам занялись наши ученые, собирающие материал, характерный для эпохи перехода от старого к новому».

Работа в газете пополняла и обновляла богатые знания Бажова в области народно-поэтического творчества. Его очерки на деревенские темы содержат в себе немало фольклорного материала — отрывков песен, пословиц, поговорок, просто метких слов и выражений — присловий, подслушанных писателем во время его поездок по деревням и селам. «Жми бедняка — сок даст»,— так определяется Бажовым «старинная кулацкая машинка». «Глаза на бога, а руки на бабью пазуху»,— ядовито характеризует кто-то на сельском сходе «старую квашню» — кулака Храпкова. «На лошадях родилась, около кнута кормилась»,— говорит о себе «ямская старуха» Катерина Ивановна. Это — не случайные слова, а устоявшееся «присловье», пословица, давно сложившееся обозначение «типового» признака жителей «ямщицкого села», где к этому занятию «все привычны, а у стариков зараза больше всех».

Бажов описывает самый процесс исполнения песен, характеризует песенный репертуар уральской деревни конца 20-х годов:

«Пока мы пили чай, внизу двое пьяных усиленно пели. В песнях смесь самая разнородная. Пели про Александровский «сандрал» и «Как родная меня мать провожала», но преобладала все-таки чувствительная старина из проголосных женских.

Высоким голосом хозяин со слезой спрашивал:

Куда краса с лица девалась?...

Другой голос, с мехами вместо легких, густо спускал вниз:

Кому я верность отдала?...

Потом оба, переплетаясь голосами:

Через тебя, дружочек милый,
Лишилась матери-отца...

Хозяин отчаянно фальшивил, но второй голос, тоже вдребезги пьяного человека, шел уверенно и удивительно красиво. Казалось даже, что пьяный визг хозяина нужен, чтобы лучше оттенить редкую красоту и силу этого голоса. Невольно мелькнуло досадное: «Не ищут у нас голосов в деревне» («С ямской старухой»).

Бажов отчетливо понимал, что в классовом обществе нет и не может быть единого фольклора, а есть фольклорные произведения, выражающие интересы различных классовых групп. Отсюда характерное для произведений Бажова использование фольклорных текстов в качестве средства социальной характеристики действующих лиц. Интересный образец такого использования фольклорных произведений представляет собой ранняя повесть Бажова «Потерянная полоса» (1928 г.).

В целом повесть «Потерянная полоса» неудачна. Она может служить примером того, как в раннем творчестве Бажова иногда сказывалась недостаточная идейно-художественная и политическая зрелость писателя. Бажов пытался показать в повести, как в советской деревне конца 20-х годов рождался и пробивал себе дорогу новый, колхозный строй. Но, если судить по повести, то этот процесс проходил совсем тихо и мирно. Единственный в ней «враг» колхозного строя — это 80-летний, выживший из ума кулак, который уже ничего не понимает в происходящем вокруг него и на протяжении всей повести только бродит по полям в поисках принадлежавших когда-то ему полос

«в тринадцати местах». На деле, конечно, было совсем другое.

В повести отражен период непосредственно после XV съезда партии, вынесшего решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства, период перехода партии в решительное наступление против кулачества и начала развертывания массового колхозного движения.

Известно, что кулаки, ободренные агитацией банды троцкистско-зиновьевских политических мошенников и бухаринской кулацкой агентуры, усилили сопротивление. «Они стали проводить террор против колхозников, против партийно-советских работников в деревне, стали поджигать колхозы, ссыпные пункты государства» [1]. Но в результате чрезвычайных мер партии и правительства «...беднота и середняки включились в решительную борьбу против кулачества, кулачество было изолировано, сопротивление кулачества и спекулянтов было сломлено» [2]. Это было время обострения классовой борьбы внутри страны.

На страницах той же областной «Крестьянской газеты» за 1928 год, где печаталась повесть, публикуются сообщения о фактах бешеного сопротивления кулачества, в частности — сообщения об убийствах селькоров и других сельских активистов. Горячее сочувствие автора новому, колхозному строю выражено в повести совершенно ясно. Но стремление создать обобщающий и даже символический образ представителя обреченного и уже умирающего старого общественно-экономического уклада в деревне не нашло правдивого, политически верного художественного осуществления.

Идейная порочность повести «Потерянная полоса» тем и определяется, что в ней нарушено главное требование реалистического искусства — требование создания типических образов, показа типических явлений и ситуаций. Верно отразив направление, в каком развивалась советская деревня конца 20-х гг.,— к победе колхозного строя,— Бажов не сумел показать реальных условий классовой борьбы, в которых достигалась эта победа. Писатель не сумел создать типический образ кулака — главного врага колхозного строя, не создал и положительного образа коммуниста, не сумел увидеть и показать типических ситуаций, складывавшихся в ходе острейшей классовой борьбы в деревне.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 278.
[2] Там же, стр. 279.

В повести старое побеждается новым, и автор сочувствует новому, но в его изображении победа приходит стихийно, без усилий со стороны коммунистов, передовых сил деревни. Ошибки Бажова в отображении действительности в повести «Потерянная полоса» еще раз свидетельствуют, что «проблема типичности есть всегда проблема политическая» [1].

Вместе с тем повесть дает материал для выяснения фольклорных интересов писателя и для наблюдений за использованием им фольклорных текстов. В заключительной части ее описывается вечер после трудового дня в деревне, где многие крестьяне уже объединились в сельскохозяйственную артель. В разных концах деревни звучат песни, отражающие сложные процессы, происходящие на селе, в сознании крестьян.

У «пожарницы», в центре деревни, собрались крестьянки,— как это бывало ежедневно,— поговорить о деревенских делах, о своем домашнем, семейном. Женщины слышат песню возвращающихся с работы, с полей:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

Парни, разгуливая с гармошкой по вечерним улицам, поют:

Бросим частность, игоизьм,
Лень и разгильдяйство,
Разобьем старый плетень
И сольем хозяйство.

От речки несутся встречные песенные выкрики:

Меня батюшка по матушке катит:
Ах, ты, сукин сын, молокосос...
Пошто сунул голову в колхоз.
А я батюшке даю ответ:
Супротив артели жизни нет.

Диссонируя с новыми песнями, «женский голос в деревне плачет:

На коне, в седле черкасском,
Удаляется мой свет...

...Обрывок картины из далекой старины. Обманно красивой кажется обладательница чудесного голоса, лучшая

---

[1] Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат. 1952, стр. 73.

«песельница» деревни... сорокалетняя тощая женщина с мясистым носом».

Старый, полусумасшедший кулак сидит на Анисьином бугре, за деревней, и без конца бормочет одно и то же: «Где мои полосы? В тринадцати местах?»

А из деревни доносятся ультимативные слова частушки:

Уж ты, тятька, тятька мой!
Мы разделимся с тобой...
Запишуся я в колхоз.
Ты живи тогда как хошь...

Этой частушкой, символизирующей неизбежность победы нового, и заканчивается повесть.[1]

Писатель показывает, что борьба нового против старого пронизывает все стороны жизни деревни: «Чем дольше стоишь около этого вечернего женского клуба (то есть у «пожарницы»,— *М. Б.*), тем пестрее кажется нынешний деревенский быт. Октябрину превращают в Октю, откуда-то вытащенную Брунгильду — в обыкновенную Груньку, Кима в Тимшу, а Владилена в... Ладьку. Почем зря лупят ребятишек матери, но таких матерей «стыдят на делегатском». Скачущему по-петушьи ячеешнику «подкручивают гайку» (он променял свою Катюху на «пустую приманку»,— *М. Б.*). После свадьбы по-новому — на другой день бьют горшки — вовсе по-старому. Но над этим смеются... Мрут Окти и Кимы от летних поносов почти так же, как мёрли Ваньки и Катьки... Но и здесь пробивается новая струя — детские ясли: и предохраняют и предупреждают... в густом застарелом бурьяне везде пробиваются молодые побеги».[2] Все это находит отражение в новом фольклоре, а прежде всего — главное и решающее: рождение колхоза.

Перед нами явления не рабочего фольклора, с которым связано, на котором основывается главное в творчестве Бажова — его сказы. Здесь писатель использует факты кре-

---

[1] «Уральская областная крестьянская газета», 30 октября 1928 г., № 79 (527). Повесть «Потерянная полоса» печаталась в №№ 73—79. По свидетельству Бажова, она без его ведома была послана А. М. Горькому в Сорренто и возвращена Бажову с правками великого писателя. По рукописи «проходило два цветных карандаша и сверх того чернила». (Дневник П. П. Бажова «Отслоения дней», запись от 18 июня 1946 г. Архив Бажова П. П.). Рукопись с правками А. М. Горького не найдена.

[2] «Уральская областная крестьянская газета», 30 октября 1928 г., № 79 (527).

стьянского фольклора. Но нельзя рассматривать как что-то изолированное ни самый рабочий фольклор на Урале, ни «запасы» произведений рабочего фольклора, собранные Бажовым. Рассмотрение досказовых произведений Бажова пополняет, обогащает, делает более полноценными наши представления о писателе, показывая широту его интересов и познаний в области фольклора. Позднее он сумел особо оценить накопленные им факты рабочего фольклора, превратить их в литературные факты большого художественного интереса, общественного значения.

Уральские заводы отнюдь не были отгорожены стеной от села. Лишь немногие из них были расположены в городах. Фольклор рабочих и фольклор крестьян постоянно взаимодействовали. Рабочий фольклор — составная часть общерусского национального фольклора — во многом продолжал лучшие традиции крестьянского устно-поэтического творчества. Но он,— чем дальше, тем больше,— нес передовые, прогрессивные идеи, неизвестные ранее крестьянству. Рабочие хранили культурные достижения крестьянства и вместе с тем развивали их. Множество фольклорных фактов было общим для рабочих и крестьян. В самих произведениях Бажова можно найти интересные примеры проникновения специфических горнозаводских фольклорных мотивов и образов в крестьянскую среду, переосмысления их, переплетения со старыми крестьянскими представлениями и суевериями.

В очерке «Краеведческие истоки» П. П. Бажов приводит любопытную выдержку из крестьянского письма: «У нас в деревне Черданцы, Володинского сельсовета, Камышловского района, Шадринского округа, старики и старухи разговаривают об огневых змеях, которые будто бы получаются из петушиного яйца, которое выпаривает человек, положив яйцо под пазуху, а петух несет яйца будто бы только тогда, когда проживет три года и не ознобит гребень, а потом будто бы этот змей таскает тому человеку, который его выпарил, разное добро: масло, яйца, золото, серебро. Так вот прошу агронома «Крестьянской газеты» разъяснить: правда ли это?»

Общественную оценку подобного «запроса агроному» дает сам Бажов: молодая советская общественность деревни «сама слабо еще вооруженная знаниями, порой не может решительно отвергнуть остатки старых верований, хитро обставленных разными трудными условиями (три

года, и гребень не обморожен, да носить под пазухой), но уже ищет выхода и обращается за поддержкой к газете».

Следует отметить в этом письме переплетение древнейшего фольклорного мотива огненного змея с другим, чисто золотоискательским образом змея — хозяина «земельных богатств», или хранителя их, или — в более позднем понимании — змеи как простой приметы, признака «земельного богатства». Характерно для крестьянской психологии самое перечисление «разного добра»: наряду с золотом и серебром — и даже раньше их — названы масло и яйца. Такое сочетание в горняцко-золотоискательском фольклоре было бы просто невозможно.

5

Произведения фольклора, как показано выше, широко используются в досказовом творчестве Бажова. Они составляют основу большинства его сказов. Естественен вопрос об источниках фольклорных материалов в творчестве писателя.

Сам Бажов дает немало свидетельств по этому вопросу. «Запас образов и сюжетов уральского рабочего творчества у меня был с детских лет»,— писал он.[1]

Конечно, многое Бажов слышал в семье — от отца и бабушки. Об отце писатель вспоминает: «Мой отец за годы службы в солдатах побывал во многих городах. Он охотно отвечал на вопросы, говорил «при случае», но связно рассказывать не любил и, может быть, не умел» («Дальнее — близкое»). Вместе с тем мы уже знаем, что Петр Бажов был остер на язык. Писатель, воспроизводя его речь, включает в нее поговорки, пословицы, присловья: «Не клином свет сошелся»; «А у нас что?.. Терпи — потому у тебя тут пуп резан?» («Уральские были»); «Казна — ведро без дна. Сколько ни сыплют, а толку нет»; «У монастырок совесть по их одежде — черная» («Дальнее — близкое»). Это же следует сказать о речи матери и бабушки писателя. Их манера речи усваивалась мальчиком.

Но главный источник фольклорных богатств писателя Бажова не в семье. В одном из писем к Л. Скорино Бажов подчеркивает, что таким источником была социальная среда, социальное окружение, рабочая масса: «Общая сумма слышанного вне семьи во много раз превышает то, что слышал в семье.

[1] Письмо автору от 20 ноября 1949 г.

...Надо налегать не на бабушку, а на весь рабочий уклад того времени... Для примера укажу на летние беседы «на завалинках» в праздничные дни или даже на такие обычаи, как «супрядки», «капустники» и т. д., где обычно вертелись мальчуганы годов до семи-восьми. Там они, как губка, впитывали, «о чем старухи судачат», «о чем старики сказывают». Конечно, тут было немало и плохого, но преобладание положительного неоспоримо. В этом суть вопроса, почему мой старый быт не походит на подьячевский».[1]

Большую часть своей последующей жизни Бажов также провел с народом. Повседневным общением с народом было его пребывание в армии, в частности, газетная армейская работа, партизанская жизнь, а затем и работа в уральской «Крестьянской газете».

Непосредственное общение с трудовым народом — таков источник фольклорных материалов в произведениях Бажова.

Произведения, образы, мотивы коллективного устно-поэтического творчества народа Бажов воспринял в период его жизни в Полевском заводе, в 1892—1895 годах. К тому же произведения фольклора, воспринятые мальчиком Бажовым в Полевском, имели наибольшее значение для творчества писателя Бажова: они составили основу сказов, опубликованных им впервые в 1936—1939 годах.

Но и ранее, еще в Сысерти, мальчик Бажов находился под воздействием фольклора. В очерке «У старого рудника» писатель сообщает: «Разговоры о таинственном Полозе, о синих огоньках и змеиных клубках, как показателях золотоносных мест, мне случалось слыхать и в сысертской части округа...»

Незадолго до смерти в одной из бесед Бажов называл конкретных людей — носителей фольклора из числа сысертских стариков времени его детства: «Из тех, кто более или менее занятно рассказывал, я помню только одного — это Клюква Алексей Ефимович. Рыбак, но в прошлом он был прокатчиком. Сысертский. Очень интересный человек, и тоже умел рассказывать, но у него было больше злободневности в рассказе. Клюква, когда и о прошлом рассказывал, оживлял рассказ примерами, известными слушателям в то время. Он рассказывал: «Полторы хари», вроде нашего Глинского (Глинский — надзиратель)». И далее: «Пожалуй,

---

[1] Письмо Л. И. Скорино от 20 сентября 1944 г. Архив П. П. Бажова.

из тех людей, которых я могу приблизить к Хмелинину, Клюкву назвать всего естественнее». «Балалаечник, веселый, кудрявый старик. Недружелюбен он был только по отношению к начальству».[1]

Характеристику Клюквы Бажов давал и раньше, в «Уральских былях» (очерк «Чертознаи»), указывая, в частности, что «своих дружков» он охотно принимал в избушке и балагурил с ними до рассвета».

Называл Бажов и других рассказчиков из Сысерти: Мамона—«угрюмого старика», Короба Ивана Петровича, который также «был рассказчиком очень угрюмым».[2] Короб как один из «чертознаев» характеризуется и в «Уральских былях», но о его склонности к «сказыванию» там не упоминается.

В Полевском Бажов слушал В. А. Хмелинина. На яркой и подлинно любовной характеристике, какую давал писатель замечательному мастеру уральских «тайных рабочих сказов», мы остановимся ниже, в связи с вопросом о Хмелинине, как прототипе сказового образа дедушки Слышко. Основные положения, касающиеся связи творчества Бажова с Полевским заводом, таковы. От Хмелинина, по словам Бажова, он слушал все сюжеты, оформленные им в сказы «гумешевского цикла». Хмелинин рассказывал лучше всех, кого пришлось слушать Бажову. Вообще же рассказы и разговоры о «тайной силе» Бажов слышал от многих жителей Полевского. «О Гумешевском руднике, где в течение сотни лет гибли одно за другим несколько поколений рабочих, держались предания и рассказы чуть не в каждой рабочей семье»,— говорит писатель («У старого рудника»).

Бажов использовал в своих сказах не только более или менее оформившиеся сюжеты, предания и рассказы, но и обычные бытовые разговоры, особенно те, в которых — пусть мимоходом, попутно — упоминалась «тайная сила», использовал поверья и приметы камнерезов, углежогов, рабочих других профессий, а больше всего — горняков и старателей. В очерке «У старого рудника» он приводит, например, следующие, слышанные им в детстве замечания окружающих по поводу удачи того или иного золотоискателя: «Словинку знает». «Пособничков, видно, имеет, да нам

---

1 Альманах «Уральский современник», Свердлгиз, 1952, № 20, стр. 149.

2 Там же.

не сказывает». «В тот раз в кабаке похвалялся — полозов след видел»... «Не иначе, сини огонечки подглядел». «На ходок, говорят, напал. От старых людей остался...» В том же очерке писатель характеризует представителей «тайной силы», действовавшей в преданиях, сказах старых полевских горнорабочих, и их взаимоотношения.

В последующие годы, во время обучения Бажова в Пермской семинарии, каникулы он проводил в той же среде рабочих Сысертского горного округа. В период учительской работы в каникулярное время Бажов ежегодно путешествовал по родной стране, а больше всего по Уралу. Он чутко прислушивался к тому, о чем говорили в народе, запоминал и записывал характерные выражения, поговорки, пословицы, прежде всего отображающие особенности местного, уральского быта и производства. Писатель так рассказывает об этом периоде своей жизни: «Я чаще всего путешествовал пешком, или на велосипеде, в порядке отдыха, но попутно смотрел и на то и на другое, на пятое и на десятое.

...Я собирал эти записи в деревнях по Чусовой, к северу от деревни Треки, в направлении на Старую Утку, там, где я бывал не по одно лето.

...Мною записывались разговоры, в частности такого сорта речения, как: «Где сеют, да веют, да молотят, да всяко канителят, а у нас снял штаны, полезай в воду и тащи кулем» или, например, «Живем весело: кабак на горе, Серги далеко видно и спускаться ловко». Все эти речения носят на себе какую-то печать места».[1]

Бажов намеревался издать свои записи, рассчитывал, что они будут представлять интерес для Академии наук, но записи были потеряны во время гражданской войны.

Это была работа этнографа-фольклориста, причем работа систематическая, проводившаяся на протяжении ряда лет в одном и том же направлении. Приведенные писателем примеры очень характерны для местностей по р. Чусовой, где население «кормилось рекой» — сплавом и рыбной ловлей.

В годы гражданской войны, в партизанских отрядах и армейских полках, Бажов продолжал пополнять свои фольклорные запасы. Отмечая свою давнюю «склонность к народному творчеству», он приводит примеры слышанного им

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 143.

в этот период: «В книжке «Бойцы первого призыва» есть рассказ слесаря Орефкова о матросах, похороненных в Камышлове. Сказ «Водолазы» представляет запись по памяти рассказа, слышанного в годы гражданской войны от одного старика-партизана».[1]

Интересны в этом плане материалы к творческой истории сказа «Дорогой земли виток», имеющиеся в личном архиве П. П. Бажова. Получив книгу стихов хабаровского поэта П. С. Комарова, в которой были напечатаны, в частности, «главы из исторического романа» «Владимир Атласов», Бажов писал автору: «Особенно меня задел «Володимир Атласов». Как-то еще в пору гражданской войны мне случалось на перевале от томского урмана к енисейской тайге слышать любопытный разговор о Камчатке. Случалось даже рыться в печатных материалах, но потом это забылось, а вот теперь снова вспомнилось. Если соберусь написать, непременно направлю в Хабаровск».[2]

Став признанным писателем, Бажов не прекращал записей метких выражений, ярких оборотов, характерных диалогов, пословиц, поговорок, присловий. И в печати, и на различных совещаниях писатель настойчиво снова и снова говорил о необходимости расширять работу по собиранию рабочего фольклора, призывал уральских писателей опираться на него в художественном творчестве.

Таким образом, устойчивый, постоянный интерес к фольклору характеризует Бажова на протяжении всей его жизни.

П. П. Бажов в отношении к фольклору, в стремлении широко использовать его в литературном творчестве следовал за А. М. Горьким. Характерно в этом смысле относящееся к 1943 году высказывание Бажова на уральской межобластной научной конференции, посвященной отражению настоящего и прошлого Урала в художественной литературе: «Говоря хорошие слова в адрес отдельного лица, не нужно забывать, что за ним стоит то огромное, что называется рабочим фольклором. Не нужно забывать, *что я только исполнитель, а основной творец — рабочий*... Бажову просто посчастливилось: он вырос в таком месте, где

---

[1] Письмо от 20 ноября 1949 г.

[2] Письмо П. С. Комарову от 24 января 1948 г. Архив П. П. Бажова. Сказ «Дорогой земли виток» был написан в 1948 г.

оказалось большое скопление фольклорных сплетений. У него создалось преимущественное положение».[1] (Подчеркнуто нами,— *М. Б.*). Бажов очень точно воспроизводит известные мысли А. М. Горького о взаимоотношении народа-творца и художника-исполнителя.

6

Для ранних произведений П. П. Бажова, посвященных современности, характерной чертой является активное и страстное вмешательство писателя в события общественной жизни, стремление показать то, что повседневно рождается революционной действительностью, помочь новому в его борьбе против старого, отживающего. Особенно характерны в этом отношении очерки, рассказы, повести, посвященные советской деревне. Именно поэтому в конце 20-х годов Бажов обращается к теме коллективизации сельского хозяйства.

Однако в ранний, досказовый период своего творчества Бажов не создал произведений, которые вошли бы в советскую литературу как произведения общесоюзного значения. Он не создал крупных произведений о советской современности, хотя делал попытки в этом направлении. Такие произведения или не были закончены (повесть «Через межу»), или же имели серьезные идейно-художественные недостатки, не позволившие им стать заметными явлениями советской литературы (повесть «Потерянная полоса»).

Объясняется это прежде всего недостаточностью идейно-теоретической подготовленности Бажова в ранний период его творчества, что и обнаруживалось в его неуменьи иногда увидеть и показать подлинно типическое в современной действительности.

Писателю нехватало мастерства. Это сказывалось прежде всего в работе его над образом. Даже лучшие образы, созданные Бажовым в этот период, статичны. Они представляют собою обычно яркие снимки, зарисовки *данного* момента в жизни человека и какой-нибудь одной стороны его психологии. У писателя еще не было уменья дать образ в развитии, в движении, показать внутреннюю жизнь

---

[1] Стенограмма выступления. Архив П. П. Бажова.

человека во всей ее сложности, ему нехватало уменья дать многостороннюю психологическую характеристику образа.

Серьезным недостатком раннего творчества Бажова на современную тему является слабость, притупленность конфликта в его произведениях и связанная с нею вялость в развертывании повествования, рыхлость сюжета. Подчас герои его произведений действуют в такой обстановке, которая как будто давала автору возможность резко столкнуть их с противостоящими им силами, создать острейшие драматические конфликты. Сама изображаемая Бажовым действительность давала богатейший материал для них. Но автор уводит героя от острых ситуаций, не умея использовать возможности, заложенные в самом положении главного действующего лица. Наиболее наглядно обнаруживается это в повести «За советскую правду». Исходная ситуация повести «Через межу» также позволяла создать острейшие конфликты и дать интересную психологическую разработку центральных образов — Ивана Кочеткова и Фаины. Но писатель только начал повесть и отказался от ее продолжения, как будто остановившись в нерешительности перед большими возможностями, открывавшимися перед ним.

Вместе с тем в раннем творчестве Бажова немало таких произведений, в которых обнаруживалась подлинная и яркая талантливость писателя («Уральские были», некоторые деревенские очерки и рассказы, «Спор о стихах» и другие). В них есть выразительные, яркие образы, есть поистине блестящие страницы.

Наиболее удачной и плодотворной была литературная деятельность Бажова в историческом жанре. Развивая лучшие традиции русской литературы критического реализма и опираясь на художественный опыт великого Горького, он осмысливает и рисует прошлое рабочего класса с позиций писателя-коммуниста, который лично, практически знал жизнь уральских горнозаводских рабочих, начиная с 80-х годов прошлого века. Это позволило ему показать, пока только в очерковом жанре, духовную красоту и силу русского рабочего человека, его талантливость, его ненависть к эксплуататорам, его повседневную борьбу против социального гнета («Уральские были»).

Бажов правдиво и ярко показал некоторые стороны действительности периода, непосредственно предшествовавшего социалистической революции («Спор о стихах»).

В ранних произведениях Бажова уже с полной очевидностью проявились наиболее сильные стороны его дарования, которые позднее позволили ему создать замечательные произведения, поставившие Бажова в число крупнейших советских писателей.

К таким сильным сторонам, прежде всего, следует отнести уменье прекрасно использовать, ввести в ткань художественного произведения фольклорные элементы. Являясь знатоком народно-поэтического творчества, имея большой запас фольклорных сюжетов, мотивов, образов, Бажов умел их осмыслить, понять социальную функцию каждого из них, чувствовал красоту народной поэзии и умел показать великую мудрость многих поколений трудового народа, выраженную в лучших творениях фольклора. Элементы фольклора щедро рассыпаны по всем ранним произведениям Бажова.

Бажов отлично владел нормами русского литературного языка, имел богатые лексические запасы, прекрасно знал разговорный язык народа в его уральских диалектах и прежде всего — особенности речи уральских горнозаводских рабочих. Писатель уже в ранний период его творчества умел найти очень точные, выразительные, весомые слова. В ранних произведениях Бажова легко обнаруживается фольклорная основа его языка. Он использует такие художественно-изобразительные средства, которые очень характерны для русского фольклора. Источником языковых накоплений, языковых богатств Бажова, как и его познаний в области народно-поэтического творчества, являлось его общение с трудовым народом на протяжении всей жизни писателя.

В произведениях 20-х — начала 30-х годов Бажов выступает как мастер диалога, что было особенно важно для перехода к сказовому жанру.

Писателя отличало уменье дать сжатые и выразительные характеристики персонажей, нарисовать внешность персонажа так, что создается впечатление физической, зрительной ощутимости, и вместе с тем сделать внешние черты средством выражения общественной, духовной сущности изображаемого человека.

В ранних своих произведениях Бажов нередко выступал как незаурядный сатирик. Людей чуждого, враждебного классового лагеря он умел разоблачить, показать во всем их духовном ничтожестве, беспощадно осмеять, вну-

шить читателю не только ненависть, но и презрение к ним. Такое изображение отрицательных сторон действительности может удаться художнику лишь при условии искренней ненависти и презрения его к отживающим и отжившим общественным силам. Такая искренность была у Бажова и в его любви к трудовому народу и в ненависти к его врагам.

Таковы сильные стороны дарования Бажова, проявившиеся уже в досказовых его произведениях.

Все эти качества раннего творчества Бажова, при его уменьи изучать изображаемую действительность, позволили ему стать большим художником, когда он достиг идейной зрелости, нашел свои темы, свой стиль, свой жанр, когда он овладел мастерством словесно-образного отображения действительности.

Глава II

СКАЗОВОЕ ТВОРЧЕСТВО П. П. БАЖОВА ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1

Главным произведением П. П. Бажова является книга его сказов — «Малахитовая шкатулка».[1] За сказы он получил всенародное признание. Они переведены на языки разных стран мира. Основанная на чудесном и дотоле почти неизвестном дореволюционном фольклоре уральских рабочих, исполненная великой любви к людям труда, раскрывающая перед читателями прекрасные стороны русского национального характера, книга Бажова глубоко народна по содержанию и по форме. Она вошла в золотой фонд отечественной литературы.

---

[1] Основные сборники сказов, изданные при жизни П. П. Бажова: «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1939; «Малахитовая шкатулка», «Советский писатель», М., 1942; «Ключ-камень», Свердлгиз, 1942; «Сказы о немцах», Свердлгиз, 1943 и изд. «Правда», М., 1945; «Малахитовая шкатулка», Гослитиздат, 1944 (29 сказов); «Малахитовая шкатулка» Свердлгиз, 1944; «Малахитовая шкатулка», «Советский писатель», 1947; «Малахитовая шкатулка», Гослитиздат, 1948 (43 сказа); «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949 (42 сказа); «Малахитовая шкатулка», Лениздат, 1950. Уже после смерти писателя вышел небольшой сборник «Живой огонек», изд. «Правда», 1951 г., содержащий, в частности, самые последние сказы Бажова. В 1952 г. Гослитиздатом выпущено издание «П. П. Бажов. Сочинения в трех томах».

В 11-й книге журнала «Красная новь» за 1936 год были напечатаны сказы «Дорогое имячко», «Медной горы Хозяйка», «Про великого Полоза», «Приказчиковы подошвы». Это была первая публикация сказов П. П. Бажова. Три из них вошли в изданный в том же году в Свердловске сборник «Дореволюционный фольклор на Урале», составленный В. Бирюковым. Собственно, для этого сборника и готовил первые сказы Бажов, но сборник был выпущен позднее.

Успех первых публикаций побудил писателя продолжить работу над сказами. П. П. Бажов нашел себя как писатель.

30-е годы были временем великих хозяйственных и культурных успехов советского народа, руководимого партией Ленина — Сталина, великих завоеваний социализма, нашедших законодательное выражение в новой Сталинской Конституции. Был ликвидирован последний эксплуататорский класс — кулачество. Сложилось морально-политическое единство многонационального советского народа. «Полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом»,— говорил И. В. Сталин в 1936 году.[1] Миллионы тружеников города и деревни жили культурно и зажиточно. Сложилась новая, советская интеллигенция, связанная всеми корнями с трудящимися. Во всех областях жизни с невиданным размахом и блеском развертывались творческие силы народа. Ярчайшим и важнейшим фактом творчества народа явилось стахановское движение. Бурно развивалась социалистическая культура. Культурная революция давала свои плоды во всех советских республиках.

К двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции М. И. Калинин писал: «Велико и многогранно творчество народов СССР. В науке, технике, искусствах — всюду небывалый расцвет культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Творчество народов СССР особенно ярко проявилось в народной песне, в создании огромного количества народных хоров, оркестров, самодеятельных театральных кружков».[2]

Жить стало лучше, жить стало веселее. И свободный народ стремился как можно полнее выразить охватывавшие

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11, стр. 510.

[2] М. И. Калинин. Статьи и речи 1936—1937 годов. Партиздат ЦК ВКП(б), 1938, стр. 128.

его чувства в своей поэзии, в песне, в танце, в живописи, в творениях северных мастеров резьбы по кости, в чудесных изделиях туркменских, украинских, азербайджанских ковровщиц.

Успехи социалистического строительства, успехи культурной революции ставили новые задачи перед работниками культуры, перед всем идеологическим фронтом, в том числе перед деятелями искусства и литературы. Борьба за подлинную народность искусства приобретала большее чем когда-либо раньше значение.

Острая борьба за народность художественных произведений развернулась в советской литературе и литературоведении. Проявлениями и формами ее были литературные дискуссии: о литературном языке (1934 г.), о формализме (1936 г.), о вульгарном социологизме (1936 г.), о методе и мировоззрении (1940 г.).

Решающее и непреходящее значение для развития советской литературы имело определение товарищем Сталиным метода социалистического реализма как метода советского искусства.

Товарищ Сталин, обобщив многовековой опыт мирового искусства, обобщив опыт молодой советской литературы, своим гениальным определением метода социалистического реализма начертал путь дальнейшего художественного развития для всего человечества. Сталинское определение метода советской литературы давало могучее средство художественного освоения действительности, воспитания людей в духе коммунизма,— оружие борьбы за дальнейшее социалистическое преобразование действительности.

Сталинское определение метода социалистического реализма и историческое постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» обеспечили дальнейший расцвет советской литературы и искусства.

Большое значение для советской литературы имели высказывания А. М. Горького о фольклоре.

Советская фольклористика до съезда писателей была самым отсталым участком литературоведения. Троцкистские последыши, орудовавшие в РАППе, а вслед за ними и различного рода путаники, раздувая и на деле рекламируя отдельные попытки использования произведений фольклора кулацкими писателями для протаскивания шовинистско-националистической идеологии, внушали писателям (и чита-

тельской массе!) не только недоверие к фольклору, но прямо отрицательное отношение к нему. Они насаждали идейки, извращавшие подлинный смысл и значение даже самых лучших произведений устно-поэтического народного творчества, в том числе и таких великих произведений русского народного героического эпоса, как былины.

Трудно переоценить в этих условиях значение борьбы А. М. Горького за устно-поэтическое коллективное народное творчество, в частности, заявившего на съезде писателей: «Повторяю: начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза».[1]

После съезда писателей фольклорная работа получила широкий размах. Пример заботливейшего отношения к народному творчеству дала большевистская «Правда», собравшая к двадцатилетию Великой Октябрьской революции огромное количество произведений фольклора, лучшая часть которых составила сборник «Творчество народов СССР» (1937 г.). Н. Андреев в 1940 году писал: «За последние годы издание фольклорных материалов, в частности, сказок, приобрело чрезвычайно широкий характер. Сборников появляется так много, как никогда раньше, даже в «золотой век» русской фольклористики, в 60-е годы».[2]

Огромные успехи социализма, великие дела свободного народа, преобразившие Родину, поднявшие ее на небывалую высоту могущества и славы, вызывали естественное желание осмыслить их в плане историческом. Народ хотел знать свое прошлое, чтобы лучше понять настоящее.

В 30-е годы партия привлекла внимание советской общественности к вопросам истории, к вопросам развития исторической науки в нашей стране. Инициатором в этой области, как известно, был великий Сталин.

В специальном постановлении о подготовке учебников по истории ЦК ВКП(б) и СНК СССР решительно ударили по «антимарксистским, антиленинским, по сути дела ликвидаторским, антинаучным взглядам на историческую науку», дали самый резкий отпор «попыткам ликвидации истории как науки, связанным в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных

---

[1] А. М. Горький. О литературе. 1937, стр. 481.
[2] Журнал «Литературный критик», 1940, № 9—10, стр. 258.

исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского».[1]

Центральный Комитет коммунистической партии подчеркнул огромное воспитательное и образовательное значение истории, как науки.

В 30-е годы по инициативе А. М. Горького, поддержанной Центральным Комитетом ВКП(б), была проведена большая работа по созданию «Истории фабрик и заводов». К этому периоду относится расцвет исторического жанра в советской художественной прозе.

Обращение Бажова к сказовому жанру было непосредственно связано с общим интересом и вниманием к историческому прошлому нашего народа.

Интерес Бажова к вопросам истории, и особенно истории Урала, был давним и постоянным. «История — это мой хлеб»,— говорил писатель.[2] Выше уже отмечалось, что в 20—30-х годах он выпустил несколько книг, посвященных истории революционного движения уральского пролетариата. Отлично знал Бажов историю промышленного производства на Урале. Писатель принял непосредственное участие в работе над «Историей заводов». В начале 30-х годов он не раз выезжал в г. Тавду, крупный центр лесной промышленности на Урале, с целью организации работы по созданию истории лесозаводов. Результатом выездов Бажова в Тавду явились его очерки, которые в сборнике «Уральские были» вошли в раздел «Из истории фабрик и заводов»: «Северные сукноделы», «Первый лесозавод», «Машинка на Азанке».

Сказы Бажова имеют прямое отношение к историческому жанру в литературе, представляют собою страницу художественной истории промышленного производства, истории пролетарского труда, истории рабочего класса на Урале. Сам Бажов не раз подчеркивал историзм своих сказов. В одном из его писем читаем: «Если рассказываю об Иванке-Крылатке, так в действительности был Иван Бушуев, замечательные работы которого можно и сейчас видеть в Оружейной палате... В сказе «Старых гор подаренье» говорится сначала о работе над мечом эфиопскому царю. Это тоже действительный факт, относящийся к концу 90-х го-

---

[1] К изучению истории. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 21.
[2] К. Боголюбов. Наш Бажов. Альманах «Южный Урал», 1951, № 5, Челябгиз, стр. 60.

дов, когда готовился меч для негуса Менелика, и разговоры рабочих о «бесштанном царе» я сам слышал».[1]

Сказы Бажова следует поставить в ряд таких произведений советской литературы, как «Разин Степан» А. Чапыгина (1927 г.), «Емельян Пугачев» В. Шишкова (начат в 1935 г.), «Петр I» А. Толстого (часть I — 1930 г., II — 1934 г.).

В еще большей мере начало работы Бажова над сказовым жанром было связано с расцветом народно-поэтического творчества в СССР, с усилением интереса советской общественности к фольклору, с деятельностью А. М. Горького в этой области. Бажов писал:

«Воспроизводить сказы до 1936 года не пытался. Прежде всего, вероятно, потому, что просто не было времени для литературной работы такого рода. Кроме того, в то время, как Вы помните, всякая сказка была в загоне: боялись, что с ней идет демонология, близкая к поповщине... С 34 г. положение с демонологией заметно изменилось... Начали, сколько помню, появляться переиздания сказок. Особенно же это изменилось после выступления А. М. Горького на съезде советских писателей, где он призывал собирать и обрабатывать народное творчество. Все это мной замечалось...» [2]

Когда Свердловское областное издательство, отражая общее усиление интереса к устно-поэтическому творчеству народа и к его истории, предприняло в 1936 году издание сборника «Дореволюционный фольклор на Урале», П. П. Бажов предложил составителю и редактору сборника «записанные по памяти» уральские рабочие сказы. Бажов так рассказывает об этом: «Первая моя публикация сказов вызвана была именно этим фольклорным сборником — бирюковским. Бирюков собрал сборник, но ввел в него то, что обыкновенно в фольклорные сборники помещалось: песни, загадки, сказки бытовые, главным образом, их варианты. Фактическим редактором была Блинова. Она поставила вопрос: почему же нет рабочего фольклора? Владимир Павлович (Бирюков,— *М. Б.*) ответил, что такого материала нет в его распоряжении, что он его нигде не может найти. Меня это просто задело: как так — рабочего фольклора нет? Я сам сколько угодно этого рабочего фольклора

---

[1] Письмо от 20 ноября 1949 г

[2] Там же.

слыхал, слыхал целые сказы. И я в виде образца принес им «Дорогое имячко».[1]

В 30-х годах Бажов имел уже большие фольклорные накопления. У него были серьезные знания по истории, прежде всего по истории промышленного производства, горнозаводского труда на Урале. Он владел обширными и лексическими и всеми другими средствами и литературного и разговорного языка народа, местных диалектов. Многое дал ему долголетний опыт литературно-журналистской деятельности, прежде всего обострившей его уменье видеть все явления действительности глазами коммуниста, расширившей его знание народной жизни. Достаточен был толчок, который бы вывел Бажова на путь такого литературного творчества, к какому он был больше всего подготовлен. Таким толчком явилась подготовка сборника уральского фольклора.

Таким образом, обращение П. П. Бажова в 1936 году к жанру сказа, опирающегося на фольклор уральских рабочих, создание им замечательной «Малахитовой шкатулки» является одним из многочисленных результатов мощного расцвета социалистической культуры в СССР в 30-х годах, одним из множества фактов огромного подъема художественного творчества народов Советского Союза.

2

Первый сборник «Сказов старого Урала» — «Малахитовую шкатулку» П. П. Бажова — Свердловское областное издательство выпустило в начале 1939 года. В сборник вошли 14 сказов.

«Малахитовая шкатулка» восторженно была принята читателями. Книга выделялась из числа обычных книжных новинок,— она привлекла к себе внимание советской общественности своим ярким своеобразием, новизной содержания и формы.

Еще до выхода книги из печати, на основании отдельных журнальных и газетных публикаций сказов, В. Перцов в мае 1938 года, в связи с опубликованием в «Литературной газете» сказа «Каменный цветок», писал: «Поразительно красивы и своеобразны эти мифы уральских горнозаводских рабочих. Они овеяны суровым колоритом горной стра-

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 144.

ны на границе Европы и Азии, страны — шкатулки несметных рудных богатств земли». [1]

После выхода книги в «Известиях» было напечатано телефонное сообщение из Свердловска собственного корреспондента газеты, который так оценивал книгу: «Чудесные сказы П. П. Бажова по яркости выражения, поэтической насыщенности — подлинно художественные, поэтические произведения... «Малахитовая шкатулка» — ценный вклад в советскую художественную литературу». [2]

В центральном органе партии «Правда» Д. Заславский в рецензии «Малахитовая шкатулка» называл книгу «замечательной», а сказы, вошедшие в нее,— «превосходными новеллами, раскрывающими историю Урала в спокойной форме, но жгучих, не потерявших остроты образах». [3]

«Поразительные», «чудесные», «замечательные», «превосходные»» — в таких выражениях в один голос оценивали наши газеты сказы «Малахитовой шкатулки». «Сердечная и поэтически яркая книга сказов», «Выдающееся произведение народного искусства» — так отзывались о книге Бажова рецензент журнала «Индустрия социализма» М. Красноставский и рецензент «Литературного обозрения» И. Астахов. [4]

К оценкам рецензентов и критиков присоединили свои голоса советские писатели. По словам А. Караваевой,— «Такие книги обогащают не только наш фольклор, но и советскую литературу в целом». [5] Назвав «Малахитовую шкатулку» волшебной книгой, Д. Бедный писал о ней в 1939 году: «Богатство содержания сказов, многообразие и красота образов — поразительны. Сколько тут великолепной добычи для мастеров резца и кисти, для драмы, оперы и балета, а про кино и говорить не осталось!» Поэт отмечал, что в сказах Бажова «щедро рассыпаны» «словесные изумруды».[6]

Таково было общее впечатление от первых сказов П. П. Бажова. «Малахитовой шкатулкой» он вошел в со-

---

[1] В. Перцов. Сказы старого Урала. «Литературная газета», 10 июня 1938 г., № 26.

[2] «Известия», 4 апреля 1939 г., № 79 (6849).

[3] «Правда», 13 июля 1939 г., № 192 (7877).

[4] «Индустрия социализма», 1939 г., № 7, стр. 54—55 и «Литературное обозрение», 1939 г., № 17, стр. 34—39.

[5] А. Караваева. Сказы о народе. «Литературная газета», 11 марта 1939 г., № 15.

[6] Журнал «Смена», 1951 г., стр. 18.

ветскую литературу в качестве одного из ее больших мастеров. 29 марта 1939 года Бажов был принят в члены Союза советских писателей СССР.[1]

Как уже говорилось, первые четыре сказа П. Бажова были опубликованы в ноябрьской книге журнала «Красная новь». При этом и сам Бажов, и редакция «Красной нови», как и составитель и редактор свердловского фольклорного сборника,— все рассматривали готовившиеся к публикации сказы, как фольклорные произведения.

Правда, вскоре же обнаружилось, что у отдельных товарищей были известные сомнения относительно «фольклорности» сказов Бажова. Но сомневались не в том, в чем следовало бы сомневаться. Бажов вспоминал: «Покойный Демьян Бедный как-то при встрече (кажется, в комитете по юбилею И. А. Крылова) говорил, что он спас меня от разгромной статьи, которая готовилась после первого появления моих сказов в «Красной нови»... Предполагалось «разделать» меня, как «фальсификатора фольклора», но удержало указание Демьяна Бедного на книгу Семенова-Тянь-Шанского, где дано довольно обширное примечание о легендах горы Азова, которые, дескать, Бажов мог слышать».[2]

В «Красной нови» первые четыре сказа помещены под общим заглавием-шапкой: «Уральские тайные сказы и побывальщины». Им предпослана короткая вступительная статья, в которой о Бажове говорится в третьем лице, но нужно думать, что статья — по крайней мере в основной ее части — написана самим П. П. Бажовым. Не только мысли, но и отдельные предложения из нее позднее вошли в написанное Бажовым предисловие к первому (свердловскому) изданию «Малахитовой шкатулки» — «У караулки на Думной горе». В журнальной вступительной статье сказы Бажова рассматриваются в общем как фольклорные произведения.

В тексте сказов также обнаруживалось понимание их как фольклорных записей. Во-первых, об этом говорит до-

---

[1] «Литературная газета», 5 апреля 1939 г., № 19. «В Президиуме Союза советских писателей».

[2] Письмо П. П. Бажова от 20 ноября 1949 г. Книга Семенова-Тянь-Шанского, о которой пишет Бажов,— «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Том пятый — Урал и Приуралье. СПБ, изд. А. Девриена, 1914 г. Об Азов-горе и легендах о девке-Азовке см. стр. 444.

вольно тщательное соблюдение местной диалектной фонетики и морфологии. Во-вторых, в примечаниях имеется ссылка на сказителя, обнаруживающая то же понимание текстов сказов как фольклорной записи. В сноске к слову «руськи» читаем: «Сказитель произнес слово «русское» мягко — руськи — как и многие в Полевском заводе».[1]

В 1950 году П. П. Бажов так осветил вопросы, связанные с первыми публикациями сказов как фольклорных текстов: «Я хотел восстановить этот сказ («Дорогое имячко»,— *М. Б.*) так, как я его слышал. Мне казалось, что это было восстановлением фольклора по памяти, причем я так и сказал, что я восстановил его по памяти, что я слышал его от В. А. Хмелинина. Это и вышло в печати как фольклор... Я сам давал первые сказы именно как восстановление фольклора».[2]

Безупречная добросовестность П. П. Бажова во всей истории опубликования первых сказов подтверждается документально. Во вступительной статье к сказам в журнале «Красная новь» говорится: «За сорок лет, конечно, память не может сохранить все детали. Сохранилась лишь фабула, общий стиль рассказчика и отдельные, наиболее запомнившиеся выражения. По этим вешкам т. Бажов и воспроизводит некоторые из «тайных сказов» Хмелинина». И далее: «В приводимых сказах неизбежны элементы имитации».[3] Первая часть цитаты из статьи и дает основания думать, что она написана самим Бажовым. В предисловии к первому изданию «Малахитовой шкатулки», подписанном Бажовым, читаем: «Память не в силах, конечно, донести полностью все то, что было слышано чуть не полвека назад. В лучшем случае сохранились остов сказа, его стиль, кой-какие имена, названия да некоторые наиболее запомнившиеся выражения. По этим вешкам сказы и воспроизводились».[4]

Следовало сомневаться, можно ли было при тех объяснениях, какие дал Бажов, считать представленные им сказы фольклорными записями. В этом сомневался и сам Бажов, что совершенно ясно из его оговорок, приведенных

---

[1] «Красная новь», 1936, № 11, стр. 5.

[2] Альманах «Уральский современник», 1952, № 20, Свердлгиз, стр. 144.

[3] «Красная новь», 1936, № 11, стр. 4.

[4] П. П. Бажов. Малахитовая шкатулка. Свердлгиз, 1939, стр. 6.

выше. Но материалы, представленные писателем, были настолько ярки, оригинальны, свежи, художественная ценность их была в такой мере очевидной, а имевшиеся к тому времени записи рабочего фольклора так немногочисленны, что понятно общее желание — и редакции журнала «Красная новь», и редактора Свердлгиза, и составителя сборника «Дореволюционный фольклор на Урале» — напечатать сказы Бажова как произведения устно-поэтического творчества уральских рабочих, тем более, что фольклорная основа сказов ни у кого не вызывала сомнений. Словом, напечатать сказы хотелось всем причастным к их изданию лицам, не исключая, конечно, и Бажова.

Опубликование сказов Бажова первоначально в качестве произведений устно-поэтического творчества уральских горняков вызвало некоторые недоразумения. В критической литературе, несмотря на колебания, ясно обнаруживавшиеся в статьях многих авторов, на известное время установилось совершенно неправильное представление о Бажове, как «о записывателе» фольклора. Например, статья И. Астахова в журнале «Литературное обозрение» была помещена в разделе «Устное творчество народов СССР». В ней в качестве автора сказов последовательно называется «дед Слышко». «Образ этого головореза (приказчика Северьяна — «убойцы»,— *М. Б.*) не выдуман дедушкой Слышко, это глубоко реалистический образ...» — писал Астахов.[1] В статье рецензента журнала «Индустрия социализма» М. Красноставского «Малахитовая шкатулка» рассматривалась как «одна из самых оптимистических книг *советского фольклора*» (Подчеркнуто нами — *М. Б.*) [2]. Даже в 1941 году, через два года после выхода сборника «Малахитовая шкатулка», Е. Блинова нашла возможным включить пять сказов Бажова в фольклорный сборник «Тайные сказы рабочих Урала».[3] А в это время было уже известно весьма существенное высказывание П. Бажова. В очерке «У старого рудника», опубликованном в 1940 году, он писал: «Воспроизведенные по памяти, притом почти через полвека, сказы Хмелинина, конечно, потеряли ценность фольклорного документа».

---

[1] «Литературное обозрение», 1939, № 17, стр. 34—39.

[2] «Индустрия социализма», 1939, № 7, стр. 55.

[3] Тайные сказы рабочих Урала. «Советский писатель», М., 1941, стр. 36—70. Кроме опубликованных в «Красной нови», в сборник включен сказ «Марков камень».

Проникновение в творческую лабораторию писателя П. П. Бажова позволяет понять, как производилось им то, что он называл «записью по памяти». В рукописном наследстве Бажова имеются материалы, позволяющие судить, в частности, о его работе над сказом «Каменный цветок»: первая черновая рукопись; последняя рукопись с датой окончания работы — 14/XII 1937 г. — и с заключительной пометкой: «Записано по памяти. П. Б.», наконец, машинописный текст сказа.

Важный материал дает сопоставление последних двух документов.

В машинописный текст, который до 26-й страницы очень точно повторяет последнюю рукопись, введен новый эпизод на три страницы. Содержание его таково:

Катя после вечеринки вместе с девушками и парнями провожает Данилу окружным путем до его дома. Девушки поют сначала печальную «провожальную» песню. Данило грустен. Веселая песня, которую запевают затем девушки, не меняет его настроения. Катя, чтобы развлечь любимого, заговорила о их будущей совместной жизни, о том, достанет ли на покупку коровы тех денег, которые камнерез получит за сделанные им малахитовые чаши, о том, где они будут кур держать. Наконец, молодые люди расстаются. Но, оставшись один, Данило беспокоится, не обидел ли он Катю своей молчаливостью, и направляется к дому невесты, чтобы проститься с ней по-хорошему. Вдруг перед ним расстилается полянка с каменными цветами — такая, какую видел он в чудесном саду Хозяйки Медной горы. Из ворот дома Кати выходит и сама Хозяйка. Она спрашивает: «Ну, как, Данило-мастер, хватит на коровку-то?...» Видение исчезает. Малахитчик падает на снег. В полубредовом состоянии он думает о любимой: «Не живать, видно, нам, как добрые люди живут...» Очнувшись, юноша возвращается домой, обменивается с проснувшимся Прокопьичем скупыми репликами о том, не следует ли сдать приказчику уже готовые чаши. Прокопьич снова засыпает. Данило, остановившись около него, мысленно прощается со своим учителем, заменившим ему отца.

Затем следует то, чем заканчивается и рукопись и печатный текст: Данило разбивает свою дурман-чашу, плюет в чашу, сделанную по барскому заказу, и убегает.

Не трудно понять смысл включенного Бажовым эпизода: он должен психологически мотивировать уничтожение

дурман-чаши Данилой и его бегство, подготовить читателя к заключительному эпизоду.

В окончательном, книжном тексте часть этого эпизода оставлена, но исключены все реплики Кати о корове, о курочках, исключено появление полянки с каменными цветами и Хозяйки.

Понятен смысл этих сокращений. Убрано все, снижающее образ Кати. Мотивировка бегства Данилы остается, но она стала в психологическом плане значительно более тонкой, более убедительной. Не от «житейской прозы» бежит Данило, не от Кати, не от ее забот о материальном благополучии семьи. Охваченный страстной жаждой постигнуть высшую красоту, овладеть высшими тайнами мастерства, он бежит к Хозяйке горы.

В результате этих изменений сказ выиграл.

Интересно проследить хотя бы на небольшом количестве примеров работу писателя над языком и стилем сказа:

1-я черновая рукопись	Машинописный текст
а) Не гож этот для меня. Глаз у его слабый...	Не гож этот. Глаз у него неспособный.
б) Не сладко ребят на зряшную муку отдавать.	Не сладко родного дитенка на зряшную муку отдавать.
в) Приказчик уж взъедаться стал. До какой-де поры это будет? Все неладно да неладно тебе даю... Когда толк будет?	Приказчик взъедаться стал. — До какой поры это будет? Не гож да не гож, когда гож будет!
г) Его и прибрали на побегушки — табакерку-платок подать, на кухню за сладостью какой сбегать и протча. Только нерасторопный он вышел. Его кричит-кричит барыня, а он и ухом не ведет.	Его и взяли сперва в казачки при господском доме: табакерку-платок подать, сбегать куда и протча. Только у этого сиротки дарованья к такому делу не оказалось. Его кричат, а он и ухом не ведет.

Изменения, внесенные писателем в стиль и язык сказа, преследуют такие цели:

1. Достижение наибольшей точности выражения мысли писателя, наибольшего соответствия словесного выражения — сущности образа. а) У молодых парнишек, отдаваемых в ученье Прокопьичу, глаз скорее всего мог быть именно «неспособным» к мастерству резчика по малахиту, а не «слабым». б) Слова «родного дитенка» точнее выражают чувства родителей, не желающих отдавать своих детей в ученье к драчливому Прокопьичу, чем просто слово «ре-

бят». в) Слова «не гож» точнее обозначают причину нежелания Прокопьича учить того или иного мальчугана, нежели слова «все неладно»... г) Слова «сбегать куда» точнее определяют функции казачка в барском доме, чем слишком конкретизирующее и ограничивающее определение его обязанностей словами: «на кухню за сладостью какой сбегать». Определение «нерасторопный» в отношении к Даниле слишком нейтрально для выражения причины непригодности его к лакейской должности. Оно слабее, бледнее, чем формула «дарованья к такому делу не оказалось», которая сразу приподнимает образ талантливого мальчика, подчеркивает, что в душе его жило благородное чувство собственного достоинства и независимости.

2. Очищение текста от лишних, пустых слов. Такими в контексте оказываются слова: а) для меня, в) уж, де, все, тебе, г) барыня.

3. Приближение, где оно не казалось автору слишком противоречащим жизненной правде, лексики, фонетики и морфологии языка к литературному языку. В этом смысл замены слов «у его», «прибрали на побегушки» словами «у него», «взяли в казачки», таков смысл изъятия выражения «нерасторопный он вышел».

Таким образом, перед нами обычная кропотливая работа вдумчивого художника над образом, над психологической его разработкой, обычная работа писателя над словом. Следует отметить кстати, что сказ «Каменный цветок» был последним сказом, в рукописи которого Бажов счел нужным пометить: «Записано по памяти».

Обращение к прямым высказываниям Бажова по вопросу о соотношении его сказов с фольклорными материалами помогает притти к окончательным выводам. Выше было показано, что Бажов пришел к отрицанию за своими сказами значения фольклорного документа. К такому отрицанию его привел творческий опыт. О сказе «Серебряное копытце», законченном 3 августа 1938 года, писатель говорил так: «Рассказы о том, что есть такой козел с серебряным копытцем, я слышал в Полдневой. Слышал от Булатова, охотника. В Полдневой поисками хризолитов занимались многие. А сюжет мой» [1]. Здесь уже не может быть и

[1] Запись беседы в феврале 1950 г. О «Козле Серебряное копытце» см. в очерке Бажова «У старого рудника» в сб. «Малахитовая шкатулка». Свердлгиз, 1949, стр. 34. О Булатове имеется упоминание на стр. 47 книги «Уральские были», изд. 1951 г., Свердлгиз.

речи о фольклорной записи. Анализ сюжета и языка сказа «Серебряное копытце» лишь подтверждает слова писателя. В другой беседе на вопрос: «А сюжет в таком виде, как в вашем сказе, вы не встречали?» (речь идет о сказе 1939 года «Огневушка-Поскакушка») — П. П. Бажов ответил: «*Пожалуй*, нет. *Подобные* сказы я, *может быть*, и слыхал, но не могу сказать — когда и где».[1] Приведем, наконец, еще одно обобщающее высказывание писателя по рассматриваемому вопросу. Когда П. П. Бажова спросили: считает ли он верным — в общем виде — такое утверждение: первые ваши сказы были ближе к фольклорным источникам, передают слышанные вами сюжеты, а в дальнейшем вашем творческом развитии вы становились все самостоятельнее, меньше зависели от фольклорных сюжетов, хотя попрежнему основывались на фольклорных источниках,— мотивах, образах, суждениях? — писатель отвечал: «Я согласен, что это таким образом и было. Это очень правильно».[2]

Следовательно, все сказы П. П. Бажова в той или иной мере строятся на фольклорном материале, но ни один из них не является фольклорной записью. Сказы Бажова представляют собой глубоко оригинальные, глубоко своеобразные художественные произведения, созданные крупным советским писателем.

3

За время с 1936 по 1950 год П. П. Бажов написал 52 сказа. Писатель еще в 1939 году избрал заглавие для сборников своих сказов — «Малахитовая шкатулка» — по одноименному, одному из лучших его сказов. Первоначально он назывался «Тятино подаренье». При подготовке к печати писатель изменил заглавие и перенес его на весь сборник. Как говорил Бажов, заглавие оказалось удачным: оно позволяло неограниченно пополнять сборник все новыми и новыми сказами.[3]

Все 25 довоенных сказов П. П. Бажова — сказы о далеком прошлом. Можно установить приблизительно — и ино-

---

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 145 (Подчеркнуто нами,— *М. Б.*).

[2] Там же, стр. 144.

[3] Альманах «Уральский современник», 1950, № 17, Свердлгиз, стр. 218.

гда очень условно — время действия для большинства из них, так как Бажов почти в каждом сказе дает какие-нибудь временные «вешки». Так, действие сказов «Дорогое имячко» и «Ермаковы лебеди» относится к концу XVI века. Время действия сказов «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка», «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки», «Про Великого Полоза», «Змеиный след», «Кошачьи уши» — 50—70-е годы XVIII века. Все они связаны с именем первого Турчанинова, к которому сысертские заводы перешли в 1759 году. В сказах он фигурирует под именем «Старого барина».[1] При его непосредственных преемниках развертывается действие сказа «Две ящерки». В середине XVIII века происходят события сказа «Демидовские кафтаны», в конце XVIII века — события сказа «Марков камень». К середине XIX века относится действие сказов «Травяная западенка» и «Тяжелая витушка». Самый «ранний» по времени действия — сказ-легенда «Золотой волос», начинающийся словами: «Было это в давних годах. Наших русских в здешних местах тогда и в помине не было». Самый «поздний» — «Тяжелая витушка», сказ, в котором излагаются события из жизни В. А. Хмелинина до и после крепостнической реформы 1861 года. Жизнь, труд, быт уральских горнозаводских рабочих при крепостном праве являются объектом непосредственного отображения в довоенных сказах П. П. Бажова.

Но характерной особенностью всех сказов Бажова является их современное звучание. Причина такой «созвучности» сказов с современностью состоит именно в том, что рассказчиком в них является не реальный Хмелинин, которого слушал в детстве Бажов, а дед Слышко, литературный образ, за которым стоит его создатель — советский писатель П. П. Бажов. Писатель-коммунист, естественно, умеет оценить события прошлого с точки зрения дальнейшего их развития, оценить их в свете советской современности, более того — в свете будущего. П. П. Бажов вносит в сказы советскую оценку действительности, дополняющую и подправляющую оценку деда Слышко, которая неизбежно должна быть ограничена условиями места, какое он занимал в обществе, и времени, в какое он жил. При этом Бажов никогда не выступает в сказах вместо деда

---

[1] П. П. Бажов. Малахитовая шкатулка, Свердлгиз, 1949, стр. 452—453.

Слышко, рядом с ним, в дополнение к его высказываниям и оценкам.

Мастерство Бажова состоит, в частности, в том, что советскую оценку явлений исторической действительности он проводит исключительно тонко, ни в какой мере не вступая в противоречие с требованиями реализма, не приписывая деду Слышко того, чего не мог говорить и делать старый рабочий 80—90-х годов XIX века.

Конечно же, старый Слышко мог сказать: «Будет и в нашей стороне такое время, когда ни купцов, ни царя даже званья не останется. Вот тогда и в нашей стороне люди большие да здоровые расти станут. Один такой подойдет к Азов-горе и громко так скажет твое дорогое имячко... Пущай тогда все золото берут, если оно тем людям на что-нибудь годится». И далее: «Отнимут, поди-ка, люди у золота его силу. Помяни мое слово, отнимут!» (Сказ «Дорогое имячко»). Но слова деда Слышко могли быть только выражением довольно неопределенной мечты старого рабочего конца XIX века. В сознании же советского читателя «дорогое имячко» неизбежно конкретизируется как имя свободы, социального освобождения. Читая рассуждения деда Слышко о золоте, советский читатель не может не вспомнить статью В. И. Ленина «О значении золота теперь и после полной победы социализма». И определенный смысл приведенным выше словам сказа мы придаем не только потому, что являемся ближайшими наследниками и продолжателями дела Великой социалистической революции, но и потому, что писатель Бажов, работая над сказом, хотел, чтобы Дорогое имячко именно так конкретизировалось в сознании советского читателя. П. П. Бажов писал: «Дорогое имячко — это Октябрьская революция».[1]

В этом плане интересно еще одно обращение деда Слышко в будущее. В сказе «Ключ земли» бабка Федосья говорит: «Есть камень-ключ земли. До времени его никому не добыть: ни простому, ни терпеливому, ни удалому, ни счастливому. А вот когда народ по правильному пути за своей долей пойдет, тогда тому, который передом идет и народу путь кажет, этот ключ земли сам в руки дастся. Тогда все богатства земли откроются и полная перемена жизни будет. На то надейтесь!»

---

[1] Письмо к Л. И. Скорино от 17 сентября 1946 г. Архив П. П. Бажова.

Перед нами один из многих примеров того, насколько глубоко проникал Бажов в народную психологию и в народную образность. Мечты крепостной работницы Фени Счастливый Глазок о будущем выражены в таком образе, в какой они только и могли быть облечены,— в образе заветного камня—ключа земли, подсказанном ей приисковой работой. Именно поэтому Бажов ни в какой мере не погрешил против реализма, передавая в сказе мечты Фени о радостном труде, о счастливой жизни, о светлом будущем.

Для нас ясен глубочайший смысл «предсказания бабки Федосьи», ясна содержащаяся в нем авторская мысль о закономерностях общественной жизни и о неизбежности социальной революции, о мощном развитии производительных сил при социализме, наконец, мысль о величии народного вождя, вождя коммунизма. Сказ «Ключ земли» только и мог быть создан советским писателем.

П. П. Бажов знал давние мечты рабочих о социальном освобождении, о свободном творческом труде и конкретизировал их в художественной форме своих сказов так, как это мог сделать только советский художник. Таким образом, «обращения в будущее» деда Слышко на деле оказываются оценкой прошлого, производимой советским писателем Бажовым с высоты достижений советской современности.

Но современное звучание сказов Бажова объясняется не только обращениями к советской действительности, подобными рассмотренным выше. Оно объясняется всем характером изображения в сказах социальных отношений дореволюционной России, характером изображения как людей труда, так и эксплуататоров.

4

Темы довоенных сказов Бажова разнообразны. Условия труда уральских крепостных рабочих, точнее, мастеровых, борьба их против заводовладельцев, яркая талантливость рабочих людей, благородный моральный облик трудящихся и нравственное убожество «бар» и их помощников, поиски «земельных богатств», проблема личного счастья в связи с темой творческого труда и в связи с темой поисков золота, «земельных богатств» вообще, проблема народного счастья в связи с вопросом о социальных отношениях — такова проблематика сказов Бажова.

Труд — основная тема сказового творчества Бажова.

«Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессом труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны выучиться понимать труд, как творчество»,[1] — такую задачу поставил перед советскими писателями А. М. Горький.

П. П. Бажов посвятил свою писательскую деятельность художественной разработке темы труда на хорошо известном ему материале прошлого,— он показал труд и быт рабочих крепостного Урала.

Этот материал не был новым для русской литературы. Особенно глубоко в своих реалистических произведениях осветили быт и труд рабочих уральских заводов, шахт, приисков Ф. М. Решетников и Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Но Бажов подошел по-новому к разработке уральской темы. Продолжая реалистические традиции классической русской литературы, советский писатель Бажов в своих сказах с большой впечатляющей силой показал поистине каторжный труд на уральских заводах, рудниках, приисках при крепостничестве.

Молодого, здорового, сильного рабочего парня Андрюху за его провинность «схватили да в гору на цепь... Кормежка худая, а воды когда принесут, когда и вовсе нет — пейруднишную! А руднишная для сердца шибко вредная... Помаялся так-то Андрюха с полгода ли, с год — вовсе из сил выбился. Тень-тенью стал, не с кого работу спрашивать... Видит — плохо дело. А молодой,— умирать неохота... Подумал так, да и свалился, где стоял. Так в руднишную мокреть и мякнулся, только брызнуло. Холодная она — руднишная-то вода, а ему все равно — не чует. Конец пришел» («Две ящерки»).

А вот описание судьбы рабочего Левонтия: «Безответный. Смолоду его в горе держали, на Гумешках то есть. Медь добывал... Свету не видел, позеленел весь. Ну, дело известное — гора. Сырость, потемки, дух тяжелый. Ослаб человек... Приказчик поглядел-поглядел да и говорит: «Вот что, Левонтий, старательный ты мужик, говорил я о тебе барину, а он придумал наградить тебя... отпустить... на воль-

---

[1] А. М. Горький. Литературно-критические статьи. М., 1937, стр. 650.

ные работы, без оброку». Это в ту пору так делывали. Изробится человек, никуда его не надо, ну и отпустят на вольную работу» («Про Великого Полоза»).

О старом богатыре-рудокопе Онисиме, застреленном одним из «господишек», Бажов говорит: «Онисим сразу носом в землю и не встал больше. Экой могутный человек был. Гора его не сжевала, а от пульки сразу кончился» («Марков камень»). Здесь характерно удивление рассказчика не столько перед силой Онисима самой по себе, а именно перед тем, что его даже гора «не сжевала».

Перед нами свидетельства не постороннего лица, хотя бы и добросовестно постаравшегося изложить то, что он слышал и знает. Читатель своими глазами видит не только условия труда. Перед ним выступают, как живые, жертвы рудничной каторги — и ставший «тень-тенью» Андрюха и «позеленевший», «изробленный», «изжеванный горой» Левонтий. Они тем ближе нам, что рассказчик, хотя и очень скупо, чуть заметными штрихами, но передает и переживания Андрюхи, которому «умирать неохота», и «безответность» старого Левонтия.

Мастерство Бажова состоит в том, что он, слушавший в детстве Хмелинина, сумел не только сохранить и донести до советского читателя впечатляющее воздействие живых свидетельств самих рабочих, но и усилить его. Читатель забывает о писателе Бажове, а слышит и видит старого горняка деда Слышко, который за свою долгую жизнь вдосталь «поиграл» кайлом да ломом, «позабавился» клиньями и молотом, «наглотался сладкого духу» Медной горы. Новаторство Бажова в разработке уральской темы в том, в частности, и состоит, что в его сказах заговорила сама масса горных рабочих крепостной эпохи. И дело не только и не столько в лексике его сказов,— хотя, безусловно, никакими другими словами нельзя полноценно заменить, например, образа: «изжеванный горой». Дело в очень точной передаче народных интонаций речи, в ощутимости образов, создаваемых художником, в большой непосредственности их воздействия на читателя. Все это объясняется подлинным знанием предмета художественного изображения.

С другой стороны, бажовское изображение условий труда крепостных рабочих отличается большой силой художественного обобщения социальных явлений. Средства художественной типизации в сказах Бажова в сущности очень

просты. Иногда он, показав отдельное, как будто индивидуальное явление, добавит: «в ту пору так делывали» — и «индивидуальное» оказывается не только обыденным, но и типическим явлением. Иногда же Бажов покажет «могутного» старого рудокопа и просто удивится вслух: «Каков! Даже гора его не сжевала!» — и читателю становится совершенно ясно: каждый, кто работал «в горе», обрекался быть «изжеванным» ею. А «неизжеванный» Онисим — редкое исключение из общего правила.

Отлично зная уральский рабочий фольклор, Бажов, несомненно, в нем черпал материал для своих сказов, посвященных теме труда. Уральские рабочие уже после освобождения от «крепости» пели так, что песни их были мрачными стонами вконец измученных людей:

Распроклятый наш завод
Перепортил весь народ:
Кому палец, кому два,
Кому по локоть рука.
Заперты мы на заводе
Тяжелой неволей:
Много долгу на народе,
Всяк себе не волен.[1]

Уральские рабочие создали сказ «Кузнец и чорт», в котором чорт, побывавший на заводе, убедился, что в аду грешникам живется куда лучше, чем заводским рабочим. Чорт позорно бежит с завода, а вдогонку ему кузнец кричит: «Куда ты, чорт, это еще не все. Ты хоть погляди, как хозяин с нами-то расправляться будет. Научись с грешниками в аду обращаться».[2]

В другом уральском рабочем сказе чорт, считавший себя всемогущим, с удивлением обнаруживает свое бессилие в одной области. После многих попыток «очеловечить» заводовладельца, он признается молотобойцу: «Нет, что хочешь сделаю, а хозяина вашего человеком сделать не могу».[3]

Наконец, как концентрированное в слове выражение опыта рабочих старого Урала звучат пословицы: «В забой пойдешь — под бой попадешь»; «Шмаков не побьет, так шурп добьет».[4]

---

[1] Г. Белорецкий. Заводская поэзия. Журнал «Русское богатство», 1902, № 12, стр. 41.

[2] Дореволюционный фольклор на Урале. Сост. Б. Бирюков. Свердлгиз, 1936, стр. 208.

[3] Там же, стр. 209. Сказ «О молотобойце и чорте».

[4] Там же, стр. 8, 21. Шмаков — смотритель медного рудника в Нижнем Тагиле в 1870-х гг.

Рабочий фольклор является одним из основных источников бажовского изображения условий труда старых уральских рабочих.

Но главное в разработке темы труда в сказах Бажова следует видеть не в изображении каторжной жизни пролетариев старого Урала.

На Урале были построены многие десятки заводов и рудников. Строителями их были русские рабочие. Уральские предприятия давали продукцию, из которой многое прославилось своими качествами на весь мир. Вырабатывали ее русские рабочие. Ознакомление с архивными материалами об уральских заводах показывает, как много творчества, выдумки, мастерства вложено рабочими во всякое дело, какое им приходилось выполнять. Имена замечательных изобретателей из числа старых, в том числе и крепостных, уральских рабочих широко известны в нашей стране.

Бажов, представитель литературы социалистического реализма, принявшись за отображение далекого прошлого уральской промышленности, поставил главной своей целью «осветить то, из чего росла любовь к родине и мощь нашего государства».[1]

Такой подход к изображению прошлого Урала означал дальнейшее развитие традиций классической литературы в этой области.

Новаторство Бажова в показе Урала в первую очередь состоит в том, что он изобразил старых уральских рабочих прежде всего как мастеров-творцов. Тема мастерства стала главной темой П. П. Бажова.

Мастерство в труде всегда высоко ценилось трудящимися. Самые положительные герои русского фольклора с древнейших времен рисовались в представлении народа как мастера́ своего дела. И это понятно: трудолюбие — одна из замечательных черт русского национального характера.

Свой путь героических подвигов Илья Муромец, любимый и прославленный народом русский богатырь, начал подвигом трудовым. С большой любовью изображается в былинах «оратаюшко» Микула Селянинович. Василиса Прекрасная, один из наиболее обаятельных женских образов русской сказки, прежде всего, трудолюбива. В сатири-

---

[1] Опубликовано в книге Л. Скорино «Павел Петрович Бажов». «Советский писатель», 1947, стр. 82.

ческой уральской сказке «Мельница и мастер» о старике-умельце говорится серьезно и любовно. Количество подобных примеров можно было бы умножить.

«Человек труда был героем произведений фольклора»,— говорил А. М. Горький.

Эксплуататорские классы сделали все, чтобы превратить труд не только в наказание, но и в нечто позорное. Свой паразитизм они возвели в ранг добродетели. Их усилиями на протяжении столетий создавалась пропасть между трудом и творчеством.

С отделением умственного труда от физического монополию на духовное производство захватили сами эксплуататоры. Творчество при этом считалось атрибутом только умственного труда. «Голова оторвалась от рук, мысль — от земли».[1]

«Идеологическое мышление оторвалось от технологического, потому что у труда отняли право мыслить».[2]

В ходе исторического развития усиливался паразитизм имущих классов. Они все более «освобождали» себя от труда вообще, считая, что и умственный труд,— поскольку он труд,— непристоен для хозяев жизни. Духовное производство перешло в руки новой социальной прослойки — интеллигенции, обслуживающей эксплуататорские классы. Поэтов, художников, ученых эксплуататоры всегда стремились превратить в своих лакеев и приживалов.

«Человек по натуре своей — художник. Он всюду, так или иначе, стремится вносить в свою жизнь красоту... Человек — художник, в этом убеждает нас созданное «маленькими» людьми словесное и народное творчество: мифы, сказки, легенды, суеверия, песни, пословицы и т. д. Все это — творчество «маленьких» людей, и во всем этом заложено неисчерпаемо много прекрасной, хотя в большинстве уже устаревшей мудрости, в этом сжат трудовой опыт бесчисленных поколений. Капиталистический строй убил в «маленьких» людях способности художников и творцов, этот строй не давал талантам ни места, ни возможности развернуться, расцвести»,— так писал А. М. Горький.[3]

И все-таки, как это показал сам Горький в десятках ярких художественных образов, жажда творчества, в частно-

---

[1] А. М. Горький. Литературно-критические статьи. М., 1937, стр. 637.

[2] А. М. Горький. О литературе, М., 1937, стр. 435.

[3] А. М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 34.

сти — художественного творчества, не могла быть убитой в трудящихся. Оставаясь создателями всех материальных благ, трудящиеся основу основ всей жизни людей видели в труде. Даже в условиях непомерно тяжелого труда, в условиях зверской эксплуатации, рабочие и крестьяне не переставали быть творцами. Уважение и любовь к мастерству неистребимы в трудовом народе. Они-то и были твердой гарантией неизбежного исполинского расцвета культуры после революционного освобождения трудящихся масс. Ибо всегда «маленькие» люди были великими мастерами».[1]

Вокруг имен замечательных мастеров-умельцев народом создавались легенды. О зарождении подобных легенд П. П. Бажов говорил так: «Если скажу, что А. А. — вот это мастер так мастер: запьет, две недели на работу не ходит, а как чугун не идет, бегут к нему — что делать? — а он только посмотрит с пьяных глаз на домну да скажет: «подбрось два короба аверинского песку, да подбрось фоминской руды, теперь ладно будет»,— и печь пойдет, и чугун пойдет. В основе этого рассказа лежат факты из деятельности какого-то особенного мастера. Но все это преувеличено, и это уже фольклор».[2] Мысли Бажова соответствуют, в частности, высказываниям А. М. Горького о возникновении фольклорных образов «героев труда». Талантливость в труде, необыкновенное мастерство «умельца» окружающим людям, лишенным образования, казались волшебными, чудесными. В этом плане интересен рассказ В. Г. Короленко о крестьянине-мастере, жителе одного из хуторов в верховьях Камы, куда писатель был сослан царским правительством.

«История его (Якова Молосненка — *М. Б.*) и его семьи внушала починковцам почти суеверное удивление... Яков оказался необыкновенно удачлив. Все спорилось у него в руках на диво, спорилось так, что на соседей его удачи производили впечатление чуда. Он стал отличным плотником: топор ходил у него в руках как-то особенно ловко. Не довольствуясь плотничеством и пашней, он брался и за другие дела, и, между прочим, выучился красить узорные дуги... Недовольный ходячими образцами, он старался придумать что-то свое».[3] Все это дало починковцам основа-

---

[1] А. М. Горький. О литературе. М. 1937, стр. 34.

[2] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 152—153.

[3] В. Г. Короленко. История моего современника. ГИХЛ, 1948, книги 3 и 4-я, стр. 45.

ния думать, что Яков — колдун, знается с нечистой силой.

Уважение к мастерству в труде жило в уральском рабочем люде даже и в условиях крепостной каторги. Оно жило и в рабочем-сказителе В. А. Хмелинине. Эту черту его Бажов перенес и в образ деда Слышко.

До того, как Андрюху упрятали в Медную гору (сказ «Две ящерки»), он был мастером-медеплавильщиком. И дед Слышко с уважением говорит о нем: «Хорошим мастером себя показал. Всех лучше у него дело пошло». Уважение к мастерству звучит в словах, открывающих сказ «Каменный цветок»: «Не одни мраморские на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, сказывают, это мастерство имели». Читатель чувствует: освободи-ка их — мраморские и полевские камнерезы немедленно начнут соревноваться в мастерстве. Сирота-подросток Дениско отказывается взять золотой самородок, брошенный перед ним старателем Жабреем, и с оформившимся уже в нем достоинством человека труда заявляет: «Такой бы лапоток самому добыть лестно, а чужого мне не надо» («Жабреев ходок»).

Но не в Медной горе могли найти выход творческие силы рабочих. К работе в рудниках крепостной поры вполне могут быть отнесены слова К. Маркса: «В чем состояло отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является чем-то внешним по отношению к рабочему, т. е. не принадлежит его существу, и что поэтому рабочий не утверждает себя в своей работе, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободной физической и духовной энергии, а изнуряет свое тело и разрушает свой дух» [1]. Творческий подход к труду в условиях эксплуататорского общества мог появиться и обнаружиться,— пусть лишь в той мере, какую допускала крепостническая система организации труда,— скорее всего в такой отрасли производства, где какая-то минимальная свобода творчества была бы необходимостью, где самый характер производства не допускал прямого и «чересчур» грубого насилия со стороны хозяев и управляющих, так как такое насилие убило бы самое производство, наконец, где сама работа по ее существу смыкалась бы с искусством. Такими отраслями

[1] К. Маркс. Философско-экономические рукописи 1844 г. Сб. «К Маркс, Ф. Энгельс. Об искусстве», М.—Л., 1937, стр. 54.

производства на Урале были камнерезное и гранильное дело. Сказы, посвященные гранильщикам и камнерезам, и являются лучшими из довоенных сказов Бажова. В них-то и разработана писателем ведущая его тема,— тема творческого труда, мастерства, труда, как искусства. Таковы сказы «Каменный цветок», «Горный мастер», «Хрупкая веточка», составляющие единый цикл,— единый и в идейно-тематическом плане, и по общности персонажей.

Тяжелые условия труда крепостных камнерезов писатель показал, ни в какой мере не смягчая их. Над каждым из мастеров висела плеть приказчика, готовая в любую минуту обрушиться на не угодившего барину или какому-нибудь заводскому начальнику. Так, обнаружив, что старый мастер Прокопьич пытается облегчить жизнь и труд своего ученика Данилушки, приказчик угрожает: «А тому, старому псу, покажу, как потворствовать! Другим закажет!» От угрозы приказчика до осуществления ее в те времена было очень близко. Сама по себе резьба по малахиту связана с заболеваниями от ядовитой пыли, являющейся обязательным спутником ручной камнерезной работы. «Нездоровое это мастерство, с малахитом-то. Отрава чистая»,— говорится в сказе «Каменный цветок». Но главное — страшная эксплуатация, жертвой которой были мастера-камнерезы. Немногими, но весьма выразительными словами рисует писатель придавленную непосильным гнетом семью мастера Данилы: «У матери на руках долгожданная девчушка-годовушка трепещется, а радости в семье нет. Данило уже вовсе стариком глядит, старшие братья покашливают, да и на малых смотреть невесело. Бьются-бьются, а все в барский оброк уходит» («Хрупкая веточка»).

Но никаким гнетом нельзя задушить живую творческую душу народа. Семья Данилы-мастера была семьей замечательных искусников в камнерезном и гранильном деле, настоящих художников.

Рос среди заводских людей сирота Данило-Недокормыш. Пытался приказчик его и казачком в барский дом пристроить, и подпаском при стаде он побегал, но к лакейской должности у мальчика «дарованья не оказалось», а «пастушество» закончилось страшной катастрофой: волки задрали несколько коров, в том числе и приказчичью, и Данилушко вместе со старым пастухом был нещадно выдран.

Бажов, рукой мастера набрасывая штрих за штрихом, показывает врожденную талантливость Данилы, с детства определившиеся в нем наклонности художника. В барском доме он, бывало, «забьется куда в уголок, уставится глазами на картину какую, а то на украшенье да и стоит. Его кричат, а он и ухом не ведет. Били, конечно, по началу-то, потом рукой махнули: «Блаженный какой-то...»

Позднее, Данилушко-подпасок забывал все в сосредоточенном наблюдении над жизнью природы, над ее бесконечно разнообразными формами и красками. «Засмотрелся маленько,— объясняет он себя старому пастуху.— Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у нее желтенько выглядывает, а листок широконький. По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зеленая-презеленая, ровно ее сейчас выкрасили...»

Незатейливый самодельный пастуший рожок в руках Данилы превращался в какую-то «волшебную флейту». Заиграет — «И песни все незнакомые, не то лес шумит, не то ручей журчит, пташки на всякие голоса перекликаются... А хорошо выходит... Начнет Данилушко наигрывать и все забудет, ровно и коров нет».

Читатель чувствует, что в заводском мальчике-сироте происходит большая внутренняя работа. Все прекрасное находило в нем отзвук, а внутренняя сосредоточенность была настолько велика, что повседневные будничные заботы как-то не задевали душу мальчика.

Конечно, ни сам Данило, ни окружающие не подозревали и не могли подозревать, что в маленьком Недокормыше шел процесс созревания большого художника. Все любили Данилушку. Бажов показывает, что в народе никогда не умирает любовь к искусству, чувство прекрасного. Когда Данилушко играл свои «никому незнакомые» мелодии, заслушивались и старый пастух, и заводские женщины. Стали они «привечать Данилушку. Кто пониточек починит, кто холста на онучи отрежет, рубашонку новую сошьет... Про кусок и разговору нет — каждая норовит дать побольше да послаще». Но никто из окружающих не знал, что обнаружившаяся в ребенке способность слагать новые мелодии называется музыкальной одаренностью, никто не думал, что задатки мальчика Данилы имеют большую общественную ценность.

Открыть в Даниле художника — собственно, даже не

художника, а мастера определенного ремесла — предстояло камнерезу Прокопьичу, в ученье к которому приказчик отдал мальчика. Отдал не потому, что заметил и оценил его художественную одаренность, а потому, что был поражен выносливостью Данилы, ни разу не крикнувшего во время порки. Ученья же Прокопьича до тех пор не выдержал ни один заводской парнишка, так как старый мастер был глубоко убежден, что учить — значит бить. Он искренно недоумевает, глядя на нового своего ученика: «Только учить-то его как? Стукни разок — он и ноги протянет». Заметим, что одинокий, внешне суровый, Прокопьич обладал добрым сердцем, изголодавшимся по большой человеческой привязанности.

Вся история ученичества Данилы вместе с тем была глубоко трогательной историей возникновения и укрепления взаимной привязанности и любви Прокопьича и его ученика. Художественные наклонности мальчика нашли выход в мастерстве камнереза, которое, в силу условий социальной необходимости, оказалось единственно доступным для крепостного сироты Данилы видом деятельности в области искусства.

Одна из главных сторон драматического конфликта в сказах «Каменный цветок» и «Горный мастер» — противоречие между ремесленническим и творческим подходом к искусству. Данило — по духовному складу своему — художник, а он обязан выполнять заказы заводчика-крепостника, лишенные всякого художественного вкуса. Посылаемые барином чертежи, по которым работает Данило, довольно сложны. Нарисована малахитовая «чаша со всякими штуками. По ободку кайма резная, на поясе лента каменная со сквозным узором, на подножке листочки». Точно выполнил Данило барский заказ. Заводские мастера восторгаются Даниловой работой: «В аккурат-де по чертежу. Придраться не к чему. Чисто сработано. Лучше не сделать...» Но горькую неудовлетворенность испытывает сам Данило: «То и горе, что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок... Самый что ни на есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она?». «Тут прожилка прошла, а ты на ней дырки сверлишь да цветочки режешь. На что они тут?»

Художник Данило переживает разлад между своими творческими устремлениями и необходимостью выполнять

то, что навязывают ему обстоятельства, которые не зависят от него, но от которых он полностью зависит.

Советский писатель Бажов избрал давнюю и одну из «беспокойных» для русских писателей тем и попытался решить ее на материале действительности, принципиально отличном от того материала, который вдохновлял его великих предшественников. Данило-Недокормыш является человеком, не только вышедшим из самых «нижних» слоев эксплуататорского общества и навсегда оставшимся там. Он — крепостной художник. Бажов, принявшись за разработку «высокой» темы — «художник и общество», избрал героем своего сказа уральского крепостного камнереза.

Данило-мастер ради искусства не остановился перед тем, чтобы лишиться и того немногого, но бесконечно дорогого для него, что он имел. Ради искусства он оставил и Прокопьича, к которому привязался душой, и нежно любимую невесту Катю. Благороднейшие чувства и устремления, удивительная духовная цельность и красота отличают мастера Данилу. Крепостной рабочий, он знает, что все созданное им будет взято барином и что взамен он ничего хорошего от барина не получит. И тем не менее он хочет создать произведение высокой красоты: «Не для барина,— говорит,— стараюсь. Не могу из головы выбросить ту чашу... Вот мне и припало желанье так сделать, чтоб полную силу камня самому поглядеть и людям показать». Людям красоту показать — такова благородная, совершенно бескорыстная цель художника Данилы.

Советский писатель Бажов не только глубоко раскрыл в образе Данилы прекрасные черты национального русского характера, не только показал, что их надо искать прежде всего в людях труда, в народе, но создал образ, который не может не быть упреком всем ремесленникам в искусстве, образ, зовущий к одухотворенному высокими целями творчеству.

В силу того, что Данила не волен выполнять или не выполнять барский заказ, противоречие между его творческими устремлениями и необходимостью выполнять барское задание остается для него противоречием в значительной мере внешним, не главным. Ему обидно, горько за то, что он выполняет безграмотный, дурацкий заказ,— но и только. Здесь нет оснований для тяжелой внутренней борьбы.

Тяжелую внутреннюю драму Данило пережил по другой причине.

Глубокая неудовлетворенность от выполнения барского заказа заставляет его *искать*. Стремление самому увидеть, что может дать полное использование возможностей такого материала, как малахит, и показать людям подлинную красоту, неутоленная жажда свободного творчества вселяет в Данилу мучительное и святое беспокойство, известное каждому художнику. Он решил сделать чашу из малахита по своему замыслу.

В своих поисках Данило обращается к природе, там он упорно ищет, «какой цветок, какой листок к малахитовому камню больше подойдет»,— но не может найти. Юноша «с лица спал, глаза беспокойные стали, в руках смелость потерял». Спрашивают люди, не потерял ли он чего, и с грустной усмешкой отвечает им мастер: «Потерять не потерял, а найти не могу».

Когда найден, наконец, образец — дурман-цветок, начались поиски куска малахита, который бы в наибольшей мере соответствовал творческому замыслу Данилы. Хозяйка горы указывает, где взять такой малахит. Лихорадочно работает мастер,— то за свою дурман-чашу примется, то за чашу по барскому заказу — ее нельзя не сделать. Но не получается дурман-чаша: «Стебелек выточил, боковые листики тонехоньки — как только держатся. Чашка, как у дурман-цветка, а не то... Неживой стал и красоту потерял». Именно теперь-то и переживает мастер самые мучительные страдания. Слыхал он, что в чудесном царстве Хозяйки живут и работают ее «горные мастера». Совершенны их творения, они умеют в мертвый камень вдохнуть жизнь, потому что в волшебном саду Хозяйки Медной горы «цветок каменный видали, красоту поняли». Данило просит Хозяйку показать ему каменный цветок: «Без цветка мне жизни нет». Не сразу выполнила Хозяйка его просьбу, а, показав свой сад, с упреком подчеркнула, что мастер «не сам придумал», а искал чужой образец. У Данилы-мастера, превзошедшего и своего учителя Прокопьича и всех других полевских мастеров, нехватило своей выдумки, своей большой мысли, идеи. Он искал образец, чтобы снять с него копию. Так он подходил и к прекрасному в природе, и к чудесному цветку Хозяйки горы. Человек с неутолимой жаждой прекрасного, в безотчетном порыве, теперь он оставляет все самое дорогое для него и уходит на выучку к Хозяйке горы, в ее подземный сад.

Тяжелая духовная трагедия мастера Данилы — траге-

дия неудовлетворенности своим творением, трагедия неосуществленности творческого замысла. Чутье художника подсказывает Даниле-мастеру, что созданная им по дурман-цветку чаша не является произведением подлинного искусства. Но, чувствуя мучительную неудовлетворенность, Данила не осознает, не понимает ее причины и не может преодолеть в себе натуралистического подхода к изображению явлений природы.

Чего не достиг Данило — достиг его сын (сказ «Хрупкая веточка»). Души не чаяли в горбатеньком Мите и отец с матерью, и семь его братьев: «Веселенький рос и на выдумки мастер». Исключительные способности его обнаружились еще в детстве. Слабого здоровьем мальчика родители не допустили к малахиту, а отдали его в ученье к первоклассному мастеру-гранильщику. Человек большей творческой одаренности, нежели его отец, и к тому же прошедший хорошую школу мастерства, Митя стал замечательным художником. Старый гранильщик признал: «Шибко большое твое дарованье к этому делу. Впору мне, старику, у тебя учиться. Вовсе ты мастером стал да еще с выдумкой». Хозяйка горы помогала Мите. Но это была помощь другого рода, чем ее помощь Даниле. Митя всегда и весь — в творческих поисках. Пытливая и смелая мысль его не знала преград, не знала страха перед новым, не освященным традициями, ее ничто не может связать, ничто не может остановить ее полета. Митя, как и его отец, чуток к прекрасному в природе, но ищет он там не оригиналов для копирования, а наблюдает природу во всем многообразии и взаимосвязи ее явлений, и наблюдение дает ему то богатство впечатлений, то подлинное знание, без которого нет художественного обобщения, то есть нет подлинного искусства.

Вот ягоды крыжовника, выточенные Митей из шлака и змеевика: «В каждой ягодке ровно зернышки видно и листочки живые, даже маленько с изъянами: на одном дырки жучком будто проколоты, на другом опять ржавые пятнышки пришлись. Ну, как настоящие». Митя не искал среди ягод и листьев крыжовника «лучших», «образцовых». Если бы он делал так, конечно, его внимание привлекли бы самые «красивые» листочки,— без изъянов. Он взял типическое явление в природе, ягоды и листочки не сами по себе,— таких не бывает,— а ягоды крыжовника как часть живой природы. Об этом и напоминают пятныш-

ки и дырки на листочках,— «жучком будто проколоты». Поэтому-то Митины листочки и ягоды — «как настоящие», «живые». Задача Хозяйки сводилась к немногому: помочь оформиться тому, что уже созрело в молодом мастере. Скромную, но благородную роль покровительницы живой творческой мысли взяла на себя Хозяйка горы. Под рукой Мити оживал самый простой материал. Даже шлак превращал он в дивные произведения искусства.

Драма Данилы-мастера не была личной его драмой. Социальные причины ее обнаруживаются не только в том, что он был вынужден выполнять работу по бездарным чертежам, посылаемым барином. Корни творческих неудач Данилы следует искать в обстановке крепостнического гнета: талантливый мальчик Данило-Недокормыш не мог пройти хорошей школы, никто ничего не сделал для того, чтобы в надлежащем направлении развились его мысль и чувство. В конце концов он остался безвестным «малахитчиком», горестна его преждевременная старость,— старость крепостного раба, изнемогающего под двойным оброком. И если Данило стал признанным в его среде мастером камнерезного дела, если его имя овеяно легендой, связанной с именем Хозяйки Медной горы, если рабочие люди назвали его почетным именем горного мастера, то все это лишь подчеркивает, насколько велико уважение народа к труду, к мастерству, и насколько страшными были условия жизни уральских рабочих в условиях крепостничества. Поэтому-то им хотелось верить, что они не совсем одни, что — по словам П. П. Бажова — «там, внутри (горы), сидит ласковая, приветливая» [1], что она может помочь во всем, может, в частности, выучить мастерству.

Сказы Бажова о Даниле-мастере и его сыне Мите обличают социальный строй, основанный на гнете и эксплуатации людей труда.

Данило, Митя — люди творческого труда, и легендарными героями уральских рабочих они стали именно потому, что они — мастера. Творческий подход к труду делает их родными и близкими советским людям.

С темой труда в сказах Бажова связана тема счастья. Конечно, Данила мучительно переживал свои творческие неудачи. Но уже сама его беспокойная забота о том, чтобы настоящую красоту людям показать, наполняет большим

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 146.

смыслом, скрашивает большой целью его жизнь и труд. А это — счастье.

Большую и благородную радость доставляет Мите его труд: «Все налюбоваться не могут на Митюхину работу... Митюхе и самому любо. Ну, как — работа! Тонкость. Ежели кто понимает, конечно». Именно его мастерство обещало Мите и другое счастье: «Девчонки, видишь, не отворачивались от Митюхина окошка. Он хоть горбатенький, а парень с разговором да выдумкой, и ремесло у него занятное, и не скупой: шаричков да бусок, бывало, горстью давал. Ну, девчонки нет-нет и подбегут, а у [одной] чаще всех заделье находилось перед окошком — зубами поблестеть, косой поиграть». Когда Митюхе, ударившему ненавистного барина, пришлось бежать от расправы, «та девчонка... тоже потерялася, и тоже с концом».

Сказы П. П. Бажова проникнуты оптимизмом. Это суровый оптимизм борющегося революционного класса — рабочего класса, знающего и страшную силу социального гнета, но знающего и силу труда, народа; знающего цену суровой борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, но именно потому знающего и высокую цену жизни и ее радостей.

Сказы Бажова появились в период небывалого по размаху и красоте развертывания творческих сил советского народа. Труд, ставший делом чести, славы, доблести и геройства, проявлял себя во всем его величии. Романтизация и героизация труда, характернейшая для сказов Бажова, ставит их в ряд с лучшими произведениями советской литературы. В 30-е годы труд стал «героем наших книг». Появились такие произведения, как «Соть» Л. Леонова (1930), «Гидроцентраль» М. Шагинян (1931), «Время, вперед!» В. Катаева (1932), «Энергия» Ф. Гладкова (1933), «Люди из захолустья» А. Малышкина (1937), «Танкер «Дербент» Ю. Крымова (1938). В этом ряду должны быть осмыслены и сказы «Малахитовой шкатулки» (1939). Образы мастеров в сказах Бажова близки и дороги советскому человеку. Он охотно признает кровную и духовную связь с ними — своими предками и предшественниками. В. Перцов писал о мастере Даниле: «Любовь к людям ведет его и тогда, когда он ставит свою работу выше личной жизни, долго не решаясь связать свою судьбу с Катей. Не напоминает ли чем-то Данилко-мечтатель «странного» Басова из «Танкера «Дербента»? Разве

не пророчески прекрасно в этом уральском сказе то, что труд и капитал сталкиваются в нем, как искусство и ремесло. Прав был А. М. Горький, обращая наше внимание на фольклор и показания мифологии — первоисточники художественного творчества. Книга Бажова как бы предсказана Горьким» [1]. И в установлении социально-психологической близости Басова и мастера Данилы В. Перцов прав.

Данило-мастер и его сын Митя близки героям и других книг наших писателей о советских людях, причем близки в очень существенных чертах: в активном отношении к действительности, в творческой одухотворенности, в целеустремленности и упорстве, в ненависти к социальному угнетению, в том, что они несут в себе гордое чувство достоинства людей труда, созидателей, творцов. Конечно, есть огромная разница в самих возможностях обнаружения этих черт. Советские люди — хозяева своей судьбы и своей страны, а герои Бажова — крепостные рабы. Но красота их, в частности, состоит в том, что они не стали рабами духовно, они ненавидят своих угнетателей и протестуют против угнетения.

Такова одна из самых существенных причин глубокой актуальности для советского общества сказов Бажова о прошлом.

5

Бажов во многих своих сказах отображает жизнь и быт золотоискателей, причем в разработке и этой темы он продолжает и развивает традиции художников критического реализма и фольклора.

Старая пословица уральских старателей говорит: «Золото моем — голосом воем». Эту мысль воплощает в художественных образах Мамин-Сибиряк в многочисленных своих произведениях об уральских старателях,— в романах, рассказах, очерках. В предельно сжатой пословичной формуле очень точно отражены условия жизни многих поколений уральских тружеников — тех, кто «золотишко промышлял», кто «за камешками охотился». И дело не только в огромных трудностях старой приисковой работы, в ее, опасностях, отраженных другой уральской пословицей:

---

[1] В. Перцов. Подвиг и герой. «Советский писатель», 1946, стр. 197—198.

«Золото добываем, себе могилу копаем». Дело в безысходной и постоянной нужде старателей и бесправии их. Месяцы полуголодного существования при труде, не ограниченном рамками сколько-нибудь определенного рабочего дня, иногда неожиданная удача — «фарт», вслед за ним — пьяный разгул, продолжительность которого зависела от размеров «фарта», от ловкости и предприимчивости хищников-скупщиков, зорко подкарауливавших старательскую удачу, от того, насколько тщательно оберегали свои права главные хищники — владельцы золотоносных площадей. Затем — снова нужда.

«Рвань какая-то, особенно бабы, которые точно сделаны были из тряпиц. У мужиков лица испитые, озлобленные. Неприкрытая приисковая голь глядела из каждой прорехи»,— так рисует золотоискателей старого Урала Д. Н. Мамин-Сибиряк. («Золото») [1].

Старатель Заяц рассказывает: «Из-за хлеба на воду заробим. Потому считай: — за золотник нам дают в конторе рубль восемь гривен, а за ползолотника приходится девять гривен. Ну, а мы робим сам-шест, прикинь, сколько на брата придется в полдни... А мы эту саму́ю битву принимаем с самого солнцевосхода, значит, с двух часов по-вашему... Клади еще двух коней» [2].

Словом, по пословице: «Кругом золото, а в середке — бедность».

Быт золотоискателей и охотников за дорогими камнями Бажов отразил в сказах «Про великого Полоза», «Змеиный след», «Огневушка-Поскакушка», «Жабреев ходок», «Синюшкин колодец», «Травяная западенка», «Тяжелая витушка», «Ключ земли». Можно найти немало параллелей в его сказах и в произведениях Мамина-Сибиряка. Бажову были известны факты, аналогичные тем, какие описаны Маминым. В романе «Золото» Мамин-Сибиряк рассказывает, например, историю старателя Кривушка, открывшего богатую золотую жилу: «Бывали дни, когда Кривушок зарабатывал рублей по триста. Такое дикое богатство погубило беднягу в несколько недель. То, чего не могла сделать бедность, сделало богатство. Кривушок

---

[1] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., Свердлгиз, 1949, т. 6, стр. 126.

[2] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золотуха. Очерки приисковой жизни. Собр. соч., Свердлгиз, т. 3, 1948, стр. 258.

закладывал пачку ассигнаций за голенище и с утра до вечера проводил в кабаке Фролки... Его нашли мертвым у кабака. Денег при Кривушке не оказалось, и молва приписала его ограбление Фролке» [1]. Совершенно аналогичен эпизод из жизни деда Слышко, рассказанный Бажовым в «Тяжелой витушке». Найдя восемнадцатифунтовую золотую «витушку»-самородок, дед Слышко с женой два года из кабака не выходили. Только главной жертвой оказался не сам дед, а его жена: «Захворала моя Маринушка. От жизни-то этой худой. Помаялась маленько да и умерла». Как и в романе Мамина, все золото старателя «уплыло» в карманы кабатчика. Там — некий Фролка, а здесь — кабатчик Барышев.

В показе жизни золотоискателей в произведениях Бажова много общего с произведениями Мамина-Сибиряка, что свидетельствует о типичности воспроизводимых им картин действительности.

Рисуя жизнь золотоискателей, П. П. Бажов далеко выходит за рамки бытописательства. Присущая ему проблемность, глубина постановки вопросов в полной мере обнаруживается и в рассматриваемой группе сказов.

Здесь, как и в сказах о творческом труде, об искусстве, Бажов ставит проблему счастья трудящихся.

Старательская удача, «фарт» были для золотоискателей синонимом счастья. Исчезла золотоносная жилка, которую разрабатывал герой романа А. Бондина «Лога» Яков Скоробогатов, и он размышляет: «Может быть, Никита, уходя, унес с собой счастье?» [2]. И понятно: для старателя золото — хлеб, одежда, жилище, материальное благополучие. А так как элемент случайности в золотоискательском деле в старину, при кустарном способе добычи, играл большую роль, то неизбежно «удача» и «счастье» становились синонимическими выражениями.

Но для дедушки Слышко, одного из главных персонажей довоенных сказов Бажова, золото отнюдь не отождествлялось со счастьем. Находка золотого самородка принесла деду Слышко только несчастья: он потерял любимую жену и едва остался жив сам. Урок не прошел бесследно,— заставил деда о многом подумать, и старик до-

---

[1] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., Свердлгиз, 1949, т. 6, стр. 206—207.

[2] А. П. Бондин. Романы. Молотовгиз. 1950, стр. 126.

вольно близко подошел к пониманию причин, в силу которых золото приносило людям труда одно горе: «Так-то... Думали мы с женой — счастье нашли, а оно в беду ей перекинулось. Подвели люди. Ну, и меня поучили. Хорошо поучили. Знаю теперь, куда наше счастье уходит... Вон те дома да каменные лавки Барышевские на нашей с Маринушкой доле и поставлены» (сказ «Тяжелая витушка»). Не только ненависть к эксплуататорам воспитал в деде Слышко его собственный жизненный опыт, но и надежду на то, что «отнимут, поди-ка, люди у золота его силу».

Золото портит людей, вытравляет из их душ лучшие человеческие качества. Волшебный хозяин золотых месторождений Великий Полоз говорит: «Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье поймаются, так откуда только на их всякой погани налипнет» (сказ «Про Великого Полоза»). Опасения Полоза относительно детей Левонтия, которым он помог найти золото, оправдались: из парня Костьки вырос законченный хищник, обладание золотом способствовало развитию в нем самых отрицательных наклонностей. Поэтому-то бабка Лукерья, умирая, предостерегает внука Илью от «худых думок» — думок о золоте, о деньгах, о богатстве («Синюшкин колодец»). Жадные к золоту люди в сказах Бажова обязательно оказываются дурными людьми. И они становятся жертвами своей жадности, корыстолюбия, душевной черствости,— бесславно гибнут, как погибли тот же Костька в сказе «Змеиный след» и Кузька Двоерылко в сказе «Синюшкин колодец». Наоборот, духовно здоровые люди в сказах Бажова равнодушны к богатству. Брат Костьки Пантелей, выкупившись из крепостной зависимости, «вовсе золотишком заниматься перестал. «Без него,— думает,— спокойнее проживу».

Поэтому в сказах Бажова, как это отмечает в своей книге Л. Скорино, положительные герои обычно не получают большого богатства, хотя проходят рядом с ним. Их оберегают сами представители «тайной силы», распоряжающиеся «земельными богатствами». И Великий Полоз, и его дочь Змеевка, и козел Серебряное Копытце и Огневушка-Поскакушка помогают жить, помогают выбиться из крайней нужды своим любимцам — людям труда, людям с чистым сердцем,— но помогают в меру. Да те и сами не падки на дурное богатство. Козел Серебряное Копытце насыпал ворох драгоценных самоцветов на крышу охотничьего бала-

гана деда Коковани и его приемной дочки Даренки. Изумительно красивы были хризолиты при лунном свете. «Коковани сразу полшапки камней нагреб, да Даренка запросила: «Не тронь, дедо! Завтра днем еще на это поглядим». Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб» (сказ «Серебряное Копытце»). Огневушка-Поскакушка показала золотое месторождение деду Ефиму и Федюньке, выгнанному из дому мачехой, но они «прихранить богатство не сумели, конечно. Федюнька — малолеток, а Ефим хоть и старик, а тоже простота. Народ со всех сторон кинулся... Все-таки дедко Ефим с Федюнькой хлебнули маленько из первого ковшичка. Годов с пяток в достатке пожили» (сказ «Огневушка-Поскакушка»). Нашел юноша Денис «ходок» Никиты Жабрея — пещеру, вход в которую имел форму громадных каменных губ. Спустился туда и стал выбирать золотые самородки. «Много нарыл... Только глядит — темней да темней стает,— и губы закрываются. Денис и смекает: «Видно, я пожадничал, куда мне столько? Возьму две штуки. Одну Никите на помин, другую себе — и хватит».— Надумался так — губы и раскрылись — выходи, дескать» (сказ «Жабреев ходок»).

Редактируя для первого издания сборника «Малахитовая шкатулка» сказы, первоначально опубликованные в журнале «Красная новь», Бажов исключил из сказа «Медной горы Хозяйка» слова некоего «знающего человека», обещавшие вдове Степана Настасье богатство «на весь век». При переиздании сказа «Серебряное копытце» писатель внес в него аналогичное изменение. В сборнике 1942 года «Ключ-камень» в сказе есть эпизод такого содержания: когда у Коковани и Даренки хризолиты были на исходе, Даренка загрустила: «как, дескать, дальше-то жить будем». Дед Кокованя ее упрекнул: «Лениться да унывать не будешь, завсегда хлеба добудешь»,— и сундучок, где хранились хризолиты, вновь наполнился драгоценными камнями. В последующих изданиях сказа этого эпизода нет: он противоречил основной идейной линии сказов Бажова и поэтому был исключен.

В сказах проводится та совершенно правильная мысль, что в условиях общества, основанного на эксплуатации человека человеком, с золотом связаны самые чудовищные

злодеяния, обогащение отдельных личностей обычно превращает богатство в средство порабощения и угнетения ими других людей, богатство развращает его обладателей, так как дает возможность не трудиться. А, говоря словами Чехова, любимого писателя Бажова, «праздная жизнь не может быть чистой».

В. И. Ленин писал: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 годов... и как из-за того же золота собираются наверняка перебить двадцать миллионов человек и сделать калеками шестьдесят миллионов человек в войне не то около 1925, не то около 1928 года, не то между Японией и Америкой, не то между Англией и Америкой, или как-нибудь в этом же роде».[1]

Утверждая, что «отнимут люди у золота его силу», Бажов исходил из высказываний В. И. Ленина. Слова Бажова имеют тот смысл, какой только и мог вложить в них советский писатель. Поэтому, закончив рассказ о том, как он нашел самородок и каковы были печальные для него последствия «дурного счастья», дед Слышко обращается в будущее: «Вот бы их — купцов-то — спросили, как они меня пьяного обворовали, как жену покойницу к могиле толкали. А ведь спросят по времени. Еще как спросят-то! Тогда, поди, и наша с Мариной витушечка в счет пойдет».

Подлинное счастье людей — в свободном творческом труде. Значит, ради счастья людей труд должен быть освобожден.

В этой глубоко революционной, истинно народной идее сказов Бажова нетрудно видеть еще одну причину их глубоко современного звучания.

Фольклорные истоки сказов Бажова на тему о поисках «земельных богатств» несомненны. Назовем уральскую «Сказку о купце Семигоре, дочке его Настеньке и Иване Беглом». Жадный на богатство купец Семигор «рабочих в

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 89.

шахты посылает кристаллы искать... не один под землею смерть свою нашел». И волшебный Бурундучок казнил Семигора за жадность. Из недр горы Бурундучок наносил большую кучу сапфиров на лесную полянку. Семигор, увидев самоцветы, обезумел от жадности, нагнулся над драгоценной кучей, руки в камешки по локоть засунул — да так и остался стоять,— окаменел.[1] Семигор наказан за свою жадность так же, как был наказан Кузька Двоерылко, утопленный бабкой Синюшкой в ее бездонном колодце, откуда он пытался добыть драгоценности, как был наказан девкой-Змеевкой Костька. Самый мотив превращения дурного человека в камень довольно распространен в фольклоре. Бажов использовал его в сказе «Приказчиковы подошвы»: там Хозяйка горы превращает приказчика Северьяна в «пустую породу».

П. П. Бажов говорил: «У меня и сейчас есть в запасе такой сказ, как сказ о бурундучке».[2] Очевидно, для своего оставшегося неосуществленным замысла — сказа о Бурундучке — писатель намеревался использовать сказку о купце Семигоре. За это говорит и идейное содержание сказки и образ Бурундучка, очень близкий к фантастическим образам сказов Бажова.

В сказах о поисках «земельных богатств» поставлен также вопрос о роли трудового народа в истории открытий рудных и вообще «земельных» богатств. Бажов отвергает две одинаково несостоятельные концепции: утверждение, что якобы в качестве первооткрывателей месторождений уральских горных богатств выступали иноземцы, и утверждение в этой роли представителей господствующих классов. Бажов показывает, во-первых, что первооткрывателями богатств Урала были русские люди; во-вторых, они были, как правило, простыми русскими людьми — трудящимися; в-третьих, «первые добытчики», пусть сами они не всегда понимали общественное значение своего дела, открывая новые месторождения руд, металлов, драгоценных камней, совершали дело общенародное, вносили большой вклад в сокровищницу национальных богатств. Бажов подчеркивает, что старые хозяева русской земли, помещики и заводчики, неизбежно использовали в своих корыстных интересах

---

[1] Тайные сказы рабочих Урала. Сб. «Советский писатель», М., 1941, стр. 70—73.

[2] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 155.

открытия людей труда. Пользовались они богатствами родной земли не по-хозяйски, а хищнически и едва лишь «поковырялись сверху». Когда трудовой народ, подлинный хозяин страны, взял в свои руки ее судьбу, земельные богатства Урала оказались неисчерпаемыми. Народу они и будут служить впредь, только ему они полностью «дадутся в руки».

Выступая на второй научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска в мае 1948 года, Бажов говорил: «Тем, кто знакомился с историей Урала по популярным книжкам, вероятно, памятна распространенная в прошлом иллюстрация: впереди идет человек в треуголке и «немецком» платье с рудознатной лозой в вытянутых руках; за иноземцем идут двое или трое молодых людей, одетых в русское платье. Смысл ясен: иноземный специалист учит русских поиску рудных месторождений, и смею заверить, что это заблуждение до сих пор держится... Но вот, когда переходишь к фактическому материалу, явственно выступает вся необоснованность подобного утверждения. Мы почти ни одного месторождения не можем указать из тех, которые открыты иностранными специалистами. Особенно таких месторождений, которые бы выделялись своей значительностью, вроде гор Высокой, Благодати, Магнитки, Гумешевского рудника, Выйского месторождения и т. д. Наоборот, видишь другое. Наряду с русскими первооткрывателями рудных богатств нередко встречаются указания о том, что такими первооткрывателями были представители той или другой нации, жившей в этих местах до русской колонизации».[1]

Давно интересуясь и занимаясь историей родного края, Бажов знал множество документов, старинных свидетельств, подтверждавших его мнение. Он устанавливал имена простых русских людей — первых разведчиков уральских земель, горных недр. Так, в историческом очерке «Под знаком «синего тумана» писатель рассказывает, как стрельцы Арамильской слободы Сергей Бабин и Кузьма Сулеев в 1702 году открыли богатейшее Гумешевское месторождение медной руды,— знаменитые «Гумешки», место действия почти всех довоенных сказов П. П. Бажова.[2]

---

[1] Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск. 1950, стр. 248—249.

[2] Сб. «Урал медный», Свердлгиз, 1936, стр. 38—42.

Произведения устно-поэтического творчества трудящихся Урала Бажов рассматривал как своего рода исторические документы, содержащие в себе ценнейшие свидетельства о прошлом края: «История горного дела отражается не только в документах, но и в преданиях, и рассказах,— в том, что называется фольклором».[1] Показания произведений фольклора писатель тщательнейшим образом проверял, обращался к старым книгам, к архивным материалам. И найденные данные укрепляли глубокое убеждение его в подлинном историзме, в достоверности многих фольклорных свидетельств. Так писатель убедился, что упорно упоминавшаяся в сказах о кладах Азов-горы «стара дорога» действительно в XVI—XVII веках проходила с юга на север по западной стороне Уральского хребта и имела в свое время большое значение.[2]

Сказы Бажова о поисках «земельных богатств» и несут в себе его понимание фольклора, как отражения истории трудового народа, которая прежде всего и является историей человеческого общества. Поэтому-то сказы «Синюшкин колодец» и «Серебряное копытце» Бажов в 1939 году опубликовал в «Московском альманахе» под общим заглавием «О первом добытчике».[3] Являющиеся по существу сказками, они вместе с тем, в соответствии с исторической правдой, утверждают, что месторождения руд, драгоценных металлов и камней открывались простыми русскими людьми. Уральские рабочие, уходившие с заводов при перебоях в их работе или выбрасывавшиеся начальством «за ненадобностью», в поисках какого-нибудь заработка переходили на положение старателей, искателей золота и самоцвета.

А когда они находили богатую «жилку», или золотую россыпь, или месторождение самоцветов, хозяева немедленно сгоняли их с площадей, суливших выгоду: «Замечали конторски, куда народ бросается, и за сдачей следили. Увидят — ладно пошло, сейчас то место под свою лапу. Сами, говорят, тут добывать будем, а вы ступайте куда в другое место. Заместо разведки старатели-то у них были» («Про Великого Полоза»). Когда дед Ефим и внук его Федюнька нашли месторождение золота, «народ со всех сторон кинул-

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 151.

[2] П. П. Бажов. У старого рудника, Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 25.

[3] Московский альманах. «Советский писатель», М., 1939, стр. 256—271.

ся. Потом, понятно, всех согнали начисто, и барин за себя это место перевел». («Огневушка-Поскакушка»). Не всегда дело обходилось так просто. Ведь у рабочего отбирался кусок хлеба, и хозяева нередко наталкивались на упорное сопротивление. О малахитчике Шаврине «слушок шел, будто свою ямку имел где-то вовсе близко от заводу». От самого Шаврина ничего добиться не могли: «самостоятельного характеру был. Кремешок». А после смерти Шаврина взялись за его вдову: «пригрожали всяко, улещали тоже, в каталажку садили, плетями били» («Травяная западенка»).

Классовые противоречия между заводчиками, владельцами золотоносных площадей, и рабочими обнаруживались на каждом шагу.

Имена наиболее опытных и знающих добытчиков народ окружал легендами. Им приписывались необыкновенные качества, в частности, связь с «тайной силой». Бажов говорил: «Если горняки наших дней имеют перед собой карту, заранее все знают, то в прошлом могли оперировать только такими понятиями, которые... являлись выдумкой. Вера в эту выдумку укреплялась, поэтому всякий первый добытчик, открыватель рудника или прииска, как-то всегда связывался с тайной, и поэтому естественно, что у горняков, у рудознатцев тайна преобладала в большей степени, чем у угольщиков или доменщиков».[1]

В произведениях народно-поэтического творчества о первооткрывателях земных недр говорится с уважением, и Бажов продолжает эту традицию. Вот образ Никиты Жабрея из сказа «Жабреев ходок»: полный достоинства человека труда, он с горечью наблюдает своих односельчан, многие из которых падки на даровщинку, не умеют соблюсти своего трудового достоинства: «Комары вы, комары, комарино царство». Он уже стар и ищет, кому можно было бы показать богатейшее месторождение золота, открытое им,— ищет человека, в котором «жадности не видно».

Народ в своей поэзии сочувственно изображает Ермака, видя в нем одного из славных русских землепроходцев, умноживших славу русского народа. Народная молва связала поход Ермака с огромными богатствами, которые оказались в недрах земель, куда он первым из русских людей пришел

---

[1] Стенограмма выступления в г. Молотове в июне 1943 г. Архив П. П. Бажова.

со своей дружиной, выполняя волю Ивана Грозного. Бажов подхватывает и эту традицию народного устно-поэтического творчества и пишет сказ «Ермаковы лебеди». Ермаку помогали сопровождавшие его чудесные лебеди: «Поднимет лебедь правое крыло, как покажет на горку какую-либо, на ложок, поглядит Василий на то место и увидит насквозь, где какая руда лежит, где золото да каменья». Поэтому на Урале «эту птицу сильно уважают. Кто ненароком лебедя подшибет, добра себе не жди: беспременно нежданное горе тому человеку случится». «Лебеди первые нашему русскому человеку земельное богатство в здешних краях показали. За это им и почет».

Свидетельство Бажова об отношении старого уральского населения к лебедям — не единственное. Не объясняя причин особого отношения к лебедям на Урале, Мамин-Сибиряк пишет: «На Чусовой эту красивую птицу почти совсем не стреляют».[1]

Мы не имеем фольклорных записей, которые объяснили бы, откуда почерпнул Бажов материал для своего сказа, но что в народных легендах и сказаниях имя Ермака связывалось с лебедями,— не вызывает сомнений. Вас. Немирович-Данченко, совершивший поездку по Уралу в 1876 году, так передает рассказ лоцмана, сопровождавшего его по р. Косьве: «По Чусовой когда Ермак подымался, так лебедь ему показывал дорогу, впереди плыл, где отмели или камни, лебедь в сторону сворачивал, и атаман тоже забирает стороной. Поэтому по всему Уралу теперь лебеди в большой милости. До них никто не дотронется».[2]

Но жизнь учила трудящихся, что открытие земельных богатств обогащало врагов трудового народа, а самому народу пользы приносило мало. И эта сторона действительности опять-таки вызывала мечты о ином порядке жизни, где бы не было угнетателей-господ и все богатства земли служили бы трудящимся. Народные чаяния Бажов и выразил в приведенном выше «предсказании» бабки Федосьи о «ключе земли».

В глубоко идейных сказах о первооткрывателях «земельных богатств», о «первых добытчиках» П. П. Бажов

---

[1] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Избранные произведения, Свердлгиз, 1938, стр. 691.

[2] Вас. Немирович-Данченко. Кама и Урал, СПБ, 1890, стр. 462.

выступает как писатель социалистического реализма. Он передает вековые мечты трудящихся о социальном переустройстве действительности, причем всей системой образов своих сказов убеждает, что современная советская действительность не только является наиболее полным осуществлением давних чаяний трудящихся, но и далеко превосходит то, о чем в прошлом трудовой народ мог лишь мечтать.

6

Невыносимый социальный гнет, насилия, чинившиеся над трудящимися, ужасные условия труда и быта,— естественно, с детства воспитывали в рабочих ненависть к заводовладельцам, к их помощникам по управлению заводами, к представителям эксплуататорского государства, ко всем «начальникам» вообще. Рабочие «от пятилетнего ребенка до последней минуты жизни ненавидели всякого начальника и ни о ком не отзывались, как о хорошем, добром человеке»,— писал Ф. М. Решетников в 1866 году в романе «Горнорабочие».[1] Мастеровые «складывали песни, пародию на управляющего, приказчика или исправника».[2] Решетников приводит и образцы рабочего фольклора,— в частности, дает одну из самых ранних публикаций устно-поэтического творчества уральских рабочих,— песню, в которой говорится о жестоких расправах с рабочими:

Штаники суконны,
Панталоны волоконны,
Ах, казаки-десятники,
Варнаки-шкурятники!
Положили, выдрали... и т. д.[3]

Имеющиеся фольклорные публикации последовательны в выражении чувства ненависти и презрения рабочих к владельцам заводов и их прислужникам. В старой уральской рабочей песне о сысертском заводовладельце Соломирском — «Пучеглазике» и его дворецком Евграфыче,— песне тем более интересной, что она записана П. П. Бажовым,— говорится:

---

[1] Ф. М. Решетников. Избранные произведения, Свердлгиз, 1939, стр. 124.
[2] Там же, стр. 99.
[3] Там же, стр. 101.

Ах, Еграфыч, ты, Еграфыч,
Криводушный старичок,
Кто бы вырвать те нашелся
Распоганый язычок!
Сколько было слез пролито,
Это не к чему считать.
Будь он проклят Пучеглазик,
Когда будет умирать.[1]

Рабочие сопоставляли свою жизнь с жизнью «бар»: «Кому чай да кофей, а нам чад да копоть» — и такое сопоставление тем ярче характеризует настроения рабочих, что оно вошло в пословицу.[2]

Последовательно враждебным было отношение рабочих и к руководящему персоналу предприятий. И. В. Сталин указывает: «Экономической основой противоположности между умственным и физическим трудом является эксплуатация людей физического труда со стороны представителей умственного труда. Всем известен разрыв, существовавший при капитализме между людьми физического труда предприятий и руководящим персоналом. Известно, что на базе этого разрыва развивалось враждебное отношение рабочих к директору, к мастеру, к инженеру и другим представителям технического персонала, как к их врагам».[3]

В представителях заводского начальства, как и в барине, пролетарский фольклор никогда не отмечает положительных черт. В начальнике подмечается все, и предметом осмеяния является все, что только можно осмеять, а всякая неудача начальника вызывает выражения откровенной радости, торжества. Эта черта рабочего фольклора очень верно была подмечена еще Г. Белорецким.

Назначен новый управляющий с курьезной манерой держать голову набок — рабочие поют:

Белорецкий завод славный,
На реке Белой стоит.
Управитель у нас главный
Одним глазом вверх глядит.[4]

---

[1] Дореволюционный фольклор на Урале. Сост. В. П. Бирюков. Свердлгиз, стр. 278. Запись песни также произведена по памяти. Надо думать, что стихотворная форма произведения позволила воспроизвести его с предельной точностью.

[2] Там же, стр. 12.

[3] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 26—27.

[4] Г. Белорецкий. Заводская поэзия. Ж. «Русское богатство» 1902, № 12, стр. 43.

Заводской инженер, ненавистный рабочим, стал жертвой несчастного случая, и в рабочих его несчастье не вызывает никаких других чувств, кроме злорадства и пожелания еще большего несчастья:

Инженеру (имя рек)
Паром рыло обварило.
Жалко нам, братцы-ребята,
Что всего не окатило.[1]

Очевидно, отражением какого-то реального факта является уральская приисковая песня, приведенная Маминым-Сибиряком в очерке «Золотуха»:

Как сибирский енерал
Станового обучал...
    Ай-вот, калина!..
    Ай-вот, малина!..
По щекам его лупил,
Таки речи говорил...
Ай-вот калина!..[2]

Оба начальника ненавистны уже потому, что они начальники, и если один из них столь энергично «обучает» другого, то имеются все основания, чтобы об этом спеть, и не просто спеть, а — приплясывая.

На такой почве выросли сказы П. П. Бажова. Ненависть рабочих к «барам», вообще к начальству отражена Бажовым с огромной силой и убедительностью,— тем большей, что писатель показал также и корни пролетарской ненависти.

Образы «бар» в сказах Бажова — это образы людей, которые являются причиной, виновниками всех бед и несчастий трудящихся.

Бары, прежде всего, корыстолюбивы, жадны, причем часто жадны до такой степени, что жадность превращается в бессмыслицу и приносит не прибыль, не доход, а вред производству. Таково глупое поведение Никиты Демидова в сказе «Демидовские кафтаны».

Акинтий Демидов жаден настолько, что для него нет никаких родственных чувств. Когда брат попросил у него земельный участок для постройки завода — попросил «по-братски»,— Акинтий ответил словами, раскрывающими его

---

[1] Г. Белорецкий. Заводская поэзия. Ж. «Русское богатство», 1902, № 12, стр. 43.

[2] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч., т. 3. стр. 300. Свердлгиз, 1948.

моральную опустошенность: «У моего кармана братьев нету». Волки по отношению друг к другу, а не только к трудящимся,— таковы бары. Барская жадность рисуется не просто бессмысленной, а обидно-бессмысленной для трудящихся. На глазах рабочих их труд, их кровь и пот растрачивались на нелепые затеи, на расточительные поездки бар «по заграницам». Так, бессмысленны «занятия» Соломирского и Турчаниновой. Сначала первый «по своему понятию ремесло придумал — жеребцов по кругу на веревке гонять». Турчанинова, «умойная баба», которой «гору золота насыпь, и от той пыли не оставит»,— решила: «Чем я хуже? Почище заведу!» И точно, цельный конский завод на Щербаковке поставила и тоже давай жеребцов гонять» («Травяная западенка»).

Другой Турчанинов, по заведенному у бар обычаю, «по всяким заграницам таскался», «всю заводскую выручку немцам просаживал» (сказ «Малахитовая шкатулка»).

«Барам» ни в чем нельзя верить, ибо они преступны, обмануть рабочих им ничего не стоит. Так, старый Турчанинов, купив Сысертские заводы, наобещал рабочим и легкой жизни, и хороших заработков. А когда производство пошло нормально и рабочие напомнили о барских обещаниях, Турчанинов беспощадно расправился с ними («Две ящерки»). Бары лицемерны, и если они делают что-нибудь якобы «из сочувствия» к рабочему человеку,— за их «сочувствием» ищи подлость. Так было с «изробленным» Левонтием: под маркой «благодеяния» его вышвырнули с производства «на вольные работы», то есть обрекли его с детьми на нищенство или голодную смерть («Про Великого Полоза»).

«Бары» развратны, как развратна Колтовчиха: ей «своих мужиков (то есть из «господишек») нехватало», и она из рабочих, кто «побаще да поскладнее», в «жеребцы выбирала»,— благо ослушаться барской воли не всякий рисковал («Марков камень»).

Рассказчик так говорит о потерявшем совесть старателе: «А Костька по женской стороне шибко пакостник был. Чисто приказчик какой, а то и сам барин» («Змеиный след»). Такова еще одна форма типизации у Бажова — обобщение через сравнение. Костька сравнивается не с каким-нибудь конкретным барином, а с барином вообще, и барин становится пределом развращенности, а развратность — типической чертой всех бар вообще.

Может быть, первые Демидовы и первый Турчанинов были и умны. Но их наследники — выродки, и поэтому они непроходимо глупы. Беспредельно глупо поведение Турчаниновой и Соломирского в их совместном владении заводами. Они «придумали с глупого-то ума у одних печей нарозно хозяйство вести».

Барская глупость на практике выглядит как преступление, так как ведет к развалу заводского и рудничного хозяйства («Травяная западенка»). Разумные действия «бар» настолько необычны, что вызывают искреннее удивление рассказчика: видно, на барина «умный стих нашел» («Каменный цветок»).

Жестокие и скорые на расправу по отношению к беззащитным, бары трусливы, когда оказываются в опасности. Турчанинов узнал о непонятном появлении замученного им Андрюхи,— и «его запотряхивало с перепугу». Барин тотчас вспомнил о спешном деле в Сысерти и уехал туда, наказав поймать так некстати «воскресшего» забойщика («Две ящерки»).

«Барам» чуждо понимание истинно-прекрасного. Бездарные выродки, они неспособны к творчеству, ибо «бездействующее — безмолвно» (М. Горький»)[1], и неспособны оценить высокую красоту, лишены эстетического чувства. Барин сначала благосклонно отнесся к «хрупкой веточке» гранильщика Митюхи, но взбесился, узнав, что чудесные ягоды сделаны не из дорогих камней, а из простого шлака и змеевика, и в ярости растоптал их: «Как? Из шлаку? Моей дочери?» («Хрупкая веточка»).

Так рисует Бажов духовный и моральный облик людей, которые были владельцами огромного края с неисчислимыми природными богатствами и бесконтрольно распоряжались судьбами и жизнями десятков тысяч трудящихся.

Паразитизм и порожденные им черты: неспособность ни к какой серьезной, общественно-полезной деятельности, то есть никчемность; полнейшая моральная опустошенность и отсутствие эстетического чувства, понимания прекрасного; отвратительная бесчеловечность — вот что характеризует в сказах Бажова «бар»-эксплуататоров, уральских заводовладельцев крепостной поры. Эти черты составляют главное в них,— то, что, говоря словами Г. М. Маленкова, «с

---

[1] Архив А. М. Горького, том III, ГИХЛ, 1951, стр. 235.

наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы».[1]

Заводчики-«бары» социально-опасны еще и потому, что, сами развращенные до мозга костей, они развращали всех, кто служил им. Барские прислужники в сказах Бажова столь же отвратительны, как и те, кому они служат, причем писатель и здесь опирается на традиции устно-поэтического творчества уральских рабочих.

Вот как поется в рабочей песне о демидовском приказчике:

Кого надо я сумею подкупить,
Кого надо я сумею одарить!
...С каждой девкой могу выспаться,
Над молодушкой натешиться!
Молодых парней сошлю на каторгу,
Стары бабы будут робить на меня.
Ну-ка, кланяйтесь приказчику,
Низко кланяйтесь демидову.[2]

Управляющие, приказчики, надзиратели являются исполнителями барской воли, их холуйскую руку прежде всего чувствовал рабочий на своем горле — и страстно ненавидел их. Одни из барских прислужников выполняют свои обязанности по должности, другие, что еще хуже,— по призванию, и деяния последних еще более гнусны, прежде всего, потому, что ими руководит корыстолюбие, жадность. Приказчик распорядился относительно Степана: «Выпороть его, да спустить в гору и в забое приковать! А чтоб не издох, давать ему собачьей овсянки и уроки спрашивать без поблажки. Чуть что — драть нещадно!» Надзиратель, «тоже собака не последняя», издевается: «Прохладись тут маленько» («Медной горы Хозяйка»). Замученного подземной работой Андрюху, чувствующего приближение конца, надзиратель издевательски «утешает»: «Погоди, скоро тебе облегчение выйдет. Тут в случае и закопаем, без хлопот».

Именно «заводские начальники», представители барских интересов и исполнители барской воли, были носителями ничем не ограниченного произвола и самоуправства: «Был в Полевой приказчик — Северьян Кондратьич. Ох, и лю-

[1] Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 73.

[2] Уральский фольклор. Сб. под ред. М. Китайника. Свердлгиз, 1949, стр. 92.

той, ох, и лютой!.. Из собак собака. Зверь. В заводском деле он, слышь-ко, вовсе не мараковал, а только мог человека бить». «Плетью и чем попало прямо в забое народ бьет... Который день народу много изобьет, в тот и веселее. Расправит усы свои да и хрипит рудничному смотрителю: «Ну-ка, старый хрыч, приготовь к подъему. Пообедать пора, намахался» («Приказчиковы подошвы»). Как живой выступает перед нами зверь-приказчик, тоже по-своему «уработавшийся» в горе, «намахавшийся» в избиении рабочих. Он тем отвратительнее для нас, что писатель, хотя и очень скупо, приоткрывает его психологию садиста, удовлетворенного своей гнусной «работой» и потому «веселого».

Бесчеловечность — такова общая черта барских прихвостней. Люди, не утратившие человеческих чувств, не удержатся в должностях барских прислужников. Об одном бывшем штейгере Бажов сообщает: «Его отстранили: ослабу-де народу дает» («Малахитовая шкатулка»).

Все барские лакеи — воры. Принесшему выкуп за освобождение из «крепости» Пантелею приказчик говорит: «Давай пять сотенных, а по бумаге четыре запишу» («Змеиный след»). «Одни приказные да приказчик сколько воровали» — как о чем-то само собой разумеющемся сообщает дед Слышко в другом сказе («Хрупкая веточка»). Васенка, работавшая на руднике, где добывали самоцветы, — девчонка «без сноровки: найдет и сразу начальству отдает. Те, понятно, рады стараться: который камешек в банку, который себе в карман, а то и за щеку» («Ключ земли»).

«Верные слуги» заводчиков — люди, потерявшие всякий стыд. Чувство человеческого достоинства утрачено ими и непонятно для них в других. «Ему, как говорится, плюнь в глаза, а он утрется да скажет: божья роса»,— так характеризуется главный штейгер Яшка Облезлый («Травяная западенка»).

Воруют не только приказчики, но и чиновники, вообще все «начальники». Разница только в размерах украденного и в способах воровства: «что большой начальник в кармане унесет, то маленькому подальше прятать надо». Представители государственной администрации нисколько не лучше заводчиков-«бар», которым они в сущности и служат. Один из тайных скупщиков золота убил всеми уважаемого старателя Никиту Жабрея, но богача-скупщика не

привлекают к ответственности: «Разве такого завинят, коли все начальство им задарено!?» Обвинили ни в чем не повинного сироту — песковоза Дениса: «подлость, конечно, а взяли парнишку в острог да и мытарили там сколько-то годов. Купца, значит, тем выгородили и будто свое дело сделали — виноватого нашли». И уже знакомым нам приемом Бажов обобщает: «Привычно им так-то вертеться было». Золотой самородок, служивший в качестве вещественного доказательства, переходил от одного судьи к другому — рангом выше. Каждый судья пытался его украсть. Но другие судьи немедленно подымали по этому поводу «шум». Так «чуть всех судей не засудили», пока дело не дошло до «главного судьи». Тот и завершил судебно-воровскую канитель, подменив самородок обломком медного подсвечника («Жабреев ходок»).

Попы — тоже верные лакеи заводчиков и управляющих. Именно поп укрепляет приказчика Северьяна в его намерении расправиться с «бабенкой», которую, как думал Северьян, рабочие в горе прячут и которая оказалась Хозяйкой Медной горы. Из корыстных соображений главный штейгер решил жениться на тринадцатилетней девчушке Васенке. Малолетство девочки для штейгера не является препятствием ни по моральным соображениям, так как никаких моральных понятий у него нет, ни тем более по соображениям формальным: «коли начальство велит, сколь хочешь годов попы по книгам накинут». И, действительно, соответствующую бумажку штейгер от попов получил. Таким образом, попы прикрывают самые гнусные преступления эксплуататоров. Бажов отмечает и такую всем известную поповскую черту, как корыстолюбие, отраженное в сотнях произведений русского и, в частности, уральского фольклора. Ванька Сочень, отправляясь «за камешками», решил «для укрепления» к попу заглянуть. Поп за благословение полтину взял, за крестик кипарисовый — особо, тоже наличными, да еще потребовал обещание, что из добычи камешки дополнительно будут «приложены» («Сочневы камешки»). Обобщая характеристику попов, Бажов спрашивает: «Попу не все едино, с кого деньги сорвать?»

И в торговцах, купцах жадность и корыстолюбие, уменье ловко обмануть, обсчитать Бажов показывает, как их типические черты, например, в сказе «Тяжелая витушка».

Корыстолюбие — общая и типическая черта всех представителей эксплуататорского государства, всех социальных прослоек, паразитирующих на теле трудового народа. Эта черта раскрывается в словах штейгера, обращенных к Ваньке Сочню, который собирается к приказчику с найденными медными изумрудами; «С таким-то кошелем не то что к приказчику, к самому царю можно итти. Не побрезгует, во всякое время примет» («Сочневы камешки»).

Мастерство Бажова в раскрытии психологии людей, в данном случае — в раскрытии психологии представителей эксплуататорских классов, его мастерство в достижении больших художественных обобщений предельно экономными средствами можно показать на примере из сказа «Малахитовая шкатулка».

Горняцкая красавица Таня, «невеста» Турчанинова, таинственно исчезла, растаяв в малахитовой стене одной из палат царицына дворца. «Приятели и говорят Турчанинову: «Подбери хоть камни-то! Живо разворуют. Не какое-нибудь место — дворец! Тут цену знают!»

В реплике «приятелей Турчанинова» есть какой-то намек на понимание ими того, что заводчика постигло человеческое несчастье: он потерял невесту, которую по-своему, может быть, даже и любил, да, кроме того, публично опозорился и навлек на себя гнев царицы. Намек чуть-чуть заметный,— он выражен одним только коротеньким словечком «хоть». Но и самые ничтожные, едва блеснувшие проявления человеческих чувств в «приятелях» немедленно отступают перед соображениями материального расчета: самоцветы надо подобрать. Люди тут богатые и цену «камням» знают, а значит — украдут. Именно потому обязательно и украдут — да еще быстрее, чем где-нибудь («Живо разворуют!»),— что действие происходит во дворце: там главные представители грабительского помещичье-буржуазного государства, самые главные «начальники», а значит — главные воры. Такова безукоризненная логика старого горняка — рабочего Слышко. И все это сказано одной репликой.

В сущности, здесь один из случаев того способа обобщения, который очень характерен для Бажова: о явлении, которое на первый взгляд представляется исключительным, выходящим за рамки обычного, Бажов говорит, как о само собой разумеющемся, закономерном, то есть типиче-

ском. В типичности показанного он умеет убедить и читателя.

Бажов, показывая «бар» и заводских начальников в типических проявлениях их психологии, в чувствах деда Слышко типизирует отношение рабочих к эксплуататорам.

Ненависть и презрение к барам и их лакеям последовательно выражаются в сказах всеми средствами художественного изображения. Принципы построения сатирического образа, разработанные Бажовым в досказовом творчестве, применяются и в сказах, причем здесь писатель доводит до совершенства свои излюбленные способы изображения отрицательных персонажей.

Характеристика барина в сказе «Хрупкая веточка» развертывается так. Впервые мы видим барина едущим в коляске: «седок гора-горой, жиром заплыл, еле ворочается, а перед брюхом палку держит с золотым набалдашником». Когда барин пришел в неистовую ярость при виде детей крепостного, обутых в сапожки, внешне его переживания выражаются в том, что он «посинел от этого разговору, чуть не задохся, только пристанывает: «Ох, ох, что делают! Что делают! Ох, ох!» В заключительном эпизоде барин, топчущий «дорогую выдумку» Мити, назван «диким мясом», а когда Митя стукнул его набалдашником по лбу, «барин на пол сел и глаза выкатил». Перед нами портретный гротеск, построенный на выделении и последовательном подчеркивании одной внешней черты, наиболее ярко выраженной в словах «дикое мясо». Следование щедринской сатирической традиции в данном случае очевидно.

Портретная характеристика дополняется рядом других деталей. Барская манера говорить определена словами: «прохрипел», «заревел медведем», «недоладом орет». Барин на приказчика «насел». Все это согласуется с внешностью барина, определенной словами «дикое мясо». В барине показано то, что отдаляет его от людей и подчеркивает в нем звериное, скотское как главное. О барине не говорится, что он «живет»,— нет, он «на земле пыхтит да отдувается». Барин не умер — нет, умирают люди, а барина «все-таки вскорости жиром задавило». Здесь тщательно отработано все, до последнего слова, и, в частности, словечко «все-таки» выражает полное удовлетворение рассказчика столь приятным обстоятельством, как смерть барина. Наконец, если дополнить, что барин сам «не твердого ума был» и что от приказчика он требует: «А ты не думай, а гляди в оба»,—

то образ получается законченный. Духовное уродство барина подчеркнуто его физическим уродством.

Тщательно подбирая наиболее точные, наиболее выразительные слова, Бажов создает яркий образ, вызывающий в читателе именно те чувства, на возбуждение которых рассчитывал писатель.

Писатель преувеличивает качества, которые делают «барина» не только «недочеловеком», но и чем-то противоположным человеку, враждебным ему. Этого требовали от писателя интересы художественной правды. Ибо «сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее». (Г. М. Маленков) [1].

Портрет ненавистного рабочим приказчика Яшки Зорко Облезлого также подчеркивает его духовное безобразие: «Мужичище бык-быком, а рожа у него ровно нарошно придумана. Как свекла краснехонька, а по ней волосешки белые кустичками. Ровно известкой наляпано по тем местам, где у людей волос растет. И по голове эки же кустики прошли. За это и звали его Облезлым». Писатель тут же оговаривается: «По-доброму-то пустяк это. Мало ли у человека какой изъян случится. Только Яшка шибко перед народом гордился. Дескать, я — приказный, а ты кто еси? Ну, Яшку и не любили». И вслед затем раскрываются внутренние, психологические черты приказчика: хвастовство такими качествами, каких у него не бывало, льстивость и угодливость перед барыней («хвостом завилял»), глупость, крайнее бесстыдство, отсутствие чувства человеческого достоинства. Наконец, каждое действие Яшки описывается иронически. Например, о его сватовстве к Усте-Соловьишне говорится: «Выкатил млад ясен месяц на буланом мерине — Яшка Зорко Облезлый» («Травяная западенка»).

Аморальности, «гнилой» психологии главного штейгера («Ключ земли») соответствует проходящее через весь сказ подчеркивание его физической «гнилости»: «давно зубы съел, и ближе пяти шагов к нему не подходи: пропастиной разит,— из нутра протух». «Протухлым женихом» зовет штейгера Васенка, его подневольная «невеста».

Внешность отрицательных персонажей оценивается рассказчиком с точки зрения мастерового. Соломирский в за-

---

[1] Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 73.

водском деле «не меркал» и передоверил управление заводами главному приказчику, а сам «жеребцов по кругу на веревке гонял». И одежда его рисуется так: «Завсегда будто в белых штанах в обтяжку ходил, а на шапке от бусой лошади хвост. В экой-то одеже в кричну либо сварочну не пойдешь! Под домну и вовсе не суйся» («Травяная западенка»).

Выражая отношение рабочих к барам, Бажов превращает подчас и отдельное слово в сатирическую характеристику персонажа: «Он, слышь-ко, *малоумненький* был, мотоватый. Одним словом, наследник»; «*Пропикнул* денежки в Сам-Петербурхе»; «Турчаниновские наследники *промотались*»; «У бар, известно, заведено было по всяким заграницам *таскаться*»; «*Господишек*, конечно, коло ее сколь хочешь»; и царица «в беспамятстве на пол *брякнула*». У барыни не лицо, а «рожа». Барин — «собачье мясо».

Бывает, что о каком-нибудь «барине» рассказчик отзывается с «похвалой», но такая «похвала» постепенно трансформируется в совершенно убийственную характеристику. Например, о первом Турчанинове дед Слышко говорит: «Этот, небось, за палую лошадь вязаться бы не стал. По-другому с народом обходиться умел. Не углядишь, с которой стороны подъедет. Прямо сказать, петля. Из купцов вышел. К мошенству, стало быть, с малых лет навык».

Василий Демидов оказывается менее жадным, чем его отец Никита Никитич, и даже выполняет взятые им на себя обязательства по отношению к башкирам. Рассказчик немедленно объясняет причины столь странного поведения заводчика: «Этот Василий тогда, слышь-ко, молодой был, злостью да хитростью еще не настоялся» («Демидовские кафтаны»).

Как и в рабочем фольклоре, всякая барская неудача вызывает торжество или по меньшей мере глубокое удовлетворение рассказчика и других положительных персонажей, причем всегда подчеркивается превосходство рабочего человека. Исчезла в малахитовой стене царского дворца невеста Турчанинова — горняцкая гордость Таня, и Турчанинов видит ее в волшебной «пуговке»: «зеленоглазая красавица в малахитовом платье, вся дорогими каменьями изукрашенная, хохочет-заливается: «Эх, ты, полоумный косой заяц! Тебе ли меня взять? Разве ты мне пара?» — Барин после этого и последний умишко потерял...» (сказ «Малахитовая шкатулка»). «Заграничная барыня», вывезенная

Турчаниновым из Германии, самозванно объявила себя хозяйкой горы — и была наказана: в шахте в нее «рудой плюнуло». Она «с той поры все дураков рожала. И не то, что недоумков каких, а полных дураков, кои ложку в ухо несут и никак их ничему не научишь». А сопровождавшему ее «заграничному баринку, который хвалился: мы да мы, самый наконешничек носу сшибло... Ноздри на волю глядеть стали — не задавайся, не мыкай до времени» («Таюткино зеркальце»).

Одно из обычных для Бажова средств характеристики отрицательных персонажей — обозначение их манеры говорить. Не только барин в сказе «Хрупкая веточка», но и все другие бары не просто «говорят», а в общении с людьми обнаруживают свою социальную неполноценность или даже зловредность, причем обязательно в точном соответствии с личными особенностями каждого из них. «Малоумненький» и трусливый молодой Турчанинов в сказе «Малахитовая шкатулка» внешне рисуется как «косой заяц» («глаза враскос, уши пенечками»), и в соответствии с этим он «лопочет». «Гнилой» штейгер в сказе «Ключ земли» «бормочет» и «гнусит». Хитрый старик Турчанинов «напел», «подъехал». Избалованная турчаниновская любовница «фыркнула». Взбалмошная, «заполошная» Турчаниниха «завизжала», «заухала».

Немалую роль в разработке образов персонажей, в частности — отрицательных, играют у Бажова их речевые характеристики. Они служат средством типизации и обнаруживают мастерство писателя в индивидуализации речи действующих лиц, уменье через язык персонажа показать психические особенности, соответствующие общественному положению «героя».

Блудливый и трусливый барский наушник Ванька Сочень неожиданно увидел Хозяйку Медной горы. «У Ваньки руки-ноги отнялись и язык без пути заболтался». В ответ на вопрос Хозяйки совсем невпопад понес он что-то нечленораздельное: «Как же, как же... Дыр-гыр-быр... Свят... Свят... рассыпься». Корыстолюбие, которого не может прикрыть напускное елейное смирение, отражается в речевой характеристике заводского попа, благословляющего Ваньку Сочня на поиски самоцветов: «Надо бы тебе, сыне, обещанье дать, что первый камешок из добычи на венчик богородице приложишь, а потом по силе добавленье дашь» («Сочневы камешки»).

Речь барина из сказа «Хрупкая веточка», человека «нетвердого ума», бестолкова, бессвязна и, кроме его глупости, отражает еще и свирепость,— «Напустится на человека, а потом и сам объяснить не умеет, что ему надо». «Хр-р, хр-р... до чего дошло! До чего дошло! Хр-р, хр-р»,— хрипит он в ярости. «Тащи мастера», «Как ты смел?», «Я тебе покажу!»...— эти реплики дают ясное представление о речевых интонациях и словаре барина-самодура.

Речь персонажей меняется в соответствии с обстоятельствами.

Приказчик Северьян-Убойца убежден, что нет преград его самоуправству, и, увидев Хозяйку горы, кричит в ярости: «Эй, Ванька, Ефимка, хватай девку, волоки отсюда, стерву!» Но, когда Северьян понял, что наступил час расплаты за его злодеяния, он жалобно «завыл»: «Матушка-голубушка, прости, сделай милость. Внукам-правнукам закажу. От места откажусь. Отпусти душу на покаянье!» («Приказчиковы подошвы»). Свирепый и трусливый зверь, гадкий человечишка с гнилой душонкой, с крайне низким моральным и интеллектуальным уровнем — таков Северьян.

За всю свою жизнь Ванька Сочень не слыхал столь «обходительных» речей, какие он услышал от штейгера, льстиво залебезившего перед Сочнем, когда тот показал свою богатую находку — драгоценные изумруды: «Поздравляю вас, Иван Трифоныч! Счастье вас поискало. Не забудьте при случае нас, маленьких»,— а сам Ваньку-то за ручку, да все навеличивает» («Сочневы камешки»).

Таким образом, речевые особенности персонажей сказов Бажова служат средством их социально-психологической характеристики.

Большую роль играет здесь словарь.

Говоря об употреблении «классовых» жаргонизмов, И. В. Сталин указывает: «Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии» [1]. Дед Слышко не мог знать жаргона верхушеч-

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд-во «Правда», 1950, стр. 10.

ных слоев имущих классов. Поэтому, если он в сказах передает речь заводовладельцев, то пользуется своим языком, включающим в себя известное количество местных диалектизмов. Так, о заводском приказчике, прозванном рабочими Паротей (от любимого его слова «пароть!»), известно, что он «из чужестранных земель был, на всяких языках говорил, а на русском похуже», что раньше он детей заводчика «на музыке обучал и... разговору чужестранному». Но, рисуя ссору приказчика с женой, дед Слышко так передает речь Пароти:

«Он и давай чехвостить:

— Страмина ты, страмина! Что ты косоплетки плетешь!.. Какой я тебе патрет показывал? Здесь мне его шили. Та самая девушка... Насчет платья — лгать не буду. Платье какое хошь надеть можно. А камни у них были... Сама же и купила за две тысячи, да надеть не смогла. Видно, не подходит корове черкасско седло» («Малахитовая шкатулка»).

Очевидно, дед Слышко пользуется теми словами, какими он сам, при удобном случае, стал бы «чехвостить» Паротину супругу.

Дед Слышко иногда пытается передать особенности речи «бар». В соответствии с общим отношением его к заводовладельцам, такие попытки выглядят как осмеяние барской манеры говорить, как пародия, имеющая один смысл: показать, что бары и говорить-то по-человечески не умеют. Вот как, например, дед Слышко передает слова Турчанинова, обращенные к Тане: «*Мысленное* ли дело тут проживать? *Квартерка* приготовлена, первый сорт!» А буквально тремя строчками выше дед Слышко, говоря от своего имени, совершенно правильно произносит слово «квартира»: «К осеням-то барин *квартиру* Танюшке приготовил».

Таким образом, для осуждения и осмеяния бар-заводовладельцев и близких им людей Бажовым используются очень разнообразные художественно-языковые средства.

Паразитизм и творческое бесплодие, корыстолюбие, жадность и порождаемые ими бесчестность, отсутствие каких-либо моральных устоев одинаково присущи всем представителям эксплуататорских классов — от барина-заводовладельца и его прихвостней до высших царских сановников. Все они — хищники и паразиты. Представляемый ими общественный и государственный строй основан на безжа-

лостном ограблении и угнетении трудящихся. Он насквозь прогнил, враждебен народу и обречен на гибель.

Такова одна из сторон идейного содержания сказов П. П. Бажова.

Рисуя сатирические образы представителей эксплуататорских классов, писатель выразил вековые надежды трудового народа на социальное освобождение, его устремления, нашедшие наиболее полноценное и действенное воплощение в теории и практике революционно-освободительной борьбы рабочего класса. Правильное, высокохудожественное выражение давних надежд и устремлений трудящихся в сказах Бажова делает их глубоко народными произведениями.

7

В 1931 году, в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом, И. В. Сталин говорил: «В Европе многие представляют себе людей в СССР по-старинке, думая, что в России живут люди, во-первых, покорные, во-вторых, ленивые. Это устарелое и в корне неправильное представление. Оно создалось в Европе с тех времен, когда стали наезжать в Париж русские помещики, транжирили там награбленные деньги и бездельничали. Это были действительно безвольные и никчемные люди. Отсюда делались выводы о «русской лени». Но это ни в какой мере не может касаться русских рабочих и крестьян, которые добывали и добывают средства к жизни своим собственным трудом. Довольно странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, проделавших в короткий срок три революции, разгромивших царизм и буржуазию и победоносно строящих ныне социализм».[1]

Уральским «барам»-заводовладельцам, которые как раз и относились к категории никчемных бездельников, транжиривших награбленные у рабочих и крестьян деньги, Бажов в своих сказах противопоставляет подлинных представителей русского народа, трудящихся. Рабочим отдает писатель все свои симпатии, любовно изображая их как носителей лучших черт русского национального характера. Как уже говорилось выше, уральских рабочих, в соответствии с жизненной правдой, Бажов показывает как людей

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 110—111

равнодушных к богатству, трудолюбивых, жаждавших возможностей проявить себя в свободном творческом труде.

Рабочие исполнены чувства независимости и гордого достоинства людей труда. Барская «полюбовница», решив купить у Настасьи малахитовую шкатулку, командует: «Ну, милая, собирайся...» — но с удивлением слышит в ответ: «У нас такого обычая нет, чтобы хлеб за брюхом ходил. Принесешь деньги — шкатулка твоя». Когда приказчик Паротя подает дочери Степана Тане за ее работу триста рублей, та взяла сто,— сколько следовало,— и говорит: «не привышны мы подарки принимать. Трудами кормимся». Она выполнила просьбу барина, примерила на себя при всей его компании драгоценный убор из малахитовой шкатулки и спрашивает: «Поглядели? Будет? Мне не от простой поры тут стоять — работа есть». Зная, что барину нужны громадные малахитовые камни, которые только он, Степан, и сумеет добыть, рудокоп диктует свои условия: пусть барин освободит его от «крепости». Когда барин попытался запугать рабочего, затопал ногами, Степан спокойно добавляет: «Чуть было не забыл — невесте моей тоже вольную пропиши...»

На героев сказов Бажова можно смело положиться. Слово их твердо. Их обижает даже малейший намек на возможность нарушения ими обещания. Торговцы пытаются перебить у Настасьи шкатулку, запроданную ею жене приказчика, но она отрезает: «Это вам привышно дело в словах вертеться, а мне не доводилось». Степан обещал Хозяйке горы передать ее наказ приказчику, хотя знал, что будет жестоко наказан,— и выполнил обещание. И Хозяйке же горы он заявляет, что не может жениться на ней: «Другой обещался».

Эти люди всегда готовы помочь в беде тем, кто достоин помощи. Таков Соликамский: рискуя жизнью, он предупреждает «старых людей», что им угрожает опасность от разбойной ватажки. Таков старый солдат Семеныч, бескорыстно оказавший помощь детям больного Левонтия. Без всяких просьб он помогает тем, кто нуждается в помощи: «Возьми-ка, Иван или там Михайло, на корову. Ребятишки у тебя маленькие, а подняться, видать, не можешь». Никита Жабрей сам указывал односельчанам: «Вот, мужики, там-то попадать золотишко стало».

Перед читателем проходит целая галерея образов представителей трудового народа, подкупающих своей духовной

красотой, людей твердой воли, ясного ума, настойчивых и упорных в достижении цели, правдивых и честных, умеющих выполнить свой долг, несмотря ни на какие препятствия, людей суровых и жизнерадостных.

Молодой песковоз Денис несколько лет был лишен возможности отомстить убийце-купцу за Никиту Жабрея, но дождался своего дня и выполнил долг дружбы, долг совести и справедливости. Парень Илья не побоялся страшной бабки Синюшки и получил от нее все, чего заслужил своей смелостью, настойчивостью, сметливостью и душевной чистотой. Осталась молодой Настасья после смерти мужа, «стали к ней присватываться. А она — женщина умная, говорит всем одно: «Хоть золотой второй, а все ребятам вотчим». Сиротой росла Устинья Шаврина, с детства познала тяжесть крепостной доли, но ничто не может убить молодости: «С утра до ночи девка в работе, одежонка у ней сиротская, а все с песней... Так ее и звали — Устя-Соловьишна». Смело отстаивает Катя Летемина свои права на любимого перед Хозяйкой горы: «Подавай мне живого Данилушку... Какое твое право чужих женихов сманивать?» И на зловещий вопрос всесильной Хозяйки: «Ты, дура-девка, знаешь ли, с кем говоришь?» — отвечает: «Не слепая, вижу... только не боюсь тебя, разлучница!»

Всматриваясь в героев Бажова, видишь в них благородные черты русского национального характера, а в бажовском изображении их обнаруживаешь продолжение славных традиций русской классической литературы. И, в частности, разве к образу гордой и независимой Тани не идет прямая линия преемственности от воспетой Радищевым Анюты, ее матери, ее жениха?

С большой теплотой и любовью относится Бажов к своим положительным героям, подчеркивая в них глубоко благородные, подлинно человеческие качества. Любовно работал писатель над их образами. Приведем лишь один пример — авторские правки в рукописи — в эпизоде объяснения Хозяйки горы с Данилой, когда Катя проникла в подземный сад Хозяйки и потребовала вернуть ей жениха (сказ «Горный мастер»).

В 1-й черновой рукописи было: «Хозяйка тут и говорит: «Ну, Данило-мастер, выбирай, как быть. С ней уйдешь — все мое забудешь, здесь останешься — ее забыть придется». — «Не могу, — отвечает, — ее забыть».

В окончательном тексте: «Ну, Данило-мастер, выбирай, — как быть? С ней пойдешь — все мое забудешь, здесь останешься — ее и людей забыть надо». — «Не могу, — отвечает, — людей забыть, а ее каждую минуту помню».

Внешне, количественно изменения, внесенные писателем в ответ Данилы, ничтожны, но как они обогащают, облагораживают, поднимают его образ! В первом варианте ответа Данилы перед нами выступает любящий мужчина — и только. В окончательном варианте ответа — Данило — человек, член коллектива, общества, которому нельзя быть без людей, невозможно их забыть. И любовь Данилы к Кате выражена значительно ярче: не просто «не могу ее забыть», а «каждую минуту ее помню».

Так показаны Бажовым герои его сказов в повседневном семейном и общественном быту, во взаимном общении друг с другом.

Но над ними висела ненавистная «барская воля». То ничтожное, что они имели, им приходилось брать изнуряющим тело и душу трудом и борьбой. Протест рабочих против крепостного гнета проявлялся повседневно.

В знаменитом труде «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс писал: «...Единственной ареной проявления человеческих чувств для рабочего остался протест против его положения. Поэтому вполне естественно, что именно в этом протесте рабочие должны обнаружить самые симпатичные, самые благородные, самые человеческие свои черты».[1]

Несмотря на известное своеобразие производственных условий крепостнического Урала, несмотря на «особый быт» Урала, где, в частности, семья, как и жалкий клочок земли, была средством прикрепления рабочего к заводу, совершенно справедливо и в отношении к Уралу утверждение Энгельса, что именно в протесте, в борьбе раскрывалось полностью духовное богатство рабочих, их самые человеческие черты.

Формы активного протеста рабочих, показанные Бажовым в его сказах, разнообразны.

Андрюха дважды «посадил козлов» в медеплавильных печах Турчанинова. Дед Слышко восхищенно рассказывает об этом эпизоде: «Да так, слышь-ко, ловко заморозил, что крепче нельзя. Со сноровкой сделал». Восхищение деда вы-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 496.

звано и отчаянной смелостью Андрея, и тем, что действия его говорят о высокой квалификации мастера, о знании им дела, и тем, что он крепко ударил по хозяйскому карману. Дед Слышко выражает настроения всего рабочего коллектива. Поступок Андрюхи вызвал проявления одной из ценнейших черт именно пролетарского сознания — солидарности рабочих: «руднишные всяко старались вызволить» Андрюху.

Марко Береговик за оскорбление, нанесенное ему барыней, по-своему расправился с нею: «сгреб ее... за волосья да как мякнет на землю. Только каблуки сбрякали. А он еще в рожу ей ногой-то». Бажов дает убедительную психологическую мотивировку поступка Марка: ему, рабочему парню с чистой и цельной душой, стыдно, что распутная барынька публично его «за голое тело рукой хватала», его охватила злость на молодую жену, которая по житейской неопытности поставила его в смешное положение; ему и жаль жену, которую он несправедливо ударил, и обидно за нее, и досадно, что, ударив ее, он доставил какое-то удовлетворение барыне. Все это, в совокупности с давно созревшей ненавистью к заводчице, вылилось в страшную вспышку гнева, жертвой которой — по заслугам — и оказалась Колтовчиха.

Еще более важно отметить уменье Бажова раскрыть психологию коллектива мастеровых в момент, когда ненависть к барам прорывается в действиях,— пусть пока еще стихийных, но в общественном смысле ценных своим воспитательным влиянием на рабочую массу. В защиту Марка подымаются все рабочие завода, и «господишкам» пришлось спешно ретироваться. В столкновении с барскими прихвостнями погибает старый горщик Онисим, проявивший величайшее самопожертвование в коллективном выступлении рабочих за свое человеческое достоинство. Сказ «Марков камень» является хорошей иллюстрацией к приведенному выше высказыванию Ф. Энгельса.

Солидарность, как характернейшую классовую черту пролетариев, Бажов подчеркивает постоянно. Один из приказчиков, которого рабочие запомнили под кличкой «Жареный зад», был посажен на раскаленную металлическую болванку. Конечно, такая «казнь» не могла быть произведена в одиночку. Но хозяева, сколько ни драли рабочих, не могли найти виновных. Рабочий коллектив выступил сплоченно и единодушно.

И опять-таки с огромным удовлетворением рассказывает дед Слышко о гибели приказчика, а особенно о стойкости рабочих, не пожелавших выдать своих товарищей. «Никто его не садил. Сам сел. Угорел, может, либо затменье на него нашло. Хватились поднять его с болванки, а уж весь зад до нутра испортило. Такая, видно, воля божья, чтоб ему с заду смерть принять»,— так «сокрушались» рабочие по поводу смерти верного хозяйского слуги. Сколько ненависти к эксплуататорам и сколько торжества в этих словах, по форме проникнутых сочувствием и смирением, а по существу исполненных той мрачной иронии, которая являлась грозным предупреждением палачествующим заводским начальникам. Приказчик Северьян недаром чувствует, что сплоченность рабочих грозит серьезными опасностями для него, понимает, что завод «опаски требует»: «Народ, вишь, завсегда кучкой, место тесное, да еще у огня. Всякий с орудией какой-нибудь...» («Приказчиковы подошвы»).

Массовые выступления рабочих против социального гнета, в частности и уральских крепостных рабочих, непрерывной цепью проходят через всю эпоху крепостного права в России. Отметим только отдельные факты из числа тех, которые имели место на Урале.

В 1762 году были «в явном ослушании и открытом бунте против заводчиков 49 тыс. приписных».[1] В 1763 году нижнетагильские рабочие силой освободили своих товарищей, арестованных за подачу жалобы.[2] На Урале до последнего времени сохранились предания об атамане Золотом — А. С. Плотникове, убившем свирепого мучителя рабочих — владельца Васильево-Шайтанского завода Ширяева (1771 г.).[3] Во время пугачевского восстания рабочие уральских заводов почти всюду присоединялись к восставшим и сыграли выдающуюся роль в движении Пугачева. Виднейшие пугачевские полководцы Хлопуша и Белобородов были уральскими рабочими. Правда, «Турчанинов системой обмана, угроз, жестокостей и посулов сумел удержать в повиновении большую часть рабочих», [4] но не всех.

---

[1] А. В. Предтеченский. Волнения рабочих в крепостную эпоху. Изд. политкаторжан, М., 1934, стр. 42—43.

[2] Там же.

[3] Дореволюционный фольклор на Урале. Свердлгиз, 1936, стр. 186—189 и 216—217.

[4] П. П. Бажов. Малахитовая шкатулка. Свердлгиз, 1949, стр. 453.

Крупные волнения на заводах Сысертского горного округа произошли в 1808 году — властям пришлось прибегнуть к воинской силе.[1] В 1820 году пять месяцев продолжались волнения на Березовских золотых приисках.[2] Три года — с 1824 по 1826 год — происходили волнения ревдинских углежогов.[3] Следует отметить, что от Сысерти до Ревды около 70 километров. В 1832 году бунтовали «непременные работники» Сысертских заводов.[4] В 1841 году вновь взбунтовались ревдинские рабочие. При подавлении их было убито 33 и ранено 62 мужчины и женщины. Рабочие оборонялись камнями, обломками чугуна, кольями. 25 участников волнения были отданы в солдаты, 300 наказаны розгами.[5]

П. П. Бажов внимательно изучал историю классовой борьбы на Урале.

В 20-х годах он проявил большой интерес к «Дубинщине»,— восстанию крестьян 22 деревень Зауралья против монастырского крепостничества в 1764 году. Писатель исследовал печатные и архивные материалы, нашел цифровые данные, характеризующие дикую эксплуатацию крестьянства, установил имена крестьян — героев восстания, повешенных после его подавления на зубцах стен Долматовского монастыря, олицетворявшего самодержавно-крепостническую власть в Зауралье. Результатом этой работы был исторический очерк Бажова «Карта Дубинщины».[6]

В творческой заявке на 1940 год, представленной писателем в Свердловское областное издательство, он сообщал, что собирает материал и ведет предварительную работу над повестью «Предгрозье». Писатель так говорил о своем замысле: «Историческая повесть из времени, предшествовавшего крестьянской войне под предводительством Пугачева. В основу берется материал биографии А. С. Плотникова (атаман Золотой) и одного из

---

[1] Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Ред. А. М. Панкратовой. Госполитиздат, 1951, т. 1, стр. 181—202.

[2] Там же, стр. 349—365.

[3] Там же, стр. 428—437.

[4] Там же, стр. 519—524.

[5] Там же, стр. 610—636.

[6] «Уральская областная крестьянская газета», 7 ноября 1928 г., № 80 (528).

виднейших сподвижников Пугачева — И. Н. Белобородова» («Хромой капрал»).[1]

Отражением работы Бажова над материалами по истории классовой борьбы на Урале является и сказ «Марков камень». Картина, нарисованная писателем, исторически верна, типична для стихийных выступлений крепостных рабочих. Они расправились с пожарниками, так как те «первые прихвостни у начальства были и народ в пожарной пороли. Их за это и помяли». «Двух вовсе досмерти благословили, а которых изувечили». Последствия — также обычные: «Через день либо через два суд — расправа в заводе началась. Городское начальство наехало, солдат пригнали... Ну, конечно, драли, кого доходя...»

В сказе «Демидовские кафтаны» один из Демидовых, Никита Никитич, не желает выполнять условий сделки с башкирами относительно земельных площадей, занятых заводом, хотя сделка и без того была грабительской. Более того, Демидов надругался над обычаями, традициями и религиозными чувствами башкир. Башкиры, возмущенные неслыханными и совершенно бессмысленными издевательствами, расправились с демидовскими прислужниками. О последствиях Бажов сообщает короткой фразой, интересной, в частности, тем, что в ней используется обычный для Бажова способ обобщения: «Ну, дальше, известно, суд да кнут». Слово «известно» подчеркивает типический для отображаемой эпохи характер последствий справедливого возмущения башкир. Но особенно важным в сказе является то, что писатель в качестве вожаков выступления башкир

---

[1] Письмо Ф. Копытову и А. Облонскому от 9 апреля 1939 г. Архив П. П. Бажова. Замысла этого Бажов не оставил до конца своей жизни. 26 декабря 1946 г. он писал А. Ступникеру: «Если «Огонек» вздумал бы ввести старую манеру давать одну вещь с продолжением на несколько номеров,.. то попытался бы написать какую-нибудь повестуху... на историческую тему». Месяц спустя Бажов сообщал: «Относительно исторической повести — это у меня вырвалось так,— для прицела... Правда, мной давно подбирался материал к истории первых крепостных интеллигентов, ставших вожаками еще до пугачевского периода. Есть даже рабочий план и кой-какой словаришко к теме «Золотой»..., но все это пока лишь сырье... Сюжет, разумеется, есть. Он самим материалом дается с редким богатством: много передвижений, острые конфликты, две превосходные женские фигуры, два крупных характера, взаимно контрастирующих. Словом, один соблазн для автора и обида, что не поднять» (Письмо от 1 февраля 1947 г. Архив П. П. Бажова). Замысел не был осуществлен писателем.

показывает рабочих: «Тут руднишные башкиры случились. На побывку, видно, к своим пришли... Ввязались в это дело... Подручный демидовский ружьями пригрожать стал, а те не отстают. *На них глядя,* и другие осмелились, за колья да топоры взялись...»

Промышленное производство создает и воспитывает ту революционную силу, которой история предназначила роль могильщика эксплуататорского общества. Качества, необходимые для выполнения роли вожака всех трудящихся, воспитываются в рабочих уже на самых ранних этапах истории рабочего класса. Опыт выступлений против Демидова не остался без последствий: «Когда Пугачев подымался, так эти иткульские из первых к нему приклонились. Даром что деревня махонькая, в глухом месте стоит — живо дознались» («Демидовские кафтаны»).

Наиболее ярким из сказов, посвященных теме борьбы крепостных пролетариев против бар-заводовладельцев, является сказ «Кошачьи уши». Действие его относится к 1774 году, ко времени восстания Пугачева. Главное, что показано в сказе: мастеровые уральских заводов представляли собой массу горючего материала, готового вспыхнуть в любой момент, в них жило неугасающее чувство протеста, всегда готовое прорваться в самых решительных действиях.

Всесильный в пределах Сысертского заводского округа Турчанинов, узнав о приближении пугачевцев, попытался изолировать Полевской завод, поставил на дорогах заставы, запретил всякие отлучки из поселка, установил систему проверки рабочих по домам. Рабочие сразу поняли, что все это делается «не зря», пытались установить связь с сысертскими, но посланные были перехвачены заставами.

Героиней сказа является «руднишная девчонка» Дуняха. Смелая, решительная и находчивая девушка сумела пробраться в Сысерть, разузнала все и, вернувшись в Полевское, подняла народ: «Хватай барских-то! Прошло их время! По другим заводам давно таких-то кончили!»

Бажов в соответствии с исторической правдой изображает психологию коллектива крепостных рабочих.

Сначала единодушно поднялись все рабочие, расправились с барскими стражниками. Но на утро некоторые, главным образом, старики, «сумлеваться стали»: они поддались страху перед расплатой. Молодежь более решительна и последовательна в действиях, особенно те, кто уже испытал на себе барские цепи и посидел в «каталажке». Так, не до-

говорившись со стариками, молодые «в леса ушли», «свою правильную долю добывать». Когда же оставшихся выпороли, то и старики поняли, что «оплошку сделали», и на приказчика так «косо поглядывать» стали, что тот сбежал. Характерно для Бажова завершение изложения истории с приказчиком: «Крепко, видно, запрятался, а может, и попал в руки добрым людям — свернули башку». Итак, «добрые люди» не могли не «свернуть башку» приказчику. Отсюда ясно определение «добрых людей»: «добрым человеком» является тот, кто до конца последователен в борьбе против эксплуататоров, кто непримирим в священной борьбе за народное счастье.

Дуняха «ушла в леса» вместе с ее возлюбленным Матвеем, который у восставших «вожаком стал». Впоследствии она появлялась «где-нибудь на дороге, либо на руднике каком»: «И всегда, понимаешь, на соловеньком коньке, а конек такой, что его не догонишь. Налетит этак нежданно-негаданно, отвозит, кого ей надо, башкирской камчой — и нет ее». При этом от нее «пуще всего тем рудничным доставалось, кои молоденьких девчонок утесняли. Этих вовсе не щадила». Дуняха и Матвей нашли свою судьбу, свое счастье в борьбе против заводовладельцев.

Следует отметить, что женские образы в сказах Бажова наиболее ярки и часто подлинно обаятельны. Таковы образы Настасьи и Тани («Малахитовая шкатулка»), Усти-Соловьишны («Травяная западенка»), Кати («Каменный цветок» и «Горный мастер»). С другой стороны, если Бажов сатирически показывает отдельных развращенных барами людей из среды мастеровых (напр., Костька в сказе «Змеиный след»), то ни одного отрицательного образа женщины-работницы в его сказах нет.

Трудолюбие, пытливость живой, творческой мысли, чувство человеческого достоинства, с детства воспитанное чувство коллективизма, понимание безусловной необходимости взаимной поддержки и помощи, ненависть к «барам»-эксплуататорам, готовность до конца бороться против угнетателей — таков в изображении Бажова духовный и моральный облик лучших представителей русских «работных людей» и мастеровых далекого прошлого, предшественников революционного рабочего класса. Писатель, в соответствии с исторической правдой, рисует их именно как лучших представителей своей социальной среды, как типических ее представителей. И он прав, ибо «типичность соот-

ветствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным». (Г. М. Маленков).[1]

Анализ сказов Бажова, посвященных теме классовой борьбы, позволяет сделать выводы и относительно решения им проблемы счастья для трудящихся в условиях эксплуататорского общества: богатство не может принести подлинно человеческого счастья. Такое счастье может дать лишь свободный, творческий труд. Но в обществе, основанном на эксплуатации человека человеком, труд порабощен и, не принося удовлетворения естественной человеческой потребности трудиться — творить, является обычно источником страданий для трудящихся. Труд должен быть освобожден, что могут сделать лишь сами рабочие в непримиримой и самоотверженной борьбе против эксплуататоров. Путь к подлинному и общему счастью трудящихся лежит через борьбу за их социальное освобождение.

Такова внутренняя логика решения проблемы счастья в довоенных сказах П. П. Бажова, взятых, как целое. Бажовское решение проблемы счастья является выражением народных устремлений, народных надежд и ожиданий.

В устно-поэтических произведениях уральских крепостных рабочих отражена не только их ненависть к заводовладельцам, но и факты классовой борьбы. Такова историческая песня «В 43-м году...», отражающая бунт приписных 1843 года.[2] В сысертской рабочей песне «На Трофимовском угоре» говорится о бессмысленности драк рабочих друг с другом и указывается объект для более разумного приложения их сил — «широкое рыло» какого-нибудь из заводских начальников:

Если ученьки зудятся,
Не хитро ведь их размять.
Шире рыло подвернется,
Вот тогда и паздырять.[3]

Рабочий сказ об атамане «Золотом» приводится и в сборнике В. Бирюкова, и в сборнике «Тайные сказы рабо-

---

[1] Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 73.

[2] Дореволюционный фольклор на Урале. Свердлгиз, 1936, стр. 261.

[3] Там же, стр. 279. Песня по памяти записана П. П. Бажовым.

чих Урала». Многочисленны уральские устно-поэтические произведения о Разине и Пугачеве: номера 3 и 4 в сборнике «Тайные сказы рабочих Урала»[1], номера 3, 4, 5, 6 в сборнике «Уральский фольклор» под редакцией М. Китайника,[2] номера 8—18 в публикации Н. Колпаковой «Новые записи рабочего фольклора на Южном Урале».[3] Есть целый ряд других публикаций произведений фольклора о Пугачеве и Разине. Большой интерес представляет «Сказ об атамане «Белая борода» — одном из ближайших сподвижников Пугачева — И. Белобородове. Обращает на себя внимание близость отдельных ситуаций в этом сказе и в сказе Бажова «Кошачьи уши» (1938 г.). В обоих есть мотив трехкратных попыток рабочих послать своих людей — в первом случае — к Пугачеву, во втором — в Сысерть: «Одного пошлют, неделю ждут — ни слуху, ни духу, ни весточки. Другого пошлют — то же самое, и третий уйдет — вестей не несет, как в трясину провалится. То ли зверь их задрал, то ли приказчик догнал...» («Сказ об атамане «Белая борода»).[4] У Бажова: «Один «ушел да и не воротился... Еще двое ушли и тоже с концом» («Кошачьи уши»). В сказе Бажова молодые рабочие уходят по пути Пугачева «правильную долю добывать», старики же остаются. В фольклорном сказе «молодые мужики» «пошли с атаманом правду искать. А постарше, семейным — куда итти, жены за руки придерживают, дети за шею цепляются».[5]

В сказах Бажова обычна фольклорная «атмосфера», передаваемая им очень точно.

В основе композиции сказов П. П. Бажова лежит принцип контраста, отражающий реальные отношения людей в классовом обществе: эксплуататорам и их прислужникам противопоставлены рабочие. Главным «водоразделом» в противопоставлении персонажей является их отношение к труду и собственности. Трудящиеся, равнодушно относящиеся к богатству, добывающие личным трудом средства к существованию, являются носителями лучших человече-

---

[1] Тайные сказы рабочих Урала. «Советский писатель», 1941, стр. 9—13.

[2] Уральский фольклор. Свердлгиз, 1949, стр. 30—47.

[3] Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук, вып. 12, 1941, стр. 147—151.

[4] Тайные сказы рабочих Урала. «Советский писатель», 1941, стр. 13. Сказ записан поэтом Н. Куштумом в 1935 г.

[5] Там же, стр. 14.

ских качеств, самых высоких моральных ценностей. Наоборот, заводовладельцы и их помощники, ведущие паразитический образ жизни, жадные к материальным благам и добывающие их эксплуатацией, ограблением рабочих, являются нравственными уродами, носителями самых отвратительных пороков.

Духовной красоте людей труда обычно сопутствует и внешняя красота. Мраморская работница, с которой Илюха «свою долю нашел», — «девчонка... годов так восемнадцати. Платьишко на ней синее, платок на голове синий... И пригожая — сказать нельзя. Брови дугой, глаза звездой, губы — малина, руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в ней лента синяя» («Синюшкин колодец»). Кричный подмастерье Марко Береговик — «ох, и парень! Высокой, ловкой, из себя чистяк, а сила в нем медвежья» («Марков камень»). Но, прежде всего, Бажов подчеркивает высокие моральные качества положительных героев своих сказов. Митя в сказе «Хрупкая веточка» — «горбатенький», но он работящ, настойчив, талантлив, умен, добр, весел. О Пантелее, потерявшем один глаз на работе в забое, Змеевка говорит: «Ежели бы вот Пантелей присватался, без слова бы пошла... Любой парень! Хоть один глазок, да хорошо глядит» («Змеиный след»).

Резкое противопоставление рабочих людей эксплуататорам в сказах Бажова проводится последовательно, во всем, вплоть до описания одежды действующих лиц. Вот как одета, например, сановная знать в царском дворце: «Все в золоте да заслугах. У кого спереди навешано, у кого сзади нашито, а у кого и со всех сторон...» Особенное внимание рассказчика привлекает женское общество: «И бабы ихние тут же. Тоже голоруки, гологруды...» Такой способ «одеваться» вызывает решительное осуждение рассказчика: как-де им не стыдно! Но в эту среду попала горнячка Таня — и она так же одета: что же, дескать, если у них этакое красивым считается, так еще посмотреть надо, кто и в таком виде красивее будет. Вот портрет Тани: «Стоит красавица, про каких только в сказках сказывают. Волосы как ночь, а глаза зеленые. И вся-то она изукрашена дорогими каменьями, а платье на ней из зеленого бархату с переливом. И так это платье сшито, как вот у царицы на картинках. На чем только держится. Со стыда бы наши заводские сгорели на людях такое надеть, а эта зеленоглазая стоит себе спокойнешенько, будто так и надо». Женская

часть сановного общества посрамлена: «Где им до зеленоглазой! Ни одна в подметки не годится» («Малахитовая шкатулка»). И здесь та же характернейшая для Бажова общая линия противопоставления рабочих эксплуататорам и утверждения превосходства людей труда.

Они — создатели всех богатств на земле, и они должны быть полными их хозяевами. Именно поэтому Таня и в царском дворце чувствует себя хозяйкой: она возмущена, что Турчанинов ее царице показывает, а не царицу ей, Тане.

Последовательное утверждение Бажовым морального превосходства трудящихся и труда, как основы их превосходства, противопоставляется буржуазному пониманию морали.

Идеологи буржуазии, вслед за своими хозяевами, всегда утверждали, что все человеческие добродетели являются монополией богатых и следствием богатства. На тысячи ладов, в тысячах книг буржуазных писателей и ученых проводилась эта мысль.

Бажов следует другой морали, морали трудового народа, видевшего в капитале причину и источник нравственного падения: «Богатый совести не купит, а свою погубит» — так говорит народная пословица. Количество фольклорных произведений на эту тему очень велико. Вот два примера. Жадный мельник в одноименной сказке наказан за свою жадность смертью,— утоплен в болоте. Лавочник-кровопийца Анкудин в другой уральской сказке — «Чудесные ягоды» — наказан тем, что превращен в чудовище: «Голос жеребячий, лицо свинячье, а шерсть медвежья»,— и тоже утоплен в болоте. Наоборот, охотнику Степану, бескорыстно спасшему жизнь человеку и отказавшемуся от вознаграждения, спасенный им старичок говорит: «Я твоей услуги не забуду. От всякой беды уберегу. А что ты даром, ничего не берешь — это правильно. Всяк человек сам всего достичь должен». «Сам достичь должен» здесь значит: своим трудом. Степан превращается в «красавца писаного».[1]

«От трудов праведных не наживешь палат каменных»,— утверждает старая русская пословица, и бабка Лукерья из сказа Бажова «Синюшкин колодец» вторит ей: «Чисто да по совести и пера на подушку не наскрести».

---

[1] Обе сказки напечатаны в альманахе «Уральский современник», 1938, № 2, Свердлгиз, стр. 135—139.

«Если отравлять человека золотом,— душа у него становится маленькая, мертвенькая и серая, совсем как резиновый мяч», — так говорит один из героев романа А. М. Горького «Мать».[1]

П. Бажов, показывая заводовладельцев, их служащих и чиновников эксплуататорского государства в качестве таких «отравленных золотом» людишек с мертвенькими, серыми душонками, противопоставляет им положительного героя из рабочих, как представителя морального идеала.

Глубина реалистического изображения человеческих характеров и социальных отношений эксплуататорского общества в сказах Бажова настолько велика, что в писателе чувствуешь исследователя, вдумчиво и тщательно анализирующего общественный строй и психологию людей, умеющего увидеть и показать типическое и в людях и в социальных отношениях.

Читая его сказы, вспоминаешь слова А. М. Горького: «Для того, чтобы ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понята,— необходимо развить в себе уменье смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего».[2]

Продолжая горьковскую традицию в изображении «каторжной мерзости прошлого», воспитывая в читателях ненависть к нему, Бажов по-горьковски видит в прошлом бесконечно талантливый, трудолюбивый и свободолюбивый русский народ, являющийся носителем высших моральных ценностей. Создание образа положительного героя-рабочего является одним из важнейших достижений Бажова.

Герои сказов близки и дороги нам. Утверждение высокого морального идеала, родного и близкого советскому человеку, является главной причиной глубоко современного звучания довоенных сказов Бажова. Сказы его — глубоко современные, советские сказы о прошлом. Современными они являются, в частности, потому, что в прошлом писатель показывает то, из чего выросли важнейшие явления современной действительности.

Так обнаруживается в «сказителе» Бажове крупный мастер социалистического реализма.

---

[1] А. М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 7, стр. 298.

[2] А. М. Горький. О литературе. «Советский писатель», 1937, стр. 350

8

Из двадцати пяти довоенных сказов П. П. Бажова только четыре не содержат в себе фантастических образов: «Марков камень», «Тяжелая витушка», «Демидовские кафтаны» и стоящий несколько особняком сказ «Надпись на камне». О сказе «Марков камень» дед Слышко говорит: «Тайности тут нету. Побывальщину эту мне покойный дедушко сказывал». Итак, «побывальщины», сказы без «тайности»,— таково своеобразие названных четырех сказов.

В остальных довоенных сказах имеются элементы фантастики.

Вместе с тем, чтобы не смешивать два разных понятия, нужно отметить, что все довоенные сказы П. Бажова происхождением своим связаны с уральскими рабочими «тайными сказами», которые отражали настроения протеста пролетариев. Они рассказывались тайно, так как за их передачу старое заводское начальство и царская администрация жестоко наказывали.

Наличие элементов фантастики в сказах Бажова связано с более или менее активным участием в их действии представителей «тайной силы»: Хозяйки горы, Великого Полоза, Земляной кошки и других.

Одна из замечательных особенностей сказового творчества Бажова состоит в том, что присутствие фантастических образов, своеобразнейшее переплетение фантастического и реального не мешает его сказам быть реалистическими произведениями. Сказы Бажова отражают действительность в типических ее явлениях и в развитии, в главных, ведущих тенденциях, причем сказы воспитывают читателя в советском духе. Они внушают страстную ненависть к эксплуататорам и к социальному строю, основанному на эксплуатации человека человеком. Они отражают многовековые мечты трудящихся о справедливом социальном устройстве, без угнетения людей другими людьми, о свободном творческом труде на благо народа. Сказы Бажова укрепляют в наших людях сознание величия советской действительности.

А. М. Горький в ряде выступлений, докладов, статей с большой глубиной, материалистически раскрыл происхождение фольклорной фантастики.

«Трудовой народ в поисках объяснений полезных и вредных ему явлений, стихийных сил природы язычески

прекрасно воплотил эти явления в образы существ человекоподобных, но более могучих, чем любая человеческая единица», — так писал А. М. Горький.[1] Сказанное им в полной мере относится к фантастическим образам Бажова, также являющимся выражением попыток старых уральских рабочих объяснить непонятные явления природы.

Раскрывая основной смысл древних сказок, мифов, легенд, А. М. Горький утверждал: «Смысл этот сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемов «заговоров», «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы».[2] Фантастические образы сказов Бажова являются одним из многочисленных подтверждений правоты Горького.

Как и произведения устно-поэтического творчества уральских горняков, легшего в основу сказового творчества П. П. Бажова, его сказы лишены какой бы то ни было мистики.

Вслед за А. М. Горьким П. П. Бажов дает такое объяснение происхождению горняцких поверий, их фантастических представлений: «С помощью этой (тайной) «силы» неграмотный горнорабочий и старатель прошлого, прежде всего, хотели объяснить себе многие непонятные явления, которые приходилось наблюдать при горных работах. Откуда так много богатства на Гумешках? Десятки лет сотни людей надрываются над добыванием и подъемом руды, а ее не убывает. Почему это? И фантастика дает простой и легкий ответ: Гумешки — это склад, оставшийся от «старых людей», которые сюда «захоронили все богатство»... Куда исчезла золотоносная жилка? — Полоз отвел золото. Как оказалось золото внутри кварца? Змеевка прошла, на ее пути и остались золотые блестки и капельки» [3]. Не трудно заметить, что Бажов конкретизирует одно из горьковских положений применительно к своеобразию уральских условий.

---

[1] А. М. Горький. Сб. «Публицистические статьи», Гослитиздат. 1931, стр. 281—282.

[2] А. М. Горький. Сб. «Литературно-критические статьи», Гослитиздат, 1937, стр. 633—634.

[3] П. П. Бажов. У старого рудника. Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 36.

Вслед за Горьким, П. П. Бажов говорит о фантастических образах старого рабочего фольклора, как одном из средств самозащиты горняков против «двуногих врагов»: «Заводское начальство крепостного времени по своей грамотности стояло не выше рабочих. Оно тоже верило в существование «тайных сил». Поэтому рабочим иногда можно было прибегнуть к помощи «тайной силы». Например, в сказах отмечалось, что в руднике «людей не пороли». Мотивировалось это боязнью начальства лютовать во владении «Хозяйки горы».[1] Расправа рабочих с ненавистным начальником приписывалась «тайной силе».

В сказах старателей и искателей самоцветов фигурировали одни фантастические образы, в сказах шахтеров — другие.

Судя по сказам, старательскими по преимуществу являются образы Полоза — хозяина золотых месторождений, его дочери Змеевки, Огневушки-Поскакушки, козла Серебряное копытце, бабки Синюшки. Шахтерскими являются образы Хозяйки Медной горы и ее помощниц — волшебных ящериц. Повидимому, общими для тех и других были образы девки-Азовки, Земляной кошки с горящими ушами и кошек с изумрудами вместо глаз. Поскольку старатели и шахтеры жили в одном селении, одни и те же люди нередко переходили из одной категории работников в другую, то и переплетение, «общение» одних и тех же образов в разных сказах, изменение характера образов было естественным. Сам П. П. Бажов в образе, например, девки-Азовки видел слияние «кладоискательского» образа хранительницы древних кладов с горняцким образом, отражающим желание объяснить естественные земельные богатства. Бажов указывает также, что функции фантастических образов в представлениях «кладоискателей» были очень упрощены и сводились к тому, чтобы не допустить человека к золоту и самоцветам. Изменение характера образов Полоза, Змеевки, Огневушки и др., превращение их в образы помощников людей писатель объясняет бытованием соответствующих сказов в горняцкой среде.[2]

Кроме упомянутых, в сказах Бажова действуют чудесные лебеди, филин, лисичка-сваха, волшебные «каменные губы».

---

[1] П. П. Бажов. У старого рудника. Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 36.

[2] Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 35.

Общей чертой всех «тайных сил» в сказах Бажова является их четко выраженный «классовый характер». Все они выступают на стороне рабочих людей, трудящихся, все они — враги эксплуататоров. Но не могут рассчитывать на помощь «тайной силы» те из трудящихся, кто утратил подлинно человеческие качества и, прислуживая эксплуататорам, усвоил типические свойства их, людей аморальных. П. П. Бажов так писал о горняцкой «тайной силе»: «Эта сила неизменно противодействует барам и заводскому начальству и помогает рабочим, но не всем, а только таким, которые отличаются положительными качествами».[1]

Великий Полоз указывает малолетним сыновьям больного Левонтия, где найти золото, но дочь Полоза — Змеевка — впоследствии убивает одного из братьев — Костьку, который стал хищником. Бабка Синюшка обеспечивает средствами к существованию честного, работящего, смелого Илюху, но губит корыстного, вороватого и ленивого Кузьку-Двоерылка. Земляная кошка спасает отважную работницу Дуняху, способствует восставшим рабочим, но она явно враждебна заводовладельцу и его помощникам. Огневушка-Поскакушка помогает найти золото сироте Федюньке, а козел Серебряное копытце дарит самоцветы старому Коковане и его приемной дочке Даренке.

Особенно активна в своем вмешательстве в человеческие дела Хозяйка Медной горы. Это она превратила в «пустую породу» зверя-приказчика Северьяна, жестоко надсмеялась над хозяйским «нюхалкой-наушником» Ванькой Сочнем и подвела его под барские плети, искалечила «заграничную барыньку», изуродовала сопровождавшего ее хвастливого «баринка» и суматошного подхалима-надзирателя Ераску Поспешая, свела с ума «косого зайца» Турчанинова. И она же — надежная помощница протестующих, борющихся, как и тех, у кого в душе есть святое зерно таланта.

«Тайные силы» сказов Бажова близки людям. Это выражается и в способности многих из них выступать в человеческом облике. Змей Полоз явился перед детьми Левонтия в обличии «не по-нашенски одетого» человека, с зелеными глазами, которые «светят, как у кошки, а смотрят по-хорошему, ласково». Бабка Синюшка — обычно старушонка с огромными синими молодыми глазами, но перед

---

[1] «Красная новь», 1936, № 11, стр. 4.

достойными людьми она предстает в образе необыкновенно красивой девушки. Хозяйка горы — ящерица, но она принимает вид женщины.

«Человеческое» в лучших представителях «тайной силы» в сказах Бажова весьма знаменательно,— человеческое во всем строе мыслей и чувств и прежде всего в оценке явлений общественной жизни, в сочувствии и помощи людям труда, в неприязни, ненависти к врагам трудового народа, в противодействии им и всем тем, кто воспринял свойственные паразитам черты нравственных уродов. Таким образом, представители тайной силы в сказах Бажова, как и положительные герои-люди, являются носителями подлинно «человеческого», как естественного в человеке, не изуродованном страшными социальными условиями.

Особенно замечателен с этой точки зрения лучший, наиболее яркий из фантастических образов в сказах Бажова — образ Хозяйки Медной горы, которая имеет и другое имя: Малахитница. В той или иной мере она действует в сказах «Медной горы Хозяйка», «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки», «Малахитовая шкатулка», «Каменный цветок», «Две ящерки», «Горный мастер», «Хрупкая веточка», «Таюткино зеркальце» и, возможно, «Травяная западенка».

Аналогичные образы имеются в фольклоре шахтеров также и других промышленных районов страны. Так, у шахтеров старого Донбасса были легенды о «хозяине горы», которого они называли по фамилии — Шубин. Представляли его шахтеры в виде сурового старика, всесильного в шахте. Шубин доброжелательно относится к рабочим, иногда помогает им. Чтобы заставить себе подчиняться, он принимает облик шахтовладельца. Шубин может стать невидимкой, и тогда его присутствие выдают его действия: как будто сами собой передвигаются вагонетки по рельсам шахты.[1]

Очень яркий образ «хозяина горы» создали шахтеры Кузбасса. В их сказах действует Горный батюшка. Ему присущи и положительные качества и слабости старого шахтера. Прежде всего, Горный батюшка — доброжелатель рабочих: он предупреждает о грозящих им обвалах шахты и перед обвалом удаляет всех оттуда. При этом он

---

[1] Сб. «Песни и сказы шахтеров. Фольклор горняков Шахтинского района», Ростов-на-Дону, 1949, стр. 33—36, стр. 102—103.

принимает облик одного из начальников шахты, чтобы снять с рабочих ответственность за оставление работы. Горный батюшка любит и покурить и выпить. Чтобы задобрить его, шахтеры, уходя с работы, оставляли в забое махорку и водку. Горный батюшка не прочь подраться, если его рассердить. Он также может быть невидимкой.[1]

Выраженное в образах Шубина и Горного батюшки стремление рабочих облегчить свой труд и уберечься от «двуногих врагов» очевидно. В Шубине, кроме того, ярко выражено одно из характерных качеств героев фольклора — мастерство в труде: если он принимается за работу, то добывает огромное (по старым понятиям) количество угля.

Образ Хозяйки Медной горы, родственный образам Шубина и Горного батюшки, разработан несравненно более глубоко. Фольклорных записей сказов о Хозяйке горы нет, и поэтому трудно судить, каким был ее образ в поэтическом творчестве самих полевских рабочих. Очевидно, что глубокая разработка образа Хозяйки должна быть объяснена тем, что он прошел через восприятие и творческое воспроизведение П. П. Бажова. Впрочем, писатель отрицал самую возможность художественной обработки образа,[2] что, возможно, связано с пониманием Бажовым своего творчества как работы «сказителя в литературе», продолжающего традиции Хмелинина и других народных сказителей.

Выше уже говорилось, что в сказах Бажова Хозяйка горы помогает рабочим и противодействует заводовладельцам, заводским начальникам, наказывая наиболее бесчеловечных из них. Особо примечательна ее функция покровительницы творческого труда, мастерства, искусства. Ей ведомы все тайны прекрасного. «Девять античных муз с уважением приняли бы в свой круг Хозяйку Медной горы — музу уральских горняков», — замечает В. Перцов[3].

---

[1] Мисюрев. Легенды и были. 2-е изд., Новосибирск, 1940, №№ 56—66.

[2] П. П. Бажов говорил, что образ Хозяйки в его сказах от фольклорного «не должен отличаться. Если отличается, значит — плохо». «Я не знаю, какое я имею право обрабатывать, у меня в этом отношении есть сомнение. Ведь это так говорится, а на самом деле против народного творчества не создать». «Всякая попытка изменения выйдет хуже того, что там». (Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 147).

[3] В. Перцов. Подвиг и герой. «Советский писатель», 1946, стр. 194.

В общении с людьми она обычно выступает в образе сказочно красивой женщины. «Девица красоты неописанной, а брови у нее сошлись и глаза, как уголья»,— такой видит Хозяйку горы приказчик Северьян. Данило-мастер «по красоте да по платью малахитову сразу ее признал». Увидел Малахитницу Андрюха и «остолбенел парень — красота какая!» Автор не ограничивается общими словами о красоте Хозяйки, а конкретизирует внешний облик ее через образ Тани, портрет которой приводился выше: она «точь-в-точь такая же», как Хозяйка. Хозяйка очень живая, подвижная женщина — «уж такое крутое колесо — на месте не посидит».

Могущество Малахитницы сказочно велико. «Легонько этак рукой помахала» — и шахта обвалилась. «Повела рукой, и приказчик по самую маковку зеленью зарос»,— окаменел. Стоит ей пожелать — и немедленно перемещаются пласты горных пород.

Хозяйка горы — существо всезнающее, во всяком случае, в пределах ее владений. Она знает, что товарищ Степана, пожилой и болезненный рабочий, живет в крайней бедности, и поэтому «лазоревке сказала, чтоб она ему маленько пособила». Более того, Хозяйка проникает в мысли и чувства людей, в их намерения. Только подумал о ней Степан,— «глядит, а Хозяйка тут, перед ним». С ней всегда может посоветоваться Таня, — стоит лишь ей взглянуть в волшебную «стеклянную пуговку», и она видит живую Хозяйку.

Но наиболее замечательна тончайшая психологическая разработка образа Хозяйки горы. Ей свойственны все лучшие человеческие чувства. Гневно встретила она Северьяна, и убийственное презрение звучит в ее оценке свирепого, но трусливого приказчика: «Эх, ты, погань...», «Хохочет-заливается» Малахитница, разговаривая с растерявшимся перед ней Степаном, — «весело, видно, ей». Она «принахмурилась» в тревоге: не сфальшивит ли горняк душой при необходимости дать ответ на весьма деликатный вопрос, — и «обрадовалась», услышав его прямые и честные слова. Малахитница любит пошутить: «Весело на парня глядит, зубы скалит и говорит шуткой: «Ты что же, Степан Петрович, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-от ведь деньги берут». «Любит над человеком мудровать»,— говорит о ней Слышко. И от ее «мудрования» особенно несладко бывает людям с гнильцой, вроде Ваньки

Сочня и Ераски Поспешая. Хозяйка снисходительна к своим любимцам: она не наказала Андрюху, когда тот ослушался ее и оглянулся при выходе из подземных палат: «Ну, ладно, на первый раз прощается...» Ей чужда злопамятность, она тонко понимает душевные движения людей, понимает, какие чувства побуждают их на те или иные поступки, умеет высоко оценить чистые побуждения и всегда справедлива. Нагрубила ей Катя, но когда испытана сила любви девушки к Даниле, «Хозяйка улыбнулась светленько и говорит: «Твоя взяла, Катерина. Бери своего мастера. За удалость да твердость твою вот тебе подарок...» А когда Катя поклонилась Хозяйке: «Прости на худом слове»,— сколько горечи и грусти звучит в ее ответе: «Ладно, что каменной сделается!»

Но Хозяйка горы «не каменная». Она — женщина и жаждет душевного тепла и сердечной ласки. С большой проникновенностью написана Бажовым сцена прощания Хозяйки со Степаном: «Ну, прощай, Степан Петрович, смотри, не вспоминай обо мне».— А у самой слезы. Она это руку подставила, а слезы кап-кап и на руке зернышками застывают. Полнехонька горсть.— «На-ко вот»...— Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая, и трясется маленько». Каждая деталь глубоко поэтична в этой сцене, а образ руки, которая «трясется маленько», великолепен: он по-чеховски «экономен» и по-чеховски выразителен.

Женское в Хозяйке почувствовал и Степан. При первой встрече с ней он «испужался, конечно, а виду не оказывает. Крепится. Хоть она и тайна сила, а все-таки девка. Ну, а он парень,— ему, значит, и стыдно перед девкой обробеть».

Хозяйка жаждет любви и материнства. Горячо полюбила она Степана, как и он ее. Их дочерью и была красавица Таня. Хозяйка не может ее воспитывать, так как воспитывать человека надо на людях, в обществе, но она ревниво следит за каждым шагом любимой «доченьки», учит ее искусству шелкового шитья, помогает ей делом и советом, а когда воспитание девушки было закончено, берет ее в свое подземное царство.

Хозяйка оплакивает погибшего возлюбленного, свято хранит память о нем, и когда Ванька Сочень упоминает имя Степана, она сурово обрывает Ваньку: «Ты это имя не трожь»,— так как грязный барский наушник своим блуд-

ливым языком может только оскорбить дорогое для Хозяйки имя.

Такова Малахитница. Через радости и печали человека, через человеческое счастье и через человеческое горе проводит ее П. П. Бажов. Глубоко человечен и бесконечно обаятелен образ Хозяйки Медной горы.

Образ Тани — непосредственно связующее звено между людьми и Хозяйкой горы, выражающее «родство» ее с людьми. Так еще раз подчеркивается именно человеческое в образе Малахитницы.

П. П. Бажов говорил, что «Хозяйка стала олицетворением мощи, богатства и красоты недр, которые раскрываются полностью только перед лучшими представителями трудящихся».[1] Развивая бажовскую трактовку образа Хозяйки, Л. Скорино так характеризует его: «В поэтическом образе Хозяйки Медной горы у Бажова воплощена сама природа, вдохновляющая своей красотой человека на творчество, открывающая ему свои сокровенные тайны. Вместе с тем этот сложный образ является и персонализацией того идеала, к которому художника зовет жажда познания, стремление к совершенному овладению искусством... Она является хранительницей секретов высокого мастерства. Больше того, она воплощение вечной творческой неудовлетворенности, творческих исканий мастера-художника».[2]

Все это правильно, но не полно. Настойчивое подчеркивание Бажовым человеческого в образе Малахитницы обязывает видеть в нем в известном смысле дальнейшее развитие образа девки-Азовки, которая выросла в среде «старых людей», не знавших социального гнета, и, как все они, была физически красивой и здоровой, рослой девушкой,— в сравнении с обыкновенными людьми «в полтора раза, может, больше». Смысл образа таков: когда не будет социального порабощения, все люди будут физически здоровыми и прекрасными. Внутренний облик Азовки в сказе также обрисован: она смелая, решительная девушка, способная на глубокое и сильное чувство,— но обрисован довольно скупо.

В отличие от девки-Азовки, образ Хозяйки Медной горы характеризуется глубокой и тщательной разработкой

---

[1] П. П. Бажов. У старого рудника. Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 35.

[2] Л. Скорино. Павел Петрович Бажов. «Советский писатель», 1947, стр. 126

психологического облика ее. В образе Хозяйки горы следует видеть воплощение мечты рабочих о свободных, могущественных, гармонически развитых, всесторонне совершенных людях, не только физически здоровых, но и прежде всего — духовно прекрасных. При таком понимании образа богатая художественная одаренность, которую подчеркивает в Хозяйке Л. Скорино, ее необыкновенно тонкое эстетическое чувство становится лишь одной из сторон духовного облика Хозяйки горы, наряду с ее нравственной красотой, развитым чувством справедливости, благородством и чистотой любви, с ее высоким умом. Такими и будут люди,— хочет сказать дед Слышко,— когда «ни купцов, ни царя даже званья не останется», то есть когда трудящиеся освободятся от социального гнета, уродующего их и физически и духовно.

При этом начала всех самых высоких духовных качеств, которые в будущем получат наивысшее развитие, можно искать только в одном источнике,— в трудовом народе, в рабочей среде. Именно поэтому дочь Малахитницы воспитывается в семье горняка Степана и остается там и после смерти отца. От Степана и Настасьи Таня восприняла чувство человеческого достоинства и независимости, в семье Степана воспитаны в ней трудолюбие и упорство в достижении цели, прямота и честность, духовная чистота, большая требовательность к людям.

Рабочая среда воспитала в Тане лучшие национальные чёрты русского народа, высшее развитие которых может быть достигнуто лишь при условии социального освобождения трудящихся. Мечту старых рабочих о расцвете этих черт и выразил Бажов в образе Хозяйки Медной горы. И совершенно права Л. Скорино в своем более позднем высказывании: «В образах сказочных героев, таких, как Малахитница — суровая, умная Хозяйка Медной горы, как молодуха-Веселуха, которая не терпит «слезливых да тоскливых и олицетворяет весеннее веселье, как бабка Синюшка, хранительница земных сокровищ, да девчонка Огневушка, что верховое золото показывает, и многих других, — писатель воплотил русские характеры». [1]

В образе Хозяйки Медной горы выражены самые заветные думы писателя Бажова, и они связаны с наиболее

---

[1] Л. Скорино. Народный писатель. «Литературная газета», 9 декабря 1950 г., № 118.

актуальными вопросами советской современности, с задачами воспитания трудящихся.

Среди фантастических образов в сказах П. П. Бажова нет таких, которые были бы враждебны людям вообще или дружественны по отношению к эксплуататорам. Ни одного «отрицательного персонажа» среди представителей «тайной силы» у Бажова нет. Правда, «дедка Филин» мешает Огневушке-Поскакушке показать золото Федюньке, но не из неприязни к людям: у него с Огневушкой какие-то свои счеты. Тот же Филин помогает Айлыпу найти и вырвать из-под власти Полоза невесту, причем между Филином и Полозом, опять-таки по неизвестным нам причинам, издавна установились враждебные отношения. Полоз противодействует Айлыпу, но иначе и быть не может: невеста Айлыпа — Золотой Волос — является дочерью Полоза, а Айлып похищает ее. В действиях Полоза проявляются «отцовские чувства» («Золотой Волос»).

Отсутствие отрицательных образов среди представителей «тайной силы» в сказах Бажова объясняется условиями жизни уральских рабочих, отразившимися в их фольклоре. Если уральские горняки пели: «Мы Сибири не боимся,— у нас каторга своя»,[1] если рабочие в своих сказах утверждали, что муки ада бледнеют перед условиями работы на заводе, то уже никакие сказочные чудовища, враждебные людям, не могли поразить воображение. Действительность была страшнее любых фантастических «страхов», а кровососы-убийцы, властвовавшие над рабочими, более бесчеловечны, чем сказочные людоеды. П. П. Бажов писал о «зазвонной бабе Настасье Белоносовой», владелице сысертской спичечной фабрики, что «рослая да здоровая, румяная да звонкоголосая» Белоносиха была страшнее сказочной Бабы-яги. Именно эта кличка прочно установилась за ней в Сысерти.[2] Не было ни нужды, ни охоты сказывать и слушать о выдуманной Бабе-яге, когда реально существовала «своя», более страшная Баба-яга, чьи чудовищные когти рабочие повседневно чувствовали на себе. Хотелось вмешательства в жизнь другой силы, которая помогала бы трудиться, наказать хозяев, помогала бы жить.

---

[1] Дореволюционный фольклор на Урале. Свердлгиз, 1936, стр. 164.

[2] П. П. Бажов. Колдовская избушка (не сказка). «На смену», 28 января 1939 г., № 94 (3352), Свердловск.

Фольклорные источники фантастических образов Бажова несомненны. Правда, советским фольклористам не удалось записать сказы, которые в какой-нибудь мере приближались бы к бажовским, а дореволюционные буржуазно-дворянские фольклористы, в соответствии с их классовыми позициями, пренебрежительно и враждебно относились к пролетарскому устно-поэтическому творчеству. Но и немногочисленные фольклорные записи остатков старой устной поэзии уральских рабочих дают материал для определенных выводов.

Образ Полоза и его дочери Змеевки имеет большое количество параллелей не только в фольклоре золотоискателей. «Это ведь повсеместно — змея и золото связывались. «Змеиное гнездо», «змеиные места» считались верным признаком золотоносности»,— писал П. П. Бажов. Он указывал, что вера в какую-то связь между змеями и месторождениями драгоценных металлов имеет давнюю историю и когда-то находила отражение в книгах, претендовавших даже на научность. Бажов цитирует при этом «один из капитальных трудов своего времени» — изданное в 1760 году «Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей... сочиненное и многими чертежами изъясненное... бергколлегии президентом и монетной канцелярии главным судьею Иваном Шляхттером».[1]

Образы змей, хранителей драгоценностей, встречаются и в старом крестьянском русском фольклоре. Примером может служить один из вариантов сказки «Три царства — медное, серебряное и золотое», приводимый в собрании А. Н. Афанасьева под № 129.[2]

В записанном в 1948 году в г. Касли, Челябинской области, рассказе старателя П. С. Батина (78 лет) говорится: «Вот про полоза я слыхал часто... От многих я слыхал, что где полоз есть, там золота много».[3]

Старательские поверья о змеях, как примете золотых месторождений, среди уральских приисковых стариков сохранились до сих пор. Приведем несколько выдержек из записей, произведенных нами в 1951 году:

---

[1] П. П. Бажов. У старого рудника. Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 28.

[2] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, том 1, изд. «Академия» 1936, стр. 252—262. Сказка записана в б. Воронежском уезде.

[3] Уральский фольклор. Сб. под ред. М. Китайника, Свердлгиз, 1949, стр. 164.

«Где змей много, там металл есть. Какой бы не был металл,— золото либо платина» (Из записи рассказа бывшего старателя Я. П. Игошева, 66 лет, р. поселок Черноисточинск, Висимского района, Свердловской области).

«Ну, змеи — это у металла держатся. Вот еланка была богата. Дак змей-то сколько было! По Горелой речке медяниц много было. Тоже говорили, что тут золото быть должно» (П. Ф. Потеев, пенсионер, р. поселок Черноисточинск).

«Тоже вот где змеи водятся, тут богатство есть в земле. Шибко в моде это было, шибко фигурировало. Этому большое значение придавали. О полозе тоже я слыхал. Он, говорят, идет с поднятой головой. И большой он. Шибко говорили про это» (М. Г. Журавлев, пенсионер, в прошлом был старателем, родился в 1868 году, р. поселок Висим).

В связи с упоминанием медяниц в рассказе Г. Потеева следует привести такое свидетельство П. П. Бажова: «Чаще всего олицетворением Змеевок считались небольшие бронзовые змейки-медяницы. Широко распространенным было поверье, что эти змейки проходят через камень, и на их пути остаются блестки золота. Вспугнутые человеком, «знающим слово», они сейчас же уходили в землю и если тут был камень, то оставляли в нем золотой след. Если кладоискатель «не знал слова», Змеевки устремлялись на него и тоже «сквозь пролетали». Умрет человек, и узнать нельзя — отчего. Только пятнышко малое против сердца останется» [1].

Рассказы о девке-Азовке, хотя и очень деформированные, в г. Полевском можно слышать до сих пор. Один из них приведем полностью: «На Азове жила девка-Азовка. Ну, она там в какой-то пещере жила. Было у нее много богатства — хранила она его. Емельян-то Пугачев ей это богатство оставил. Девка-то жила уж после того, как Емельян наступал на Полевской завод. Он когда подступал к Полевой,— ему на Думной горе войско несметно почудилось, он и отступил» (Запись 1947 г.) [2].

В сборнике «Уральский фольклор» М. Китайник приводит вариант народного рассказа о девке-Азовке, записанный К. Лугиным и опубликованный в иллюстрированном

---

[1] П. П. Бажов. У старого рудника. Сб. «Малахитовая шкатулка». Свердлгиз, 1949, стр. 28—29.

[2] Уральский фольклор. Сб. под ред. М. Китайника. Свердлгиз, 1949, стр. 164.

приложении к газете «Уральская жизнь» в 1902 году. Очевидно, это единственная дореволюционная публикация сказа о девке-Азовке. Вот отрывок из него, несколько приближающийся к мотивам сказа П. П. Бажова «Дорогое имячко». Охотник, задремавший в пещере Азов-горы, внезапно очнулся и видит: «Свет какой-то особенный в пещере, груды золота, камней самоцветных, серебра, богатства навалено и сосчитать нельзя, а около сидит девка-Азовка, добро пугачевское перебирает; смотрит на него так ласково, грустную песенку поет. Из себя она такая пригожая, белая да дородная,— грустит, видимо, что милый человек ее покинул» [1].

Так выясняются фольклорные источники сказов Бажова «Про Великого Полоза», «Змеиный след», «Дорогое имячко».

Бажовский образ хранительницы земных богатств бабки Синюшки вырос из народных рассказов о «синих огонечках», «синем паучке» — «хранителе богатства»: «его лапы имели свойство далеко вытягиваться по земле, и прикосновение их к голове человека вызывало сон, переходящий в смерть» [2]. Бажов говорил также, что «Синюшкин колодец до сих пор упоминается на Зюзельке» [3].

Сравним фольклорный образ синего паучка с образом бабки Синюшки из сказа Бажова: «Уставилась старушонка на парня и руки к нему протянула, а руки все растут да растут. Того и гляди до головы парню дотянутся. Руки ровно жиденькие, как туман синий, силы в них не видно, и когтей нет, а страшно. Хотел Илья подальше отползти, да силы вовсе не стало». Близость обоих образов совершенно очевидна.

Для понимания того, как использовал Бажов фольклорные материалы, существенно сообщение писателя о том, что ему приходилось слышать приисковый анекдот «О Гавриле и тумане»; и было в этом неудобопередаваемом рассказе-анекдоте такое хорошее, положительное зерно, из которого и вырос сказ «Синюшкин колодец» (1938 г.).

Отзвуки давних старательских поверий о тумане, о «синем тумане», как признаке «земельных богатств», сохрани-

---

[1] Уральский фольклор. Сб. под ред. М. Китайника. Свердлгиз, 1949, стр. 228.

[2] П. П. Бажов. У старого рудника. Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 34.

[3] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 145.

лись среди уральских стариков до сих пор. Характерно свидетельство бывшего старателя М. Г. Журавлева: «Насчет земельного богатства разные приметы были. Туману старики старые придавали значение» (Из записи беседы в рабочем поселке Висиме, Свердловской области, 18 мая 1951 г.).

Таким образом, из сплава мотивов старательских поверий с рассказами о «синем тумане» — признаке земельных богатств, о «синем паучке» — хранителе их, возник образ бабки Синюшки, «всегда старой, всегда молодой», образ, символизирующий природу, которая ждет «удалых, да гораздых, да простой души» людей. Им-то и раскроет она все свои богатства.

Но этим не исчерпываются фольклорные источники сказа «Синюшкин колодец». Сюжетная схема его представляет собою развернутую в повествование широко распространенную русскую поговорку: «Достались по наследству перья, после бабушки Лукерьи, после старушки, от курочки пеструшки». Сочувственно-горькая усмешка звучит в этой поговорке, характеризующей материальное положение трудящихся в эксплуататорском обществе: всю жизнь трудись, а в наследство детям ничего не оставишь.

Сказ Бажова открывается присказкой — «описью» наследства, полученного рабочим парнем Ильей от родителей: «От отца — руки да плечи, от матери — зубы да речи, от деда Игната — кайла да лопата, от бабки Лукерьи — особый поминок. Об этом и разговор сперва. Она, видишь, эта бабка, хитрая была — по улицам перья собирала, подушку внучку готовила, да не успела. Как пришло время умирать, позвала бабка Лукерья внука и говорит: «Гляди-ка, друг Илюшенька, сколь твоя бабка пера накопила! Чуть не полно решето! Да и перышки какие!.. Прими в поминок — пригодится!»

Наследственные перья оказываются «волшебными». С их помощью Илюха добывает «земельное богатство». Сюжетную свою роль «бабкины перья» выполняют на всем протяжении сказа.

Но замечательно то, как писатель сам же снимает налет волшебного со всей истории бабкиного наследства. Суть в том, что оно не исчерпывалось перьями. Главная часть наследства — это бабкин наказ Илье: «Ходи веселенько, работай крутенько», будь человеком «гораздым да удалым, да простой души». Именно эти качества и позволяют

Илюхе овладеть «земельным богатством». А перья должны были только напоминать ему наставление бабки Лукерьи.

Развертывая народную поговорку в сказ, П. П. Бажов бережно сохранил ее эмоциональную окраску. В конце концов и судьба Илюхи оказывается печальной. Недолгим было счастье рабочего парня. Умерла от чахотки его молодая жена: «Она, вишь, из мраморских была... Ну, а про мраморских дело известное. Краше тамошних девок по нашему краю нет, а женись на такой — овдовеешь. С малых лет около камню бьются,— чахотка у них. Илюха и сам долго не зажился».

В то же время широко распространенной русской народной поговорке Бажов придал совершенно своеобразное звучание тем, что конкретизировал ее содержание в образах людей из рабочей, горняцкой среды. Грустная история Илюхи, рассказанная старым уральским писателем с мудрой и горькой усмешкой, превращается в обличение бесчеловечного строя, основанного на эксплуатации людей.

Таково сложное переплетение фольклорных источников сказа «Синюшкин колодец».

В фольклоре уральских горняков можно найти и другие мотивы, использованные Бажовым при разработке фантастических образов. Так, мотив превращения слез Хозяйки горы в изумруды (сказ «Медной горы Хозяйка») имеется и в «Сказке о купце Семигоре». «А Настенька, дочка Семигора любимая, ждет-не дождется Ивана Беглого. Ходит она по Ильмен-горе, подойдет к шахте заброшенной и плачет. И первые ее слезы были прозрачные, будто вода озерная тихая, а потом со слезами стала выплакивать глаза свои синие. Так и изошла слезами. Позже люди нашли эти слезы, и первые слезы прозвали аквамаринами, а вторые сапфирами» [1].

В сказе Бажова «Ключ земли», очевидно, использованы мотивы уральского народного сказа «Медвежий огрызок». В этом убеждает сопоставление мотивов, сближающих оба сказа.

В сказе «Медвежий огрызок» смотритель золотых промыслов «подлый старик», «лысый и лютый страсть», но

---

[1] Тайные сказы рабочих Урала. «Советский писатель», М., 1941, стр. 73.

«до баб и девок сластена», приказывает дочери старателя красавице Кате явиться к нему. Но управляющий опередил смотрителя. После ряда перипетий опозоренная и изуродованная Катя сходит с ума. При этом она приобретает чудесное свойство: определять и указывать старателям золотоносные места. Катя замерзла в лесу, «и снегом ее занесло» [1].

В сказе Бажова «Ключ земли» 13-летняя приисковая девочка Васенка, казарменной стряпухи дочь, которая «про отца вовсе не знала», обладает «большим талантом на камни»: «чаще всех выхватывала, и камешок самый ловкий, вовсе дорогой». Потому-то «главный щегарь», «гнилой старичонка», решил жениться на девочке. Она бежит — куда глаза глядят. Присела отдохнуть у дороги,— и ее занесло снегом.

Близость мотивов обоих сказов очевидна. Но Бажов идейно углубил и обогатил народный сказ. Во-первых, моральный облик приискового начальника в сказе Бажова несравненно более отвратителен. Сластолюбие «гнилого» штейгера приобретает особо уродливую форму, так как его гнусные притязания обращены на несовершеннолетнюю девочку. Главной же пружиной действий штейгера является корыстолюбие. Он преступник-растлитель, в котором жадность вытравила всякие нравственные понятия. Во-вторых, сказ Бажова не кончается гибелью девочки. Замерзающая Васенка видит чудесный сон, в котором отражаются самые сокровенные мечты трудящихся о счастливой и радостной жизни — без господ, без угнетения. Девочку спасает старатель другого владельца. Она через всю свою долгую жизнь проносит мечту о заветном «ключе-камне», с которым в ее представлении связывается «полная перемена жизни», мечта о народном вожде, который приведет трудящихся к счастью.

Сопоставление народного сказа со сказом Бажова позволяет увидеть еще одну, совершенно новую функцию фантастики в сказах уральского писателя в сравнении с функциями фантастики фольклорной. Фантастические образы и ситуации Бажов использует для оценки явлений прошлого «с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего». Мастерство писателя обнаружи-

---

[1] Тайные сказы рабочих Урала. «Советский писатель», М., 1941, стр. 73—77.

вается, в частности, в том, что он умеет создать такие словесные формулы, которые естественно звучат в устах демидовской крепостной бабки Федосьи (она же девочка Васенка), как выражение мечты о будущем, и одновременно являются отражением великого опыта советского народа по революционному изменению действительности.

Эту мысль подтверждает и анализ образа Хозяйки горы. В 60—70-х годах XIX века среди рабочих в силу социальных условий не могло быть женщины столь гармонически развитой и совершенной. Бажов создал образ такой женщины, все время имея в виду советский идеал человека, «оглядываясь» на советскую действительность. Он не приписывал рабочим далекого прошлого того, чего в них не могло быть, а средствами фантастики усилил исконные благородные черты людей труда великой русской нации, конкретизировал их высокие свободолюбивые мечты и устремления в свете достижений советского народа. Но конкретизировал ровно настолько, чтобы образы его сказов, будучи облечены даже и в фантастическую форму, не противоречили исторической правде, не противоречили нашим современным научным представлениям о прошлом, о людях прошлого. Иначе нельзя понять происхождение бажовского образа Хозяйки горы.

Так фантастическое в сказах Бажова становится одной из форм романтики социалистического реализма,— формой глубоко своеобразной, интересной и оправданной характером материала, избранного писателем для художественного отображения.

Невозможно пока установить конкретные фольклорные истоки для всех фантастических образов в сказах Бажова, да и нет необходимости делать это в настоящей работе. Важно в принципе установить фольклорную основу образов сказов Бажова.

Выше уже говорилось о том, как П. П. Бажов понимал общую линию развития своего сказового творчества: от попыток восстановить по памяти слышанные в детстве сюжеты к созданию сказов, в которых писатель только опирался на фольклорные мотивы, образы, суждения, «характерные слова».

П. П. Бажов признавал, например, что сказ «Огневушка-Поскакушка» (1939 г.) вырос из рассказов о «золотой редьке»,— о золотых месторождениях в «форме редьки», постепенно суживающихся книзу. «Потом там много фоль-

клорных мелочей,— скажем, «золотые таракашки», которые оседают на лопатах». Сюжета в таком виде, как в сказе, П. П. Бажов, по его выражению, «пожалуй, не слыхал» [1].

П. П. Бажов не раз говорил о необходимости критически вдумываться в идейное содержание произведений фольклора,— в соответствии с горьковским указанием о том, что фольклорная мудрость прошлого является «в большинстве уже устаревшей мудростью» [2]. Бажов исходил при этом из общеизвестной аксиомы о классовом характере фольклора в классовом обществе, из учета фактов классово-чуждых влияний на фольклор трудящихся. «В использовании старого рабочего фольклора самая большая опасность заключается в том, что в определенные годы дореволюционного прошлого в народное творчество неизбежно проникали религиозно-мистические мотивы, и надо уметь их отличить и отсеять»,— так говорил Бажов об одной, частной опасности некритического подхода к произведениям фольклора [3].

В 1943 году Бажов говорил: «Среди молодежи, особенно неискушенной, были упреки, что Бажов нашел старика, и он ему все сказал. Есть институт заводских стариков... они много знают и слышали и оценивают по-своему. И часто эта оценка бывает противоречива, идет «не в ту сторону». Это надо воспринимать критически и на основе этих рассказов представлять так, как это представляется самому. [Но] во всяком случае не надо забывать, что это основа. «Мастерство Бажова» в том и заключается, что он старался ...с большим уважением относиться к этим основным творцам — к уральским рабочим» [4].

Надо слышанное от стариков «представлять так, как это представляется самому» советскому писателю, и в то же время с великим уважением относиться к вековому опыту народа — так понимал задачи творческого использования фольклора П. П. Бажов. Так он и осуществлял их в своей творческой практике. Поэтому-то идейное содержание сказов Бажова несравненно глубже, нежели идейное содержание произведений дореволюционного фольклора.

---

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 145.

[2] А. М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 34.

[3] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 162.

[4] Стенограмма выступления в г. Молотове в июне 1943 г. Архив П. П Бажова.

Это касается всех проблем, поставленных Бажовым в его сказах. Во множестве произведений старого фольклора прославляются мастера своего дела. Но в них нет показа психологии творческого труда, и в этом состоит существенное отличие бажовских сказов от фольклорных произведений. Эстетическая ценность цикла сказов Бажова о мастерстве, об искусстве тем и определяется, что в них раскрывается психология труда, психология творчества. Именно психологическое раскрытие процесса труда и позволило писателю героизировать, поэтизировать его с такой силой, с такой художественной яркостью и убедительностью, что сказы о Даниле и Кате, о их сыне Мите следует назвать в числе наиболее популярных в народе произведений Бажова.

Вообще мастерство в показе психологии героев — одна из сильнейших сторон Бажова. Оно проявляется, например, в изображении процесса формирования и обнаружения художественных интересов мастера Данилы; в переживаниях Марка Береговика в эпизоде его столкновения с Колтовчихой; в раздумьях, колебаниях Степана, выполнить или не выполнить наказ Хозяйки горы: «Сказать приказчику такие слова — дело не малое... Не сказать — тоже боязно. Она ведь Хозяйка. Какую хошь руду может в обманку перекинуть. Выполняй тогда уроки-то. А хуже того — стыдно перед девкой хвастуном себя оказать».

В довоенных сказах обо всех фантастических персонажах рассказчик, дед Слышко, говорит совершенно серьезно, так же, как о реальных героях-людях. У него нет сомнений в достоверности рассказываемого, он не дает поводов для подобных сомнений и слушателям. Таков один из составных элементов характеристики деда Слышко. «Деды» следующих поколений, выступающие в роли рассказчиков в сказах Бажова 40-х годов, иначе относятся к «тайной силе». Не случайно в народе не сохранились рассказы о Хозяйке горы. Не сохранились ведь и рассказы о донецком хозяине горы — Шубине. В романе Б. Горбатова «Донбасс» молодой шахтер Виктор спрашивает: «Где же теперь Шубин?» И комендант шахтерского молодежного общежития дядя Онисим отвечает: «Теперь? Ну, а как в семнадцатом хозяев-то прогнали, так и Шубин исчез. Значит, кончил свою упряжку. С тех пор и не видали» [1].

[1] «Новый мир», 1951, № 1, стр. 29.

Пришли новые, настоящие хозяева шахт, рудников, заводов, гор, всей страны. Им открылись недра всех гор, все богатства земли. Нечего стало делать Шубину. Нечего стало делать и Хозяйке Медной горы. Новые хозяева — сами рабочие — навели настоящие порядки в стране.

9

Центральным образом довоенных сказов П. П. Бажова является образ рассказчика, деда Слышко.

Через него советский писатель П. П. Бажов характеризует остальные сказовые персонажи и их отношения в его уста вкладывает оценки всех явлений действительности, которые так или иначе попадают в поле зрения рассказчика.

Для такого рассказчика необходим прежде всего большой жизненный опыт. Дед Слышко имеет этот опыт,— не только потому, что он просто дед, но «рабочий дед» и бывалый дед. В сказе «Тяжелая витушка» говорится, что он, «чуть от земли поднялся», попал, как и его сверстники, на Гумешки, прошел все ступени работы у Медной горы и в самой «горе», был старателем, а на старости лет исполнял обязанности заводского сторожа.

«Хмелинин, на себе испытавший всю тяжесть «крепостной горы» и потом продолжавший работать по горному делу, знал жизнь старого горняка во всех деталях вплоть до «нечаянного богатства»,— так писал П. П. Бажов о человеке, который был прототипом сказового деда Слышко» [1].

Через образ деда Слышко прежде всего и осуществляются основные идейные задания сказов Бажова.

Умный, проницательный, по-хорошему лукавый, добродушный и ласковый по отношению к «настоящим» людям, очень «колючий» по отношению к людям с гнильцой, беспощадный в разоблачении, оценке и осуждении врагов народа — таков дед Слышко.

Он иронически-презрительно рассказывает о «барах»-заводовладельцах, о развращенных ими их прислужниках, обо всех «заводских начальниках», о представителях царской администрации, выражая ненависть рабочих ко всем врагам трудящихся.

---

[1] П. П. Бажов. У старого рудника. Сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 33.

Человек труда, человек творческого склада, признающий жизнь только как созидание, деяние, он обладает тонким поэтическим чутьем, умеет понять, почувствовать и оценить истинно прекрасное и в людях и в природе. Хорошее в человеке он видит как красивое и любит раскрыть красивое в человеке и показать всем.

Он любовно и ласково, высоко поднимая их, рассказывает о тружениках и борцах, носителях лучших качеств великого русского народа.

Он поведал нам о тех поверьях рабочих людей старого Урала, в которых выражались их заветные мечты о времени, когда социально-равноправные люди будут свободно трудиться, неограниченно развивая все свои дарования и таланты.

Таков он, народный мудрец и художник, кому поручил нести свои самые задушевные мысли, самые прекрасные чувства советский писатель П. П. Бажов,— нести их гражданину Союза Советских Социалистических Республик, простому и великому советскому человеку.

Среди персонажей довоенных сказов П. П. Бажова дед Слышко является главным носителем высоких моральных качеств, столь близких людям эпохи социализма.

Художественно-композиционная роль образа деда Слышко в сказах Бажова также очень велика.

Образ деда Слышко позволяет Бажову показать жизнь старых уральских горнорабочих не со стороны, а «изнутри», показать ее так, как ее видели, чувствовали, понимали сами крепостные горняки и старатели.

Он позволяет в изобилии ввести в сказы фантастические образы, не отходя от принципов реалистического отображения действительности. Бажов как бы говорит читателю: вот реалистически, правдиво отраженные представления, предания, поверья, бытовавшие в той среде, которую представляет дед Слышко.

Наконец, образ Слышко позволяет писателю ввести в сказы лексические и грамматические особенности говора старого горнозаводского Урала — в соответствии с тем, как Бажов понимал реализм в отображении языка персонажей.

Но сам старый Слышко — это художественный образ, созданный советским писателем Бажовым.

С высоты достижений советской современности и идей коммунизма Бажов конкретизирует и уточняет — в тех пре-

делах, в каких позволяет это сделать реалистическое изображение самого деда Слышко — и мечты старых уральских горняков о светлом будущем, и представления их о путях к нему, и моральный их идеал, и ненависть их к эксплуататорам, угнетателям трудового народа.

В свете данных советской исторической науки Бажов уточняет представления старых уральских рабочих о их собственной жизни и труде, он наполняет новым содержанием созданные ими фантастические образы, язык старого уральского горняка он приводит в соответствие с требованиями советского читателя к своей литературе,— и все это опять-таки в тех пределах, какие представлялись допустимыми писателю с точки зрения реалистического изображения деда Слышко как представителя определенной среды.

Прототипом сказового деда Слышко является Василий Алексеевич Хмелинин. Он был сыном своего класса — рабочего класса, своей конкретной социальной среды и своего времени. Бажов слушал его сказы в 1892—1895 годах. В 90-х годах XIX века Хмелинину шел восьмой десяток. В те годы он не потерял ни интереса к жизни, ни ясности ума, ни выработавшейся в нем за долгую трудовую жизнь независимости суждений, ненависти ко всякому заводскому начальству. Так рисуется он Бажовым в ряде высказываний [1].

90-е годы XIX века были временем промышленного подъема в России. Росло рабочее движение. Уже широко использовалась такая форма пролетарской борьбы, как стачка. Но в первой половине 90-х годов стачки носили еще экономический характер. В начале 90-х годов марксизм еще не был соединен с рабочим движением. «Социал-демократия за десятилетие 1884—1894 годов существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим движением. Подобно еще неродившемуся, но уже развивающе-

---

[1] О Хмелинине Бажов рассказывал в печати многократно. Основные источники: «Красная новь», 1936, № 11, стр. 3—4; Сб. «Дореволюционный фольклор на Урале», Свердлгиз, 1936, стр. 218—219; Сб. «Урал-медный», Свердлгиз, 1936, стр. 55—56; «У караулки на Думной горе» в сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1939, стр. 3—6; «У старого рудника» в сб. «Малахитовая шкатулка», Свердлгиз, 1949, стр. 29—38; сказ «Тяжелая витушка» — во многих изданиях «Малахитовой шкатулки».

муся в утробе матери младенцу, социал-демократия переживала, как писал Ленин, **«процесс утробного развития»** [1]. Так характеризует пролетарское революционное движение тех лет И. В. Сталин.

Старый уральский горняк В. А. Хмелинин не мог быть рабочим с оформившимся *классовым* пролетарским сознанием. Он, по свидетельству Бажова, не имел соприкосновения с крупными пролетарскими центрами и был неграмотным человеком. В сказе «Тяжелая витушка», представляющем изложенную Бажовым художественную автобиографию Хмелинина, нет даже и намека на то, что он имел какое-нибудь представление о формах организованной классовой пролетарской борьбы. Хмелинин был представителем рабочего класса, еще не ставшего «классом для себя». Идеи научного социализма еще не коснулись этого старого уральского рабочего. И он не мог быть другим. Он был типичным представителем уральских рабочих начала 90-х годов XIX века, всем своим опытом наученных страстно ненавидеть заводчиков-«бар» и всякое начальство, но еще не знавших форм, путей, средств, целей классовой борьбы пролетариата.

В тот период, пока Бажов считал свои первые сказы фольклорными записями, особых затруднений идеологического порядка для него не могло быть. Но когда он сам взял под сомнение «фольклорность» сказов, для писателя Бажова составило известную трудность, отводя роль рассказчика своих сказов старому уральскому рабочему, одновременно придать им современное идейное содержание. Такова, надо думать, одна из причин, в силу которой П. П. Бажов с трудом мог отказаться от признания своих сказов фольклорными записями, хотя в то же время он понимал, что фольклорными записями они ни являться, ни считаться не могут. Но вскоре обнаружилось, что уже первые сказы звучали очень современно. И это понятно: их «записал по памяти» советский писатель. В последующих сказах Бажов, отходя все дальше от следования фольклорным сюжетам, уже сознательно — в пределах указанных выше возможностей — приближал сказы к современности. И он обязан был так делать, удовлетворяя требованиям советского читателя. И тогда же для Бажова стала не только приемлемой, но и

---

[1] «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 17.

необходимой мысль о том, что сказовый Слышко — не В. А. Хмелинин, а художественный образ, для которого старый Хмелинин был лишь прототипом. Очевидно, этот процесс осознания писателем характера своего творчества был трудным и медленным. И Бажов признал, что в образе Слышко «какие-то элементы поэтизации, конечно, есть»; «вероятнее всего, что он показывается лучше» [1].

Конечно, кроме названных выше, многие другие личные качества В. А. Хмелинина перешли в образ Слышко. Бажов характеризовал Хмелинина как очень живого старика, острого на язык. Он мог быть и веселым балагуром, но всегда был беспощаден в оценках заводского начальства и заводчиков.

Дед любил детей и охотно рассказывал им свои сказы и побывальщины. Бажов до конца с восхищением вспоминал в Хмелинине мастерство рассказчика, называл его «подлинным художником».

Все эти черты легко обнаруживаются в образе деда Слышко.

Особенности вступления П. П. Бажова в нашу литературу определили обращение его к сказовой форме, естественно выросшей из «фольклорной записи», произведенной по памяти, причем невозможно, да едва ли и нужно определять, где кончается установка писателя на фольклорную запись и начинается осознанный переход к сказу, как к литературной форме.

Сказовая форма может использоваться в разных эпических жанрах — не только в рассказе, но и в повести, и в романе. Писатель Бажов, раз избрав позицию «сказителя в литературе», в основном своем жанре — жанре рассказа в его сказовой разновидности — уже не сходил с этой позиции.

* * *

Сказовое творчество П. П. Бажова выросло на почве советской действительности как отзыв большого художника на самые насущные нужды народа. Сказы Бажова, написанные в 1936—1941 годах, являются глубоко актуальными по своей проблематике, глубоко реалистическими произведениями о прошлом, освещаемом с высоты достижений советской действительности. Поэтизация людей

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 148.

творческого труда и показ в них лучших типических черт национального русского характера, сатирическое осмеяние эксплуататоров, осуждение социального строя, основанного на эксплуатации, и тем самым утверждение и прославление советской действительности, как осуществления вековых устремлений трудящихся, совершенство художественной формы и, в частности, яркость образов, красочность, выразительность и простота языка — таковы главные достоинства сказов Бажова. Они объясняются талантливостью писателя, обращением его к народно-поэтическому творчеству и — главное — верным и глубоким пониманием коренных потребностей советского народа.

Глава III

СКАЗОВОЕ ТВОРЧЕСТВО П. П. БАЖОВА В СОРОКОВЫЕ ГОДЫ

1

22 июня 1941 года на нашу страну вероломно напала гитлеровская фашистская армия. Весь советский народ поднялся на защиту своей Отчизны. Началась Великая Отечественная война Советского Союза.

Коммунистическая партия, вождь партии великий Сталин призвали советский народ к защите свободы, чести и независимости Родины, организовали советских людей на упорную и самоотверженную борьбу против врага, угрожавшего самим основам нашей жизни.

В своем выступлении по радио 3 июля 1941 года И. В. Сталин с той прямотой и исчерпывающей ясностью, с какой наша партия всегда говорит с народом, раскрыл всю силу опасности, нависшей над Родиной, разъяснил особенности начавшейся войны и дал развернутую программу действий советского народа во время войны.

«Все для фронта! Все для победы!» — этот призыв партии определял принципы повседневного поведения наших людей в годы войны.

Он стал руководящим принципом деятельности всех советских писателей. Многие из них ушли на фронты Отечественной войны, работали и во фронтовой прессе, и в качестве военных корреспондентов центральных газет.

С первых же дней войны в газетах и журналах печатались сотни произведений советских писателей — сначала в «малых», наиболее оперативных жанрах — рассказа, очерка, стихотворения — произведений, в которых показывалось лицо врага, варварские злодеяния фашистских дикарей, вторгнувшихся в пределы советской земли; воспроизводились славные страницы героического прошлого нашей страны, вдохновлявшие народ на борьбу; воспевались подвиги первых героев Отечественной войны. Произведения советских писателей помогали партии и советскому государству мобилизовать все силы народа на тяжелую, суровую, упорную борьбу,— на борьбу до победы.

На выступление В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 года свердловская организация писателей откликнулась таким заявлением: «Уверенные в неизбежном разгроме провокаторов войны, мы все свое творчество, все свои мысли и чувства направим на создание оборонно-патриотических произведений и, если понадобится, сменим перо на винтовку, не жалея сил и жизни для защиты любимой родины» [1].

Задача создания оборонно-патриотических произведений была принята П. П. Бажовым как ответственнейшее политическое, партийное задание.

21 августа 1941 года в газете «Уральский рабочий» был напечатан сказ Бажова «Про главного вора» — первый из цикла произведений, которые позднее составили сборник «Сказы о немцах».

Переход Бажова к работе над оборонно-патриотическими произведениями, служащими непосредственно целям борьбы против немецко-фашистских захватчиков, не был столь легким и простым, как это может показаться на первый взгляд. У самого писателя были сомнения и колебания по коренному для него вопросу: может ли его жанр сказа о прошлом, да еще с элементами фантастики, быть полезным советскому народу в его смертельной схватке с опаснейшим врагом?

Позднее писатель так говорил об этом: «В начале войны было сомнение, следует ли в такое время заниматься сказкой, но с фронта ответили и в тылу поддержали:

— Старая сказка нужна. В ней много той дорогой были, которая полезна сейчас и пригодится потом. По этим доро-

---

[1] «Уральский рабочий», 24 июня 1941 г., № 147.

гим зернышкам люди наших дней въявь увидят начало пути, и напомнить это надо»[1].

А пока «с фронта ответили и в тылу поддержали», надо было решить для себя и этот коренной вопрос и ряд других, вытекавших из него или связанных с ним: если сказкой заниматься следует, то какой она должна быть? О чем она должна говорить? Какой объект изображения из прошлого может быть нужен и полезен советскому народу в дни войны? Не должна ли теперь сказка и из прошлого выбрать что-то такое, что во времени лежало бы ближе к современности? Где взять такой материал? Может ли испытанный рассказчик дед Слышко и сегодня быть использован в сказке на оборонно-патриотическую тему? Или же приближение сказов к событиям войны потребует замены деда Слышко другим рассказчиком?

На все эти вопросы требовалось ответить быстро, так как они были насущнейшими для Бажова творческими вопросами. От того или иного ответа на них зависело, насколько быстро и хорошо выполнит писатель взятое на себя обязательство перед народом и партией — создать оборонно-патриотические произведения.

Сказовая форма, форма повествования небольшого размера, к этому времени уже в совершенстве освоенная писателем, позволяла откликнуться на события очень быстро. До сих пор в бажовском сказе неизменно повествовалось о далеком прошлом. Самый образ рассказчика-старика был приспособлен именно к повествованию о прошлом. И в прошлом достаточно было фактов, которые отлично могли служить выполнению оборонно-патриотического задания, взятого на себя П. Бажовым. Следовало лишь найти и выбрать такие факты.

И сама жизнь подсказала Бажову, какие именно факты из прошлого следовало взять для отображения в сказах военного времени.

В речи 3 июля 1941 года товарищ Сталин так характеризовал цели гитлеровцев, навязавших войну Советскому Союзу: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстанов-

---

[1] Статья «Чему научили годы войны?» Из дневника П. П. Бажова «Отслоения дней». Архив П. П. Бажова.

ление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идёт, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение» [1].

В речи вождя писатель увидел ответы на стоявшие перед ним творческие вопросы. Был прямой смысл показать в сказах, как в дореволюционном прошлом «немецкие князья и бароны» хозяйничали на русских землях, попав туда в порядке, так сказать, «мирного проникновения». Такие сказы должны были заставить читателя подумать и понять, что может значить для наших людей опасность превращения «в рабов немецких князей и баронов», по-разбойничьи ворвавшихся на нашу землю.

Показательно, что в начале войны в «Правде» была напечатана статья М. Шагинян «Немецкие воры-помещики». Писательница говорила о расчетах немецких захватчиков завладеть советскими землями, стать помещиками на них и на опыте исторического прошлого разъясняла, что это значило бы. Цитируя поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», она напоминала о грабительской «практике» Христиана Христианыча и о расправе крестьян с иноземным кровососом [2].

Эту же тему Бажов мог разработать на своем материале — на материале прошлого уральской промышленности.

Так он пришел к теме «немецких начальников на дореволюционных уральских заводах».

2

Засилье иностранного капитала в промышленности царской России — факт общеизвестный. Уральская промышленность отнюдь не была исключением. «Отливы» и «приливы» иноземцев в разные периоды истории промышленного производства на Урале, различный облик иностранных хищников, скажем, в доимпериалистическую эпоху и в

---

[1] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5, Госполитиздат, 1947, стр. 13.

[2] «Правда», 6 августа 1941 г., № 216 (3624).

эпоху империализма, различные способы проникновения их и различный характер самого хищничества — все это не меняет отмеченного факта.

К заводам и рудникам старого Урала много присосалось, в частности, любителей легкой наживы, приехавших из Германии. Они использовали всевозможные средства для того, чтобы «припаиться» к доходам уральской промышленности. Купцы-промышленники, со временем утратившие вкус к непосредственному руководству производством, купившие заграничные титулы и вылезшие в «знать», охотно роднились с немецкими захудалыми баронами и прочими иноземными проходимцами. Так немецкие бароны становились совладельцами или даже владельцами промышленных предприятий. Следует учесть, что на Урале, как и вообще в России, немцами называли всех иноземцев. Нередко из числа заграничной родни уральских заводовладельцев набиралась и заводская администрация. Немало заводов попало в руки иноземцев стараниями представителей царской фамилии, ненавидевших русский народ и боявшихся его.

Но Хмелинин почти ничего не рассказывал о иноземном засилье в промышленности, потому что «сысертские владельцы не больно чужестранных привечали» (сказ «Заграничная барыня»), хотя «по другим заводам таких на моих памятях многонько в начальстве ходило». Лишь очень немногое припомнилось из практики сысертских заводовладельцев.

Разработка темы «немецких начальников» обязывала писателя выйти за границы Сысертского горного округа, привлечь материалы, касающиеся других уральских заводов. А это значило, что сама жизнь, развитие общественных событий ускорили то, что давно уже назревало в творчестве Бажова: смену рассказчика в его сказах, замену деда Слышко другим рассказчиком.

В поисках материала для своих новых сказов Бажов обратился прежде всего к «памяти народной», к горняцким старикам, к их преданиям, к их воспоминаниям о прошлом.

Сам писатель в 1943 году так рассказывал об этом: «Сейчас я занимаюсь... собиранием материалов о немцах на Урале. Началось это таким образом. Я был в дер. Кунгурке, старой горняцкой деревне, где имеется большой медный рудник Дегтярка. В этой деревне Кунгурке живет горщик Н. И. Мельников... Я спрашивал: «Слыхал ли ты о старинных немцах?». Он рассказал о немце Бреде (Бреве-

ре? — *М. Б.*), которого я знаю, — такой жуликоватый приказчик, который вблизи этих мест подвизался. Я спрашиваю: «О старинных слыхал ли?»... — «Про одного немца говорили, что он гору проглотил и все наши заводы сшамкал». Приезжаю [в другой район] — тоже разговоры начал. Я спрашиваю, не слыхали ли про старинных немцев. Один говорит — я слыхал, что был такой, что гору проглотил иползавода слопал» [1].

Бажов безошибочно определил зародыш легенды, которая еще в давние годы начала складываться среди уральских горняков.

В результате поисков, произведенных писателем, и появился первый из цикла «военных» сказов Бажова: «Про главного вора. Сказ дегтярского горняка». Он ведется не дедом Слышко, а безымянным «дегтярским горняком», тоже «дедом», но уже нашим современником.

Вслед за сказом «Про главного вора» в годы войны вышли сказы «Иванко-Крылатко», «Чугунная бабушка», «Провально место», «Заграничная барыня», «Хрустальный лак», «Тараканье мыло», «Веселухин ложок», составившие сборник «Сказы о немцах». К этому же сборнику примыкают сказы «Железковы покрышки» (1943 г.) и «Алмазная спичка» (1945 г.).

Еще в феврале 1942 года товарищ Сталин исчерпывающе определил отношение советского народа и его армии к гитлеровским захватчикам: «Конечно, Красной Армии приходится уничтожать немецко-фашистских оккупантов, поскольку они хотят поработить нашу Родину, или когда они, будучи окружены нашими войсками, отказываются бросить оружие и сдаться в плен. Красная Армия уничтожает их не ввиду их немецкого происхождения, а ввиду того, что они хотят поработить нашу Родину» [2].

Писатель Бажов, работая в годы войны над циклом сказов о «немецких начальниках», исходил из указаний и оценок великого Сталина, в свете этих указаний и оценок

---

[1] Стенограмма (неправленная) выступления на уральской межобластной научной конференции на тему «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе» в Молотове, в 1943 г. Архив П. П. Бажова. См. об этом же в статьях Бажова: «О путях к чудесному», газ. «Литература и искусство», 6 февраля 1943 г., № 6 (58) и «Собирание рабочего фольклора» в газ. «Звезда», 18 июня 1943 г., № 126, г. Молотов.

[2] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5, Госполитиздат, 1947, стр. 47

рассматривал факты прошлого и передавал в сказах отношение нашего народа к чужеземным колонизаторам.

«Сказы о немцах» Бажова отнюдь не направлены против немцев вообще, отнюдь не направлены против немецкого народа. Ему, писателю-коммунисту, была органически чужда идея национальной преимущественности. Он был последовательным пролетарским интернационалистом. В одном из сказов 40-х годов Бажов писал: «По нашим местам в этом деле, — и верно, — смешицы много. Бывает, что в русской семье поминают бабку Фатыму, а в башкирской, наоборот, какая-нибудь наша Маша-Наташа замешалась. Известно, с давних годов башкиры с русскими при одном деле на заводах стояли, на рудниках да приисках рядом работали. При таком положении немудрено, что люди и песней, и сказкой, и кровями перепутались... Да и привычны мы к этому. Никто за диво не считает» («Старых гор подаренье»).

Писатель утверждает, таким образом, что стремление к братству и дружбе с другими народами является исконной чертой трудящихся, простых русских людей.

Рисуя немецких начальников на уральских заводах, Бажов отнюдь не чернит в них всего. Так, о Фуйке Штофе, работавшем мастером на Златоустовском заводе, рассказчик говорит: «...на деле оказалось — понимающий мужик. Глаз хоть на выкате, а верный, руке с инструментом полный хозяин и на работу не ленив. Прямо сказать, мастер» («Иванко-Крылатко»).

Русский рабочий человек умеет ценить мастерство и уважительно относится к мастеру, какой бы национальности он ни был.

«Немецкие начальники» на Урале, в соответствии с исторической правдой, рисуются Бажовым не в качестве немцев вообще, а как носители типических и широко известных черт немецкого мещанина. Именно с ними сталкивался простой рабочий дореволюционных уральских заводов, — сталкивался, как со своими классовыми врагами. Их он видел в числе своих «начальников», эксплуататоров, и, естественно, немецкие эксплуататоры были ненавистны ему не менее, чем эксплуататоры отечественные.

Ф. Энгельс в уничтожающем критическом разборе работы К. Грюна о Гёте отмечал в немецком мещанине тупое самодовольство; страшную в своей заскорузлости убежденность в безусловном превосходстве немецкой нации над все-

ми другими нациями («человек вообще есть не кто иной, как «проясненный немец»); консервативность, «страх перед всяким современным великим историческим движением»; «плоское, самодовольное разнюхивание, которое во все решительно вмешивается, но ни в чем не в состоянии разобраться»; трусость и лакействование перед теми, кто хотя бы ступенькой выше стоит на лестнице общественной иерархии; издавна усвоенную привычку руководствоваться своекорыстными интересами в отношении ко всему окружающему [1].

Эти черты видели дореволюционные уральские рабочие в наезжих «немецких начальниках», такими запомнили их. Поэтому писатель Бажов в своих сказах именно таким рисует немецкого мещанина.

Фуйко Штоф — хороший мастер, но он ремесленник, лишенный творческого подхода к труду. Он чванлив и заносчив. Свое прозвище Фуйко получил за то, что на все русское «у него одно слово: фуй да фуй»; а своей работой он «похваляется: «Это есть немецкий рапота». На деле же Иванко-Крылатко одержал победу над Фуйкой в трудовом соревновании (сказ «Иванко-Крылатко»). Отвратительно корыстолюбив наезжий заводовладелец Бревер, тот, что «гору проглотил и заводы у казны украл», — «несусветный вор, ненасытное брюхо» («Про главного вора»). Обманным путем пытается выведать у тагильских мастеров секрет производства хрустального лака проходимец и жулик, бесстыжий Двоефедя, агент-разведчик немецких промышленников («Хрустальный лак»). Хвастлив и заносчив, ограниченный, но напускающий на себя «ученость» другой немецкий шпион, прозванный рабочими Тараканьим мылом.

Ремесленнический подход к труду; педантическое следование «нормам» и «правилам», какими бы «авторитетами» они ни были установлены: начальством ли или рецептами немецкой горной науки; непоколебимое тупое самодовольство от сознания тщательности выполнения авторитетного «рецепта»; чванство национальным «превосходством», выдуманным немецкими шовинистами; завистливость к богатствам других народов и стремление воспользоваться этими богатствами, не разбираясь в средствах; беспощадная,

---

[1] Ф. Энгельс, Карл Грюн: «О Гёте с человеческой точки зрения». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, Госполитиздат, 1929, стр. 133—156.

безжалостная эксплуатация трудящихся, сочетающаяся с отвратительным пренебрежением к ним, — такие широко известные черты немецкого мещанина показывает в своих сказах П. Бажов.

Об одном из «немецких начальников» Бажов говорит: «Обер-мастером назывался, а в деле мало смыслил. Об одном заботился, чтоб все по уставу велось. Хоть того лучше придумай, ни за что не допустит, если раньше того не было. Звали этого немца Устав Уставыч, а по фамилии Шпиль» (сказ «Алмазная спичка»).

В характеристике немецкого обер-мастера примечательна переделка его имени в духе так называемой «народной этимологии». Непривычное для русского человека имя — Густав — Бажов подменяет кличкой «Устав». Она не только всем понятна, но и точно передает типовую черту «немецких начальников», воспитанную в них длительным засильем военщины, палочной дисциплиной, столь характерной для германского юнкерского государства. О жене Шпиля так и говорится: «на том выращена, чтоб палку за бога почитать».

Сатирические образы немецкого мещанина в классической русской литературе широко известны. Они имеются в таких, например, произведениях, как «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, «За рубежом» М. Е. Щедрина, очерк «Больная совесть» Г. И. Успенского, «Железная воля» Н. С. Лескова. Бажов и в этой области во многом следует нашей старой литературе.

Обращает на себя внимание близость образов «немецких начальников» в сказах Бажова к образам немцев у Лескова — прежде всего в повести «Железная воля». Гуго Пекторалису свойственно стремление подчинить других своей немецкой «железной воле» — с тем, чтобы при ее содействии «произвести в России большие захваты». Собственно, ради того, чтобы нажиться, он и явился в Россию. Пекторалис со снисходительным пренебрежением относится ко всему русскому. Залог успеха своей «колонизаторской» деятельности он видит в непреклонном следовании велениям собственной «железной воли», в неукоснительном выполнении раз поставленной перед собой задачи, чего бы это ни стоило и как бы нелепа по ходу событий она не оказалась. Все, что предпринято и сделано им самим, Пекторалис считает безусловно правильным, хотя бы жизнь убедительно доказывала обратное, заставляя прямолинейного немца

жестоко страдать от его собственных ошибок, нелепых предприятий и замыслов, несчастнейшим рабом которых сам же он и становится.

Немцы в сказах Бажова отдельными своими чертами напоминают Гуго Пекторалиса. Оба писателя — и Бажов и Лесков — верно отразили типические черты немецкого мещанина. Все «немецкие начальники» сказов Бажова именно за наживой явились в Россию, с целью постепенной ее колонизации. Пренебрежительное отношение ко всему русскому в Фуйке Штофе выше было уже показано. Фуйку характеризует также неукоснительное следование традициям и нормам его ремесла. Деревянной прямолинейностью в мыслях и действиях отличаются немецкие заводоуправители в сказе «Веселухин ложок». Считая себя непогрешимым, «ученый разведчик» «Тараканье мыло» становится смешной жертвой преувеличенного представления о собственных талантах, знаниях и способностях.

Ощущение близости образов немецких мещан в сказах Бажова и в повести Лескова в значительной мере определяется также сказовой формой произведений обоих писателей и общим для того и другого ироническим отношением к изображаемому.

Но вместе с тем есть существенное различие в образах немецких мещан у Лескова и Бажова. Образ Гуго Пекторалиса — сатирический, но это сугубо бытовая сатира. В основном Пекторалис рисуется как забавный чудак. Комический эффект здесь создается противоречием между субъективным представлением Гуго Пекторалиса о себе и о своей «железной воле», с одной стороны, объективной общественной значимостью его самого и реальными результатами приложения его «железной воли», с другой. Первое путешествие Гуго по России, история его женитьбы, то, как он пил густой до черноты чай и из упрямства не хотел признаться, что попросил такого чаю по недостаточному знанию русского языка и т. п., вплоть до трагикомической кончины Гуго, объевшегося блинами, — во всех эпизодах повести, даже в истории борьбы Пекторалиса с мастером Сафронычем, единственным лицом, страдающим от маниакального следования Пекторалиса велениям его «железной воли», является только он сам. О том, что Гуго намеревается «произвести в России большие захваты», в повести Лескова говорится мимоходом, и Гуго умирает прежде, чем он осуществил свои намерения.

В сопоставлении с образом Пекторалиса образы немцев-эксплуататоров в сказах Бажова оказываются более глубокими, так как его сатира значительно острее. Бажовым беспощадно осмеяно все, в чем проявлялись типические черты немецкого мещанина, причем проявления их оказываются далеко не безобидными.

Великолепных коней нарисовал на булатной сабле Иван Бушуев. Билась в его рисунке живая творческая мысль, крылатая мечта подлинного художника. Но недоступно понимание истинно прекрасного ремесленнику Фуйке Штофу, натуралистически копирующему природу, озабоченному только тем, чтобы работа была технически чисто выполненной, чтобы все было в точном соответствии с предписаниями традиций его ремесла. «Шум подняли» заводские начальники, увидев рисунок Бушуева: «Какой глюпость! Кто видел коня с крыльом! Пошему корона сбок лежаль? Это есть поношений на коронованный особ!» Тупость подобных суждений о рисунке Ивана Бушуева очевидна. Но это не безобидная тупость, являющаяся частным делом самого тупицы. За «поношений на коронованный особ» немецкие заводоуправители готовы «в тюрьму загнать» талантливого мастера, и он еще дешево отделался, заплатив штраф и оказавшись изгнанным с завода. Так Бажов обнажает классовые корни ненависти рабочих к «немецким начальникам».

Обманул царицу немецкий промышленник Бревер. Заявил он ей, что казенные заводы только тогда принесут доход, когда будут переданы в частные руки:

— А мне за такой совет отдать гору Благодать... Ну, и заводы, которые при горе строятся, мне же отдать придется, чтоб из-за них беспокойства не случилось. Уж потружусь как-нибудь.

...С той поры вот все казенные заводы и расползлись по барским рукам, а немец тот — главный-то вор — больше всех захватил. Ему гороблагодатские заводы достались, да еще царица сделала его главным над всеми здешними заводами. Он и давай хапать, что углядит» («Про главного вора»).

Здесь не простое осмеяние воровских наклонностей Бревера, а выражение народной ненависти к чужеземным расхитителям национального достояния русского народа.

Особенно существенно в некоторых сказах военных лет то, что рассказчик, в отличие от деда Слышко, уже осознал

себя хозяином своей земли и по-хозяйски оценивает факты прошлого.

«Дегтярский горняк», рассказывающий историю «Про главного вора», уже старик. Но на его глазах прошла социалистическая революция, она обновила его родную шахту, о чем он говорит с гордостью. На основании своего жизненного опыта он отлично понял, что есть такое слово, которое «все перекрыть может», — слово «большевик». «Большевик» — так и назвали рабочие шахту, где когда-то нагло хозяйничали чужеземцы и которую они «для важности» назвали «Берлин». И, конечно, в оценках старого горняка, который в условиях капиталистической (и полукрепостнической) эксплуатации «всю жизнь по рудникам да приискам кайлой долбил да лопаткой ширкал», не может быть и намека на благодушие, когда он говорит о своем каторжном прошлом и о тех, кто в интересах собственной наживы поддерживал каторжные условия труда и быта уральских рабочих.

В сказе «Веселухин ложок» отмечается отсутствие какого бы то ни было эстетического вкуса у «заводских немцев». В вопросах искусства немецкие начальники не знают другого критерия, кроме денежной оплаты. «Сколько платиль за такой глюпый расцветка?» — спрашивают они Панкрата, вызывая уничтожающий ответ мастера: «Эх, вы, слепыши! Разве можно такое дело рублем мерить! Столько и платил, сколько маялся. Только вам этого не понять...»

Немецкие управители осмеиваются и осуждаются здесь как эксплуататоры, представители классово-враждебного лагеря. Национальное чувство при этом играет известную роль, но лишь постольку, поскольку чужеземцы оскорбляют его, проявляют возмутительную бестактность по отношению к местным традициям и обычаям, к русскому народному вкусу, к национальной форме в искусстве («такой глюпый расцветка...»).

Сказ Бажова был актуален в годы войны своей направленностью против человеконенавистнического расизма немецких фашистов, против их измышлений о неполноценности и вырождении славян.

Бажовская сатира на немецкого мещанина, по форме очень близкая к сатире Лескова, по содержанию существенно отличается от нее, будучи значительно более острой и глубокой. Объясняется это тем, что в сказах Бажова нашла

выражение народная оценка широко известных фактов засилья чужеземцев в старой уральской промышленности. По остроте своей сатира Бажова значительно ближе к сатирическим характеристикам немцев в России, данным Некрасовым, или к характеристикам германского милитаризма в произведениях Щедрина, а также Г. Успенского.

При этом следует оговориться, что и в вопросах художественной формы сатирического отображения определенных сторон действительности Бажов отнюдь не был последователем Лескова или какого-либо другого писателя. Критически осваивая литературное наследство, развивая традиции русской классической литературы, Бажов стремился использовать все ее достижения. Для него не было приемлемым многое в произведениях Лескова — как в области содержания, так и в области формы. С другой стороны, существует определенная преемственность между Щедриным и Бажовым. Факты, свидетельствующие о ней, имеются и в сказах о наезжих немецких начальниках. Таковы, например, предельно резкие формулы-оценки в сказах Бажова, напоминающие Щедрина — замечательного мастера кратких, метких и уничтожающе резких сатирических формул. Передавая в сказе исторический факт, — как царица Анна Ивановна отдала Бреверу гору Благодать с прилегающими к ней заводами, — Бажов пишет: «Царице и думать нечего. Да у ней только три слова грамоты и было: сослать, да повесить, да быть по сему. Живо немцу бумажку нужным словом подмахнула». Очевидна связь образа царицы из сказа Бажова, не желающей и не умеющей думать, с щедринским образом градоначальника Брудастого, который имел в голове органчик, исполнявший только две пиесы: «разорю!» и «не потерплю!». Следуя Щедрину, Бажов подчеркивает удручающую глупость и общественную зловредность царицы, причем использует для этого средства сатиры, близкие щедринским.

Как и в сказах о русских заводовладельцах и управляющих, в сказах о немецких начальниках на службу сатирическому изображению поставлены все словесно-художественные средства. Вот как, например, характеризуется один из немцев-заводовладельцев и его тетушка в сказе «Чугунная бабушка». «Это уж так повелось, — где богатое купецкое наследство, там непременно какой-нибудь немец пристроился. К расторгуевскому подобрался фон-барон Меллер да еще Закомельский. Чуешь — какой коршун? После пя-

того года на все государство прославился палачом да вешателем. В ту пору этот Меллер-Закомельский еще молодым жеребчиком ходил. Только что на Расторгуевой женился и вроде как главным хозяином стал... У этого Меллера была в родне какая-то тетка Каролина. Она будто Меллера и воспитала. Вырастила, значит, дубину на рабочую спину. Тоже, сказывают, важная барыня — баронша... Кто видел, говорили — сильно сытая, вроде стоячей перины, ежели сдаля поглядеть.

И почему-то эта тетка Каролина считалась понимающей в фигурном литье... Меллер завсегда с этой теткой совет держал... Уехала немецкая тетка Каролина куда-то за границу. Долго там ползала. Кто говорит — лечилась, кто говорит — забавлялась на старости лет». Когда она вернулась и увидела чудесную статуэтку каслинского мастера Василия Торокина — его «чугунную бабушку», то «визгом да слюной чуть не изошлась. На племянничка своего поднялась: «Скоро.... до того дойдешь, что своего кучера либо дворника себе на стол поставишь». ...Меллер, видно, умишком небогат был, забеспокоился: «Простите-извините, любезная тетушка».

Такова уничтожающая характеристика Меллера-Закомельского и его тетки. Он палач-вешатель, пронырливый охотник за богатым приданым, бездарный руководитель производства, глупый и лишенный элементарного эстетического вкуса. Развратная тетка Меллера столь же бездарна, но бездарность ее воинствующая, как воинствующе ее презрение к людям труда.

Отвратительному психическому облику тетки соответствует ее неприглядная внешность «стоячей перины», ее истерическая реакция на то, что ей неприятно («визгом да слюной чуть не изошлась»). Прием гротеска, используемый Бажовым в изображении Каролины, сближает ее образ с образом русского барина-заводовладельца в сказе «Хрупкая веточка».

Наконец и подчеркнуто эмоциональная лексика также поставлена на службу сатирическому изображению чужеземных охотников до чужого добра. «Тетка Каролина» за границей «долго ползала». О смерти ее говорится так: «убралась к чортовой бабушке немецкая тетушка», а после революции «в ту же чортову дыру замели каролинкину родню — всех Меллеров-Закомельских, которые убежать не успели».

В годы войны слова Бажова о судьбе «каролинкиной родни» учили советских солдат надлежащему «обхождению» с фашистскими оккупантами, тоже приходившимися «родней» покойной Каролинке, — «обхождению», вполне соответствующему знаменитым горьковским словам, приведенным в приказе Народного Комиссара Обороны от 23 февраля 1942 года: «Если враг не сдается — его уничтожают».

Немало натерпелись от «немецкого начальства» рабочие дореволюционных уральских заводов и рудников. На их глазах шло безудержное расхищение национального достояния русского народа чужеземцами. Таковы причины выраженного в сказах Бажова резко отрицательного отношения старых рабочих уральской горнозаводской промышленности к немецким баронам, явившимся на Урал в качестве заводских начальников. В своей оценке иноземных колонизаторов писатель Бажов следовал русской пословице: «Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что он овцу съел», — пословице, приведенной И. В. Сталиным в докладе «27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Объясняя отношение советских людей к немецко-фашистским захватчикам, товарищ Сталин говорил тогда:

«Советские люди ненавидят немецких захватчиков не потому, что они люди чужой нации, а потому, что они принесли нашему народу и всем свободолюбивым народам неисчислимые бедствия и страдания» [1].

На своем, особенном материале П. П. Бажов выполнял ту же задачу, что и другие советские писатели, дополняя их. «Сказы о немцах» Бажова по их общественной функции стоят в одном ряду с «Наукой ненависти» М. Шолохова, многими стихотворениями К. Симонова, А. Суркова и других советских поэтов, с повестью В. Василевской «Радуга» и рядом других произведений нашей литературы тех лет. «Я призываю к ненависти», — так озаглавил А. Н. Толстой одну из своих статей, написанную в 1941 году [2].

Насущная необходимость воспитания в бойцах Советской Армии страстной и непримиримой ненависти к врагу подсказывалась самой жизнью, опытом первых же месяцев

---

[1] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5, Госполитиздат, 1947, стр. 161.

[2] «Правда», 28 июля 1941 г., № 207 (8615).

Отечественной войны. В приказе от 1 мая 1942 года Народный Комиссар Обороны И. В. Сталин указывал:

«...нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души» [1].

Именно эти слова вождя использовал М. Шолохов в качестве эпиграфа к своей «Науке ненависти» [2].

Своеобразными средствами сказового жанра в литературе, используя факты истории Урала, П. Бажов осуществлял важнейшую идеологическую задачу военного времени, вытекавшую из указаний И. В. Сталина.

Тема «немецких начальников» в сказах Бажова была естественным в годы войны развитием одной из тем довоенных его сказов: темы сатирического изображения эксплуататоров.

Не все «сказы о немцах» были новыми произведениями Бажова и не все художественно полноценными. Стремясь удовлетворить потребности народа и армии, Бажов писал и новые «сказы о немцах», и использовал частично свои старые сказы, в которых были выведены образы «немецких начальников» на уральских заводах. Так, сказ «Провально место» представляет собою извлечение из сказа «Две ящерки» (1939 г.). Сказ «Заграничная барыня» является таким же извлечением из сказа «Таюткино зеркальце», написанного перед войной. Сказ «Про главного вора» по своим художественным достоинствам невысок, и поэтому писатель не включал его в последующие сборники сказов. Но в ту пору и эти сказы были оружием в борьбе против врага.

Понятно, что сатирическое отображение в сказах «деятельности» тех любителей легкой наживы, которые являлись предками фашистских захватчиков, вторгнувшихся в нашу страну с целью порабощения ее, вполне согласовалось с оборонно-патриотическим заданием, взятым на себя писателем Бажовым на другой день после начала войны.

В сказах военных лет русские заводовладельцы и представители русской администрации в их отношении к немецким колонизаторам изображаются, как носители самого оголтелого низкопоклонства перед всем иноземным. Давно утратившие духовные связи с русским народом, озабочен-

---

[1] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1947, стр. 55.

[2] «Правда», 22 июня 1942 г., № 173 (8944).

ные только тем, чтобы как можно больше выжать доходов из предприятий, они, как и чужеземные их соратники, только «паслись» в уральской промышленности, не заботясь ни об усовершенствовании производства, ни тем более об улучшении условий труда и быта рабочих. Те и другие — классовые враги пролетариата, враги трудового народа. Но отечественные эксплуататоры выглядят еще более подлыми, так как они не только тунеядцы, но предатели национальных интересов. Таковы они все, начиная с самодержцев всероссийских. Выше говорилось о том, как показана в сказе «Про главного вора» царица Анна Ивановна. Дополним ее характеристику словами Бажова: «у немцев в ту пору при царице которой-то большая сила была. Как на собачью свадьбу их сбежалось, и все в чинах. Этот — генерал, другой — министр, а у третьего должность того выше — при царице вроде мужа ходит. Ну, и мелких немчиков большая стая». Так рисуется ближайшее окружение царицы в мрачное и позорное время «бироновщины». Но и при других царях чужеземные искатели легкой наживы чувствовали себя вольготно. Царский двор задавал тон низкопоклонства перед иностранцами. Вслед за двором представители местной администрации, забыв о национальном достоинстве и национальных интересах, наперебой старались выслужиться перед -сяким иностранцем, появлявшимся на Урале с «высокими» рекомендациями.

«Раз тот немец от вышнего начальства присланный, не прекословить же ему. Начальство, значит, слушает немца, спины гнет да приговаривает:

— Так точно, ваше немецкое благородие. Истинную правду изволите говорить...» — так рассуждало и действовало местное «горное начальство» (сказ «Тараканье мыло»).

Когда приехал в Нижний Тагил «проезжий барин из немцев», охотник за тайной хрустального лака, то «от заводского начальства ему все устроено, а урядник да стражники чуть не стелют солому под ноги тому немцу» («Хрустальный лак»).

«Сказы о немцах» существенно расширяют и дополняют содержащуюся в довоенных сказах Бажова сатирическую характеристику уральских заводовладельцев, заводской администрации и самодержавной государственной власти. В «Сказах о немцах» подчеркивается антинародный характер буржуазного общественного строя и самодержавно-бюрократической власти, продажность представителей цар-

ского государственного аппарата, антипатриотический, антинациональный характер политики царизма.

В условиях Великой Отечественной войны такое напоминание о том, что представляли собой старые заводские власти и царская администрация, было особенно уместным. Сказы Бажова содействовали воспитанию и укреплению чувства животворного советского патриотизма в наших людях. Они вносили нечто новое в художественное познание прошлого и укрепляли горячую любовь советских людей к своему родному, подлинно народному Советскому правительству, учили еще больше дорожить великими завоеваниями социалистической революции и защищать их, не щадя ни сил, ни самой жизни.

3

Пафос «Сказов о немцах» — не только в сатирическом осуждении доморощенных и наезжих паразитов трудового народа, но прежде всего — в показе и утверждении лучших национальных черт русского человека, в изображении благородного морального облика людей труда.

В большинстве сказов Бажова военных лет образам «чужеземных начальников» противопоставлен образ мастера-умельца, человека творческого склада, носителя лучших черт русского национального характера. В годы войны правдивый показ трудолюбия и талантливости, ума и сметливости, стойкости характера и инициативности русского трудового народа имел тем большее значение, что он противостоял бредовым расистским измышлениям фашистских человеконенавистников. В этом противопоставлении тема творческого труда, основная тема Бажова, в сказах военных лет получает свое дальнейшее развитие.

Противопоставленный жуликоватому Двоефеде тагильский мастер Артюха Сергач, — один из тех, кто владел тайной хрустального лака. Он человек творческого склада, «мужик с выдумкой», «нет-нет и придумает что-нибудь новенькое, либо какую неугодную начальству картинку в поднос вгонит». Способность к творчеству, мастерство в труде, своеобразно проявляющаяся оппозиционность по отношению к «начальству» и являются причиной популярности его изделий в народе: «Артюхина поделка на большой славе была». По тем же причинам Артюха является положительным героем сказа.

Русская сметка, творческий подход к труду — качества, противостоящие склонности немецкого мещанина к прямолинейному следованию нормам и правилам, позволяют Артюхе в «игре на смекалку» «переиграть» Двоефедю. Тот уезжает из Тагила, так и не выведав состава и способа изготовления хрустального лака («Хрустальный лак»).

Самовлюбленному и хвастливому Тараканьему мылу противопоставлен гранильщик Афоня Хрусталек, первоклассный мастер своего дела и отличный знаток уральских месторождений самоцветов. Он и не думает «опровергать» всю «немецкую науку». Но, задетый за живое бахвальством Тараканьего мыла, Хрусталек заявляет, что «и мы не без науки живем, и еще никто не смерил, чья наука выше». Афоня убедительно доказал, что он, коренной уралец, разбирается в камнях и знает их месторождения лучше наезжего бахвала, вздумавшего учить русских мастеров и «здешним горщикам камни показывать» («Тараканье мыло»).

В сказе «Веселухин ложок» в роли антипода непрошенным чужеземным «гостям» выступает мастер-рисовщик Панкрат, который на заводе «по рисовке и расцветке в головах ходил». Образ Панкрата во многом близок образам мастера Данилы и его сына Мити. Он знает и любит родную природу, в ней он находит источник прекрасного, темы и мотивы для своих расцветок. Панкрат олицетворяет творческие силы природы в образе Веселухи — своеобразной музы уральских рабочих, покровительницы задорного веселья и радостного мастерства. Она вдохновляет на творчество, но только тех, «у кого брюхо в подборе, дых легкий, ноги дюжие, волос мягкий, глаз с зацепкой и ухо с прихваткой», — то есть неутомимых искателей прекрасного, дружных с родной природой, у кого «глаз такой, что на всяком месте что-нибудь зацепить может: хоть на сорочьем хвосте, хоть на полом листке. А ухо, которое прихватывает и держит все, что ему полюбится... как ронжа звенит, как трава шуршит, как сосна шумит». Так объяснял Панкрат «ремесло Веселухи».

В качестве носителя многих прекрасных черт русской народной психологии и выведен в сказе мастер Панкрат, человек поэтической души, богатый на выдумку, неутомимый в труде и веселье, острый на язык, исполненный трудового достоинства и чувства независимости, несмотря на то, что он был крепостным человеком.

Развивая тему творческого труда, противопоставленного

ремесленничеству, Бажов и показывает немецких обывателей, воспитанных на слепом следовании параграфам уставов, как носителей ремесленнического отношения к труду. Немецкий мещанин в принципе против творческого подхода к труду, ибо творчество, «выдумка» несовместимы с механической дисциплинированностью. Человек бюрократического, «механического» склада рассматривает творческий подход к делу как смертный грех или, по меньшей мере, серьезный изъян в носителе «выдумки». Механическая дисциплинированность, слепое следование уставу неизбежно порождают ремесленничество. Резкость противопоставления творчества ремесленничеству в сказах Бажова усилилась, и развитие сказового сюжета приобрело бо́льшую остроту, нежели в цикле о камнерезе Даниле. Данило в известной мере противостоит старым полевским камнерезам. Они — люди честного труда, но, не задумываясь, выполняют заказы заводовладельцев и даже побаиваются «выдумки». И понятно, почему. «Выдумка» могла сойти за вину, а в ту пору было так: «за всякую вину спину кажи». Ни у автора, ни у читателя не возникает и тени осуждения старых крепостных мастеров — простых тружеников, выполняющих свой повседневный, изнуряющий не только тело, но и душу крепостной труд. Старые камнерезы добродушны, простосердечны и искренне желают добра молодому мастеру. Данило не сталкивается с ними, не они мешают ему осуществить его замысел. Причины его неудач совсем другие. Барин из сказа «Хрупкая веточка» противостоит Мите, но только как эксплуататор-угнетатель, а не носитель или хотя бы сторонник ремесленничества: он вообще ничего не понимает ни в труде, ни в искусстве.

Другое дело в сказах о немецких начальниках. Фуйко Штоф, являясь носителем самодовольного и воинствующего ремесленничества, активно противостоит Иванке-Крылатке. Точно так же Василию Торокину активно противостоит «немецкая тетушка» Каролина, являющаяся носительницей воинствующей бездарности. Фуйки и каролины, поддерживаемые русскими властями, преследовали талантливых русских мастеров.

Из числа довоенных сказов о мастерстве внешний конфликт наиболее остро развивается в сказе «Хрупкая веточка». Но, в конце концов, наказанным там остается барин, а Митя вместе с возлюбленной своей исчезают. В сказах «Иванко-Крылатко» и «Чугунная бабушка» русские мастера

уходят «из жизни с большой обидой», как Бажов говорит о Василии Федоровиче Торокине. Обострение конфликта в сказах Бажова военных лет было средством художественного отображения талантливости и ума русского человека. Именно поэтому сказы «Иванко-Крылатко», «Чугунная бабушка» были так популярны среди фронтовиков.

Оборонно-патриотическое значение сказов Бажова военных лет, прежде всего, тем и определяется, что в них писатель воспел замечательные качества простого русского человека и образами своих положительных героев не только содействовал воспитанию в советских людях тех черт, которые были необходимы для победы, но и укреплял в сознании наших людей веру в победу. «Ваша небольшая книжка... тем и ценна для нас, читателей-фронтовиков, что в ней показана наша народная мудрость, смекалка и ловкость... Гвардейцы, затаив дыхание, прослушали книжку и, обсудив прослушанное, шлют Вам свое большое фронтовое, гвардейское спасибо», — так писал Бажову «по поручению гвардейцев-танкистов» гвардии подполковник А. Д.[1]

Тема труда в сказах П. П. Бажова военных лет получила дальнейшее развитие и в другом плане.

В довоенных сказах, поставив проблему мастерства в труде, проблему превращения труда в искусство, Бажов решал ее на материале, который давали ему, главным образом, две профессии: труд уральских камнерезов и гранильщиков. Но их труд своеобразен: он по существу своему является трудом художника, трудом в области прикладных искусств.

Советское общество по своей природе нуждается в том, чтобы писатели, художники, деятели всех областей искусства опоэтизировали общественно-полезный труд, во всяком труде нашли бы и показали поэзию творчества, показали бы, что труд любой профессии, когда он становится мастерством, может стать и искусством.

Поэтизация труда камнерезов и гранильщиков, представляющего собою известную исключительность, была лишь первым шагом Бажова в разработке большой темы «поэзия труда», темы творческого труда. Второй шаг — и шаг важнейший — был сделан им в годы войны. Бажов по-

---

[1] Письмо от 20 ноября 1944 г. Книжка, о которой говорится в письме,— «Сказы о немцах». Все письма фронтовиков, цитируемые в книге, хранятся в архиве П. П. Бажова.

степенно перешел к изображению труда как искусства в любой профессии.

Интересно проследить, как расширялось поле зрения художника, расширялся круг профессий, отображаемых и поэтизируемых в его сказах, как Бажов подошел к наиболее полному раскрытию своей главной темы.

В большинстве сказов военных лет П. П. Бажов отобразил труд заводских профессий, также относящихся к разряду прикладных искусств. В сказах «Иванко-Крылатко» и «Веселухин ложок» выведены заводские рисовщики по металлу. В сказе «Железковы покрышки» мы вновь встречаемся с малахитчиком. В сказе «Хрустальный лак» действуют мастера, которые производили широко известные когда-то тагильские подносы, украшенные «рисовкой». Сказ «Чугунная бабушка» посвящен мастерам знаменитого каслинского художественного литья.

Знаменательно и существенно, что Бажов вышел за пределы профессии камнерезов и гранильщиков, расширил круг объектов художественного изображения, отобразил новые стороны действительности, опоэтизировал труд в таких его разновидностях, которые до сих пор были вне поля зрения писателя. То, что Бажов переходил от отображения одной отрасли производства к другой, являлось выражением его поисков путей к поэтизации любой профессии, любого вида честного труда.

Большой творческой победой писателя явился замечательный сказ «Живинка в деле», написанный в августе 1943 года и по праву считавшийся самим писателем программным его произведением.

Героем сказа является Тимофей Иваныч, по прозвищу Малоручко. Трудолюбив и работящ был Тимоха. Человек могучего сложения — «плечо широкое, грудь крутая, ноги дюжие, шею оглоблей не сразу согнешь», — он любую тяжелую работу с охотой выполнял, и «тонкое дело» у него получалось, «потому — парень со смекалкой, и пальцы у него не деревянные, а с большим понятием». Но была у Тимохи одна странность: он беспрерывно менял профессии. Любое дело он схватывал быстро, и любое дело у него спорилось: «Только покажи — не хуже тебя сделает». И решил Тимофей Малоручко «всякое здешнее мастерство своей рукой опробовать» и в каждом «до точки дойти». Рассказчик считает неразумным такое отношение к труду и осуждает его, потому что «житья нехватит всякое мастерство

своей рукой изведать» и «лучше одно знать до тонкости». Он пытается объяснить странное поведение Тимохи: «то ли от молодого ума, то ли червоточина какая в мозгах завелась». И это осуждение Тимохи правомерно. В его постоянных сменах профессий есть что-то легкомысленное. Очевидно, овладевая одной профессией за другой, Тимоха испытывал своеобразный спортивный азарт. Действительно, может быть в этом обнаруживался задор молодости, находил выход избыток сил молодого и здорового парня. Недаром он хвастливо кричал: «На всякое дерево влезу и за вершину подержусь». Но общественная нецелесообразность его отношения к труду очевидна.

Немало профессий сменил Тимоха. «Дойдет до мастера по одному делу и сейчас же поступит в выученики по другому». Уже давно вышел он из молодых лет, «женатый уж был, ребятишек полон угол с женой накопил, а своему обычаю не попускался». Но закончились его «путешествия по профессиям» совершенно неожиданно. Решил он углежжением на некоторое время заняться и поступил в ученики, по обыкновению своему, к лучшему мастеру-углежогу деду Нефеду. А тот условие поставил: «от меня тогда уйдешь, как лучше моего уголь доводить навыкнешь». Тимоха согласился. И ...навсегда «застрял в углежогах». Не потому, что не мог превзойти дедушку Нефеда, — нет, мастер через некоторое время в совершенстве овладел новой своей профессией.

Простое на первый взгляд дело углежога оказалось тонким и сложным. Даже расколоть «чурак» на плахи и то надо умеючи: не в том суть, что топор хорошо направлен и навык есть, а в том, что надо уметь «ловкие точечки выискивать». На эти «ловкие точечки» Тимоха и «поймался». А установка плах в кучи, засыпка их землей, самый процесс углежжения — все это оказалось и сложным и интересным. Когда Тимоха стал настоящим мастером-углежогом, он не менял больше профессий. И сам удивлялся, как это с ним получилось. А дед Нефед объяснил: «Теперь, брат, никуда не уйдешь: поймала тебя живинка, до смерти не отпустит». И так растолковал свои слова: «Ты книзу глядел, на то, значит, что сделано, а как кверху поглядел, — как лучше делать надо, тут живинка тебя и подцепила. Она, понимаешь, во всяком деле есть, впереди мастерства бежит и человека за собой тянет».

«Живинка в деле» оказывается, таким образом, обозна-

чением творческого, новаторского подхода к труду. При таком подходе к труду интерес к своей профессии не может быть утрачен никогда, — всю жизнь будешь «за живинкой гоняться», ибо нет границ подлинному мастерству, нет пределов совершенствованию.

Очень важно в сказе «Живинка в деле» то, что в нем отображен не труд, близкий к искусствам или к прикладным искусствам, — не камнерезное и не гранильное дело, не художественное литье и не «рисовка» по металлу, а как будто далекий от искусства тяжелый физический труд. Более того, труд углежога считался и был самым «черным» трудом. Когда жена Тимохи Малоручки узнала о его решении взяться за углежжение, она, «чуть не в голос взвыла: «Что ты, мужик! Неуж ничего хуже придумать не мог? Всю избу прокоптишь! Рубах у тебя не достираешься».

Новое в разработке темы труда в сказе «Живинка в деле» в том и заключается, что Бажов этим сказом утверждает поэзию во всяком общественно-полезном труде, каким бы тяжелым и «грязным» он ни был, утверждает, что любой труд станет любимым делом, если найдешь в нем «живинку», если его выполняешь творчески. Живинка «во всяком деле есть», только надо уметь найти ее.

П. П. Бажов считал сказ «Живинка в деле» наиболее популярным среди советских читателей. «Его очень широко знают», — говорил он. Сказ был напечатан одновременно в газетах «Правда» и «Труд» [1]. «Выражение «живинка в деле» широко употребляют, оно становится присловием», — отмечал писатель [2].—«Живинка в деле» — это передовое в каждом мастерстве. Мне говорили, что эти слова воспринимаются как одна из формулировок стахановского труда» [3].

П. П. Бажов был совершенно прав в оценке своего сказа.

Лауреат Сталинской премии, знатный зуборез Уралмашзавода тов. Пономарев, вспоминая о том, как он впервые в жизни выступал с лекцией на «стахановском вторнике», рассказывает: «Пришлось еще ответить на вопросы. Записок много было подано. И в одной такой вопрос: что

---

[1] «Правда», 21 ноября 1943 г., «Труд», 21 ноября 1943 г. Первая публикация сказа в газ. «Уральский рабочий», 27 октября 1943 г.

[2] Альманах «Уральский современник», № 20, Свердлгиз, стр. 156—157.

[3] Там же, стр. 157.

же все-таки я считаю самым главным в своей работе?.. И тут припомнился мне один сказ... Павла Петровича Бажова. «Живинка в деле» называется. Говорится в нем о том, как Тимоха Малоручко сумел даже в таком, казалось бы, незаметном и черном деле, как углежжение, найти свой интерес и превратить его в настоящее искусство. Живинку в деле углядел. Вот в чем суть. Очень мудрый сказ. И имеются там такие слова: она, то есть живинка-то, во всяком деле есть, впереди мастерства бежит и человека за собой тянет. Вот, выходит, и меня такая живинка зацепила. Ее я и считаю самым главным в своем деле. Да не только в моем, а в любом, за какое ни возьмись. А толкает эту живинку в нас, советских людях, наша любовь к Родине, к большевистской партии и товарищу Сталину. Так я и сказал собранию. Долго мне хлопали» [1].

Советские люди понимают свой труд как творчество. К этому же призывал А. М. Горький писателей: «Мы должны научиться понимать труд как творчество» [2]. Сказы П. П. Бажова являются выражением именно такого понимания труда.

Бажов утверждал, что сказ «Живинка в деле» связан с устно-поэтическим творчеством народа, но связь здесь значительно более слабая, нежели в ранних его сказах. Писатель говорил так: «относительно «Живинки в деле». Там фольклорное только одно выражение «живинка», причем это — у углежогов. Мне об этом случалось слышать. Она, «живинка», представлялась каким-то существом. По-старинному выжиг угля в кучах представлял собой... химически сложное дело, которое неграмотные люди могли решать только по догадке. Скажем, раскол плахи обычной сосны — это одно дело, а раскол плахи сосны болотной — это другое дело. Какой припуск делать, чтобы дым проходил — это тоже очень сложно. Опыт работы, конечно, у каждого был, но этот опыт работы не был снабжен ни одним прибором, кроме глаза и навыка. А эти «приборы» — глаз и навык — ...могут повести и туда и сюда. И вот здесь так и думали — самое живое в том заключается, чтобы правильно положить, чтобы оно пустодымом или огнем не вышло. («Жи-

---

[1] В. Пономарев. Моя «живинка». Альманах «Уральский современник» № 17, Свердлгиз, 1950, стр. 151—152.

[2] А. М. Горький. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Литературно-критические статьи, 1937, стр. 650.

винка», как какое-то существо, противопоставлялась «пустодымке» и «огневке»). В этом и была настоящая «живинка».

Можно указать на фольклорное понятие «звон звоном» — уголь бросишь, он дает прекрасный звон — высший сорт. Совсем другое дело — «трухляк». Я теперь уже забыл названия, но много названий было, — особая терминология.

И вот все углежоги стремились, — это для всех было мечтой,— выжечь уголь так, чтобы он был «звон звоном». Но это давалось редко и объяснялось тем, что углежог правильно «поймал живинку».

Так что понятие «живинка» взято из народного творчества; остальное, конечно, это уже сюжет, это мое» [1].

Таким образом, слово «живинка» было не только профессиональным термином старых углежогов, но и выражало определенные их представления относительно процессов, какие происходят при углежжении, выражало их поверья и суеверия. «Поймал живинку» — означало не просто мастерство того или иного углежога, но и было выражением «удачи», «везенья» и, может быть, «тайности», то есть колдовства.

П. П. Бажов, используя слово «живинка», оставил в нем лишь ту часть старого его содержания, которая соответствовала мировоззрению писателя и советских людей вообще, очистил его от всего, что было в нем от поверий неграмотных людей, наполнил новым и очень глубоким содержанием. Поэтому-то слово «живинка» стало у нас летучим словом, присловьем.

Демьяну Бедному сказ «Живинка в деле» был послан еще до опубликования его в центральной печати. Поэт уже не в первый раз пережил чувство восхищения перед мастерством П. П. Бажова. Он назвал сказ прелестной вещицей, отличным и по форме и по мысли. В том же номере газеты «Труд», где напечатан сказ «Живинка в деле», было помещено сопровождающее его стихотворение Д. Бедного «Мудрый сказ». Поэт так передал идейное содержание произведения Бажова:

Важны в работе ум и чувство,
В труде двойное естество,
«Живинкой в деле» мастерство
Преображается в искусство.

---

[1] Альманах «Уральский современник», 1952, № 20, Свердлгиз, стр. 145—146.

И нет тогда ему границ,
И совершенству нет предела,
Не оторвать тогда от дела
Ни мастеров, ни мастериц.[1]

Образ мастера-умельца является центральным образом сказов Бажова в годы Великой Отечественной войны. Сказы утверждали замечательные качества русского народа, утверждали не только его могучую жизнеспособность, но и его величие.

В разработке образа мастера-умельца Бажов имел предшественников не только в советской, но и в дореволюционной отечественной литературе. Естественно сопоставление его сказов, например, со сказом Н. С. Лескова «Левша».

Общее в сказах Бажова и Лескова — это, прежде всего, патриотическое утверждение талантливости русского народа, прославление русских мастеров, которым не раз приходилось делом доказывать свое превосходство над чужеземными мастерами. В трудовом творческом соревновании Иванко-Крылатко победил Фуйку Штофа, работы Василия Торокина, от которых «живым пахло», оказались произведениями высокого искусства, и перед ними обнаружилась полная творческая несостоятельность надуманных и бездарных моделей «тетки Каролинки». В сказе Лескова безымянный тульский оружейный мастер Левша превзошел английских мастеров. Современного советского читателя Левша привлекает прежде всего горячей любовью к родине, заботой о ее будущем, об укреплении ее могущества перед угрозой иноземных нашествий. Духовное родство Левши и героев сказов Бажова несомненно.

Но есть весьма существенное отличие образов мастеров — героев П. П. Бажова от образа Левши.

Уральские мастера выполняют работы большого общественного и государственного значения. Оружейника Ивана Бушуева Бажов показал именно в таком труде, который непосредственно служит обороне Родины, умножению славы русского оружия. Тем он и заслужил похвалу и благодарность старого русского генерала, — «еще из кутузовских, немало он супостата покрошил». За работами Василия Торокина повсеместно признана их большая эстетическая ценность. Бажов высоко поднимает русских мастеров, подчеркивая общественную значимость их дел.

[1] «Труд», 21 ноября 1943 г., № 275 (6919).

Талантливость же и мастерство тульского оружейника Левши в сказе Лескова направлены на осуществление задачи, не имеющей столь большого общественного значения: он, выполняя задание Платова, сумел подковать крошечную стальную блоху, изготовленную английскими мастерами. Но главный недостаток сказа состоит в другом. Чувство сожаления вызывает то, что глубоко трагическая история тульского оружейника, талантливого мастера и подлинного патриота, рассказана Лесковым в анекдотических тонах. Поэтому образ русского мастера оказался приниженным.

Сказ Лескова и сказы Бажова различаются отношением авторов к тому, о чем они повествуют.

Бажов с глубокой серьезностью знакомит нас со своими мастерами, с непререкаемой убежденностью в их превосходстве, с большой любовью к ним. Сказовая форма лишь способствует этому впечатлению и усиливает его, так как не вызывает сомнений в подлинности речи старого уральского рабочего. Сочувствие, которое вызывает Бажов в читателе к своим героям, неразрывно связано с гневом по отношению к противникам героя или по меньшей мере с безоговорочным их осуждением.

Лесков тоже вызывает в читателе сочувствие к своему герою, но сочувствие, связанное с принижающей жалостью к нему, забитому человеку, лишенному того чувства внутреннего достоинства, какое характеризует героев Бажова. Непосредственных виновников гибели Левши Лесков не показывает, а космополитизм и низкопоклонство перед всем иностранным «самодержца всероссийского» рисуется писателем как невинная слабость «августейшего монарха». Сказовая речь Лескова в «Левше» настолько стилизована, что не веришь в ее естественность, и уж во всяком случае она не может быть речью рабочего. Все это снижает идейно-художественную значимость произведения.

Таким образом, преимущества сказов Бажова объясняются народностью его позиции, тем, что в его сказах говорит старый уральский рабочий с характерным для него строем мыслей, чувств, речи.

Сказы Бажова военных лет проникнуты чувством национальной гордости. Рисуя прошлое страны и, в частности, прошлое Урала, Бажов видел в нем тех трудолюбивых и талантливых русских людей, которые сознавали себя частью великой русской нации, чувствовали себя ответст-

венными за судьбы Родины, считали преходящим такое положение, при котором хозяевами жизни были корыстные и безответственные паразиты-эксплуататоры.

Историю Родины П. Бажов понимал и показывал прежде всего как историю трудового народа. Вместе с тем он показывал факты и эпизоды истории промышленного производства на Урале. Большое внимание писателя привлекала такая сторона дела, как приоритет старых русских мастеров в отдельных отраслях техники и уменье сохранить производственные тайны от посягательств иноземных предпринимателей, охочих до чужого добра. Впервые эта тема разработана Бажовым в сказе «Хрустальный лак». Тагильский мастер Артюха Сергач не только не выдал и не продал секрет производства знаменитого хрустального лака чужеземному Двоефеде, но и насмеялся над ним, продемонстрировав свое моральное превосходство прежде всего в отношении к труду, к мастерству: оно не продается не только потому, что дает средства к существованию, а необходимо и «для души».

Но, говоря словами Бажова, хрустальный лак — «не то чтоб сильно важное дело, а так, для домашности да для веселья глазу». На более существенном жизненном материале и с большей глубиной тема эта раскрывается в сказе «Железковы покрышки» (1943 г.). Евлампий Петрович Медведев, а по-заводски Евлаха Железко, — первоклассный малахитчик. В нем ярко выражены черты русских мастеров, уже известные по довоенным сказам Бажова. Выше всего он ценит свою профессию, свое мастерство, «дороже денег его ставит». Человек твердых нравственных устоев, воспитанных в нем всем трудовым укладом горняцкого быта, Евлампий Железко верит в свой класс, в его неисчерпаемые силы, в его будущее: «Рабочие руки — бни все могут». Поэтому он исполнен чувства классового достоинства и знает себе цену. Железко — человек с большим художественным вкусом. Он — тоже мастер с выдумкой. Евлампий Петрович владеет секретом производства малахитовых поделок неповторимо красивых расцветок и узоров из молотой «зеленой руды» с известными только ему примесями. В природе он черпает краски, мотивы и узоры для своих работ: «Я из окошечка вон на ту полянку гляжу. Она мне цвет и узор кажет. Под солнышком одно видишь, под дождиком другое. Весной так, летом иначе, осенью по-своему, а все красота. И конца краю той красоте не видится».

Евлаха Железко любит обрабатываемый им чудесный камень-малахит за то, что он «в сердце весну делает, радость человеку дает», камень, который «самому вислоносому дураку покажи, и тому весело станет».

В сказе разработана также одна из основных тем Бажова — тема разоблачения паразитизма, творческого бесплодия и ничтожества представителей эксплуататорских классов дореволюционной России.

Услуги Евлампия Медведева понадобились поставщикам царского двора в связи с «каким-то большим царицыным праздником» — был у нее «вроде как юбилей. Ну, может, седьмую дочь родила или еще что». Надо было для царицы подарок подготовить. Но «брильянтами да изумрудами и другими дорогими каменьями царицу не удивишь, коли у ней таких камней полнехонек сундук набит, и камни самого высокого сорту. Тонкой гранью либо узором тоже не проймешь, потому — люди без понятия». Дело осложнялось еще и тем, что царица «после пятого году камень с краснинкой видеть не могла», «с красным камнем и не подходи — во всю голову завизжит, все русские слова потеряет и по-немецки заругается». Вот поэтому-то поставщики двора, в поисках камня «спокойного цвету», и решили обратиться к малахитчикам. Сделал Евлампий Петрович великолепные малахитовые покрышки для альбома. Все о нем забыли, так как начальство не умело ценить мастеров с «волшебными руками».

Но основной конфликт сказа выявляется в столкновении мастера Медведева с иностранными охотниками за чужими производственными секретами. Явился к Железке некий француз и пытался купить Евлахин секрет, выложив ему в задаток «два петровских билета», то есть две ассигнации по 500 руб. с изображением Петра I. Взглянул Евлампий Петрович на портрет и заявил французу: «Хороший государь был! Не чета протчим. А только он тому не учил, чтоб мы нутром своим торговали. Бери-ка, барин, свои деньги да ступай, откуда пришел».

Евлампий Железко с позором изгнал проходимца именно потому, что и свое мастерство, и запасы «земельных богатств» он рассматривает как достояние нации. Он гордится своим уменьем, как результатом труда многих поколений русских мастеров, гордится богатствами родной земли, ибо они открыты и освоены также трудами поколений русских людей.

А главное — Евлампий Медведев верит в силы русского народа, в его великое будущее: «Нам самим этот камешек пригодится. Не то, что покрышки на царский альбом, а такую красоту сделаем, что со всего свету съезжаться будут, чтобы хоть глазком поглядеть. И будет это наша работа! Вот такими же руками делана!».

Пророческие слова вкладывает в уста своего героя Бажов. «Пророчество» здесь уже более определенно, нежели высказывания о будущем героев довоенных сказов Бажова. И понятно почему: вся история «дипломатических отношений» Евлахи Железка с непрошенным гостем из-за границы разыгралась «вскорости после пятого году». Особенно существенна в приведенной реплике Евлампия Медведева его твердая уверенность в том, что «так будет». Евлаха не отделяет себя от тех, кто осуществит его мечты: может быть, он сам не доживет до тех дней, и все-таки это будет «наша работа».

Бессмертие народа и бессмертие его великого труда утверждает своими словами и всей своей трудовой жизнью Евлампий Петрович Медведев.

Говоря о будущем, он не мог иметь в виду конкретных вещей, сделанных из уральских камней советскими мастерами. Но писатель Бажов, рисуя образ Евлахи Железка, мог думать о многом: и об уникальной карте СССР, сделанной уральскими мастерами из самоцветов и драгоценных камней для Всемирной выставки в Париже в 1937 году, где тысячи посетителей часами не сводили с нее глаз; и о великолепной малахитовой шкатулке — подарке уральских камнерезов И. В. Сталину в день его шестидесятипятилетия; и о подземных дворцах московского метрополитена, изукрашенных уральскими камнями, и о многих других чудесных изделиях, которые создал свободный советский народ.

Сказ «Железковы покрышки» в годы Великой Отечественной войны напоминал советскому народу, что охотников до его национальных богатств всегда было много, что всегда русским людям приходилось оберегать их, — не только в дни войны, но и в дни мира. Сказ учил охранять национальные богатства, охранять национальный приоритет в разных отраслях производства, учил бдительности. Безродному космополитизму имущих классов Бажов противопоставлял глубокий патриотизм трудового народа, подлинного создателя и хранителя всех богатств на земле — подлинного хозяина родной земли.

4

В годы войны Бажовым созданы сказы о Владимире Ильиче Ленине, открывшие новую страницу в творчестве писателя.

Тема вождя народа вошла в сказовое творчество Бажова еще до войны. В сказе «Ключ земли», написанном ко дню нового 1940 года, крепостная бабка Федосья мечтает о человеке, который поведет «народ по правильному пути».

Но первый сказ, где был назван и показан великий народный вождь, появился в 1942 году. Это — «Солнечный камень», сказ о В. И. Ленине. Он был непосредственным откликом писателя на выступление И. В. Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года.

В трудные первые месяцы Великой Отечественной войны, когда страна напрягала все свои силы в борьбе против фашистских полчищ и только еще развертывала свои неисчислимые резервы, гениальный вождь народа И. В. Сталин в своей речи 7 ноября 1941 года напомнил советским людям еще более тяжелый 1918 год. И он сказал: «Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы» [1].

Товарищ Сталин раскрыл огромные преимущества в положении СССР в Отечественной войне в сравнении с годами гражданской войны, преимущества, являющиеся плодом трудовых усилий народа в годы сталинских пятилеток, являющиеся плодом руководства коммунистической партии и ее мудрого вождя. «Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?» [2] — так говорил И. В. Сталин. Обращаясь к воинам, командирам и политработникам советских вооруженных сил, к партизанам и партизанкам, вождь напутствовал их на борьбу до полного разгрома фашистских захватчиков, на борьбу до полной победы: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» [3].

---

[1] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5, Госполитиздат, 1947, стр. 38.

[2] Там же, стр. 39.

[3] Там же, стр. 40.

Речь вождя отражала чувства, настроения и самые страстные устремления миллионов советских людей, настроения советского народа. Исполненные решимости отстоять свою великую отчизну, с именем Ленина, с именем Сталина шли в бой советские солдаты и являли неслыханные образцы героизма. С именем Ленина, с именем Сталина миллионы тружеников советского тыла давали не менее поразительные образцы трудового героизма.

Речь И. В. Сталина вызвала множество поэтических откликов в советской литературе. В одном из своих стихотворений, написанном в конце 1941 года, А. Сурков так воспроизводит картину выступления вождя на Красной площади 7 ноября:

Он встал над фронтом, над Москвой, над нами,
Он руку к западу простер свою:
— Пусть осенит вас ленинское знамя,
Сыны мои, в решительном бою. [1]

К этому же образу обращается С. Щипачев в поэме «Домик в Шушенском» (1944 г.):

Стена Кремля седого — рядом с нами,
Вперед простерта Сталина рука:
— Пусть осенит вас ленинское знамя... —
И эхом вторят Сталину века. [2]

Имя Ленина, знамя Ленина вдохновляло народ на борьбу. Постоянная в советской литературе ленинская тема теперь, во время войны, приобретала исключительное значение.

Сказ П. Бажова «Солнечный камень» был напечатан через полтора месяца после парада Красной Армии 7 ноября 1941 года, в день смерти В. И. Ленина — 21 января 1942 года.

Внешне содержание сказа несложно. Горщики-друзья, русский Максим Вахоня и башкир Садык Узеев, всю жизнь вместе работали. Во время гражданской войны оба они, к тому времени уже старики, «по винтовке взяли и пошли воевать за советскую власть». А когда «Колчака в Сибирь отогнали», демобилизовали их, «потому как один кривой, а другой глухой». Пошли старики на Ильменские горы, бога-

---

[1] А. Сурков. Стихотворения 1925—1945 гг. ГИХЛ, М., 1947, стр. 187. Стихотворение «Шуршит по крышам снеговая крупка».

[2] С. Щипачев. Стихи. ГИХЛ, 1951, стр. 28.

тейшее в мире месторождение минеральных богатств, и видят: растаскиваются «хитниками» земельные богатства. Пытались горщики убедить местные власти пресечь расхищение, но натолкнулись на бюрократизм и непонимание. Тогда друзья направились «до самого товарища Ленина», забрав с собой образцы ильменских минералов. Добрались горщики до Москвы, явились к Ленину, объяснили ему цель своего приезда. Ильич оценил и значение Ильмен, и благородные побуждения обоих стариков. Он велел «самый строгий декрет изготовить, чтоб на Ильменских горах всю хиту прекратить и место это заповедным сделать». А горщикам сказал: «Спасибо вам, старики, за заботу. Большое вы дело сделали! Государственное!». До слез растрогал Ильич суровых горщиков. И хоть определил он их сторожами в заповедник, и пенсии им назначить велел, — старики до Ильмен не добрались: «оба снова воевать пошли».

Образ Ленина в сказе Бажова близок к фольклорным произведениям о великом гении пролетарской революции. Ленинская мудрость, его великий государственный ум, гениальное умение оценить смысл любого явления с точки зрения народных интересов естественнейшим образом сочетаются с такими, столь дорогими в нем советским людям чертами, как ленинская человечность и простота.

Герои сказа, выслушавшие от представителей местных властей внушение на тему «Не до того теперь», понимают, что такой подход к делу — неправильный, противоречит ленинскому подходу, и уверены, что «он, небось, найдет время». И растрогал горщиков Владимир Ильич именно тем, что нашел для них время, сразу понял стариков, поблагодарил, а дело их оценил как государственное. На ленинскую же заботу лично о них горщики ответили как могли: они снова пошли воевать за советскую власть.

Вторая важнейшая тема сказа — тема народа, тема быстро растущего сознания простых людей в процессе революционного изменения действительности.

Известна история ленинского декрета об Ильменском заповеднике на Урале:

«В 1919 г. группа советских ученых представила правительству доклад о необходимости создать в Ильменских горах минералогический заповедник. Владимир Ильич Ленин, с именем которого связана охрана природы и создание первых заповедников в нашей стране, горячо откликнулся на призыв ученых, и 14 мая 1920 г. им был подписан

декрет Совнаркома об организации Ильменского государственного заповедника»[1].

Сказ Бажова несколько расходится с фактами, изложенными в научном сборнике, но более важным в произведении является другое.

Бажов следует очень характерному для народного сознания, для коллективного поэтического творчества советских народов осмыслению исторических фактов и событий: неразрывна связь подлинно народного вождя с народом, вождь чутко прислушивается к народу и черпает свои силы в народе, он силен народностью своих деяний.

Некоторое расхождение сказа с фактическими данными истории мотивируется тем, что рассказчик, простой малограмотный человек, мог и не знать этих данных. В сказе эта мотивировка выглядит так:

«Дело будто простое. Известно, ленинский глаз не то что по земле, под землей видел. Ну, и эти горы предусмотрѐл. Только наши старики-горщики все-таки этому не совсем верят. Не может, дескать, так быть.

Война тогда на полную силу шла. Товарищу Сталину с фронта на фронт поспешать приходилось, а тут вдруг камешки выплыли. Без случая это дело не прошло. И по-своему рассказывают так...».

Таким образом, в сказе прямо идет речь о неоднократной передаче рассказа, о его «бытовании», а значит, о многократном опосредствовании фактов. Для сказовой формы Бажова подобная мотивировка некоторого отступления от исторических фактов вполне достаточна.

Глубоко народны идеи сказа Бажова и, в частности, идея о том, что социалистическая революция впервые в истории привела простых людей к осознанию себя хозяевами родной земли, научила их государственному подходу к фактам и явлениям жизни.

В сказе «Солнечный камень» — сказе об Ильменском заповеднике имени В. И. Ленина — писатель напоминал о колоссальных богатствах великой страны, ставших собственностью народа в результате Великой Октябрьской социалистической революции, напоминал, как заботился об охране народных богатств В. И. Ленин. Сказ напоминал о том, как в тяжелые годы гражданской войны простые совет-

---

[1] В. Васнецов. Ильменский заповедник имени В. И. Ленина. Сб. «Заповедники СССР», Географиздат, т. II, М., 1951, стр. 64.

ские люди защищали богатства страны от посягательств бывших русских помещиков и капиталистов и иноземных захватчиков, — миллионы таких людей, как Максим Вахоня и Садык Узеев, шли в бой с именем Ленина. Сказ «Солнечный камень» призывал советских людей к борьбе против гитлеровских захватчиков.

Вновь обратился к ленинской теме Бажов в 1944 году. К 20-летию со дня смерти В. И. Ленина был создан сказ «Богатырева рукавица».

Закончился 1943 год, ставший переломным годом Отечественной войны. Он был годом великих побед вооруженных сил Советского Союза, годом победы под Сталинградом, победы под Курском. Подводя итоги главным событиям года, товарищ Сталин сказал: «Фашистская Германия переживает глубокий кризис. Она стоит перед своей катастрофой» [1]. В событиях всемирно-исторического значения обнаруживалось несокрушимое могущество советского государства. «Советское государство никогда не было столь прочным и незыблемым, как теперь, на третьем году Отечественной войны. Уроки войны говорят о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время. Созданная 26 лет назад Советская власть в короткий исторический срок превратила нашу страну в несокрушимую крепость. Красная Армия из всех армий мира имеет наиболее прочный и надежный тыл» [2], — так на основе гениального анализа событий с законной гордостью говорил о советском государстве, о советском строе, о Советской Армии товарищ Сталин.

Каждый год Отечественной войны все выше и выше возносил победоносное знамя Ленина, священное имя Ленина. Решающие события мировой истории, развертывавшиеся на просторах Советской страны, народы которой вели битвы за будущее человечества, вновь и вновь являли всему миру величие Ленина.

Прославлению величия Ленина посвятил Бажов свой сказ «Богатырева рукавица», представляющий собою, в отличие от реалистического сказа «Солнечный камень», легенду.

---

[1] И. В. Сталин. Великая Отечественная война Советского Союза. Изд. 5, Госполитиздат, 1947, стр. 115.

[2] Там же, стр. 120.

Бажовская легенда о Ленине, как и сказ «Солнечный камень», связана с одним из уральских заповедников — «Денежкин камень». Писатель использует, повидимому, фольклорное объяснение этого названия.

Уральские места «обживали» огромные каменные богатыри, возглавляемые сильнейшим из них — Денежкиным. Звали его так потому, что на его ответственности был гигантский топазовый «стакан с мелкими денежками из всяких здешних камней да руды». Денежки те — особенные. «Возьмет богатырь какую денежку, потрет с одной стороны, — и сразу место, с какого та руда либо камень взяты, на глазах появятся. Со всеми пригорочками, ложками, болотцами, — примечай, знай... Потрет другую сторону денежки, — и станет то место просвечивать. До капельки видно, в котором месте руда залегла и много ли ее».

Смолоду богатыри много сделали: тропы проложили, болота осушали, вредных зверей истребляли,— то есть именно «обживали» Урал. Но все же и они постарели, «кто сидит, кто лежмя лежит, вовсе камнями стали», уж и сам Денежкин «мохом обрастать стал. Чует, — стоять на ногах не может. Сел на землю, лицом к полуденному солнышку, присугорбился, бородой в колени уперся, да и задремал», прикрыв топазовый стакан своей рукавицей.

Стали люди в тех местах появляться, сначала охотники, потом пахари, а затем искатели горных богатств. Позволял им старик брать денежки: «Бери сколь надобно, только с уговором, чтоб народу на пользу». Но приходили люди в большинстве своем корыстные и, набрав богатств не по силам, на обратном пути гибли из-за своей жадности. А гигантская каменная сорока, помощница богатыря, взятые ими драгоценности приносила обратно.

«Были, конечно, и удачливые добытчики. Немало они рудников да приисков пооткрывали. Ну, тоже не совсем складно, потому — одно добывали, а дороже того в отвалы сбрасывали. Неудачливых все-таки много больше пришлось. С годами все тропки к Денежкину-богатырю по человечьим костям приметны стали».

Но старик-богатырь верил, что настанет время, когда придет настоящий человек.

И пришел, наконец, человек, который так о себе сказал: «хожу по земле, гляжу, где что полезное народу впусте лежит и как это полезное лучше взять». Сам открыл богатырь топазовый стакан, сняв с него свою рукавицу: «Давно

такого жду», — передал все богатства гор пришельцу, а сам уснул навсегда. «Кто его раньше не знал, те просто зовут «Денежкин камень».

А пришедший гигантской богатыревой рукавицей прикрыл топазовый стакан и по-хозяйски промолвил: «А приниматься за работу тут давно пора».

Центральным образом сказа является образ В. И. Ленина, причем образ великого вождя в сказе восходит к высказываниям И. В. Сталина и продолжает традиции народно-поэтического творчества.

Товарищ Сталин простоту и скромность называет как «одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «низов» человечества»[1]. Важнейшей чертой Ленина была его неразрывная связь с народом, «вера в творческие силы масс». «Отсюда неустанная проповедь Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс»[2].

Народу, борьбе за его благо и счастье Ленин отдал всю свою жизнь. Поэтому безгранична любовь народа к Ленину. В сотнях произведений народного творчества выражена эта великая любовь.

В сказаниях о Ленине воспеты народность деяний вождя, его заботы и думы о счастье и благе народа. «Сын родного народа, безмерно могучий, за народ он боролся — не счесть, сколько лет», — говорится, например, в ойротской легенде «Зажглась золотая заря»[3].

Ленинская простота и скромность, его глубокая человечность неизменно находят отражение в фольклорных произведениях. Например, в белорусской сказке «Ленинская правда» так изображается появление Ильича перед пришедшим к нему крестьянским ходоком и сопровождавшим его товарищем: «Вот пришли они в обыкновенную комнату. Кругом разных книг много. Вышел к ним человек, — одет не богато, но чисто. Вышел и ласково говорит...»[4].

Бажов рисует образ великого Ленина, выделяя те черты, которые подчеркнуты И. В. Сталиным, которые так бережно хранит в своей памяти, в своем сознании народ.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 55.

[2] Там же, стр. 60—61.

[3] Сб. «Творчество народов СССР». Изд. «Правда», 1937, стр. 15.

[4] Там же, стр. 29.

В сказе Бажова как главное в Ленине отмечаются его заботы о народе: «Гляжу, где что полезное народу впусте лежит и как это полезное лучше взять», — говорит сказовый «пришелец».

Портрет В. И. Ленина в сказе нарисован так:

«Идет по тропке человек, и никакого при нем снаряду: ни каелки то есть, ни лопатки, ни ковша, ни лома. И не охотник, потому — без ружья. На таких, кои по горам с молотками да сумками ходить стали, тоже не походит. Вроде как просто любопытствует, ко всему приглядывается, а глаз быстрый. Идет скоренько. Одет по-простому, только на городской лад. Подошел поближе, приподнял свою кепочку и говорит ласково: «Здравствуй, дедушка-богатырь!»

Всем известен этот облик Ленина, — и его простая одежда «на городской лад», включая кепочку, его «быстрый глаз» и его энергия, его любовное отношение к людям труда.

Величие Ленина в произведениях фольклора нередко подчеркивается его необыкновенной физической силой и гигантским ростом. «Видом — добрый из добрых и сильный из сильных! Его брови — подобие горных хребтов. Его очи горят ослепительным пламенем!» — так рисуется Ленин в цитированной выше ойротской легенде [1]. «Добрым великаном, другом, отцом земли», высоким, «как снежные горы», называет Ленина казахская поэма. [2] В узбекской песне «Огненный Ленин» — «Встав над землею во весь свой рост, подняв голову выше звезд, Ленин видел все страны мира, слышал рек отдаленный шум» [3].

Поэтическая гиперболизация даже и внешних черт великого человека, столь характерная для фольклора, совершенно естественна и понятна. Великий человек, поражающий наше воображение определенными своими качествами, чертами, представляется нам человеком необыкновенным во всех проявлениях. Рассказывая о первой своей встрече с В. И. Лениным, И. В. Сталин вспоминал: «Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного» [4].

---

[1] Сб. «Творчество народов СССР», Изд. «Правда», 1937, стр. 21.

[2] Там же, стр. 77—78.

[3] Там же, стр. 93.

[4] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 54.

В произведениях народно-поэтического творчества изображение Ленина, как великана, является средством образного выражения его величия, выражает любовь народа к гению социалистической революции.

Следуя фольклорной традиции, Бажов также говорит о Ленине, как могучем великане, который «берет с земли богатыреву рукавицу, а она каменная, конечно, в три либо четыре человечьих роста. Только человек и сам на глазах растет. Легонько, двумя перстами поднял богатыреву рукавицу, положил на топазовый стакан...».

А вслед за этим Бажов рукою мастера освобождает образ, выражающий величие Ленина, от чисто внешних и условных выражений величия: «Далеконько ушел, а его все видно. Ни горы, ни леса заслонить не могут. Ровно, чем дальше уходит, тем больше кажется». Так заключительными словами сказа писатель заменяет пространственное понятие отдаленности понятием все увеличивающейся отдаленности во времени. Понятие величия Ленина наполняется реальным содержанием, какое известно всему миру: великий мыслитель, великий революционер, великий государственный деятель, великий вождь и учитель трудящегося человечества.

В сказе выражена мысль о бессмертии Ленина. Великое дело Ленина, продолженное И. В. Сталиным, растет и ширится год от года. И тем более поражает нас величие Ленина. Действительно, «чем дальше уходит, тем больше кажется» великий Ленин. Ленин бессмертен своими деяниями, бессмертен своими гениальными идеями, овладевшими сознанием миллионов людей. Бессмертие Ленина — в созданном им советском государстве, в его партии, в его гениальном друге и соратнике, продолжившем его дело, — в И. В. Сталине.

В сказе «Богатырева рукавица» говорится об И. В. Сталине, как о преемнике и великом продолжателе дела Ленина. Приняв от Денежкина-богатыря богатства Урала, Ленин обещал поставить их на службу народу. «Коли при своей живности не успею, надежному человеку передам. Он не забудет и все устроит на пользу народу», — сказал пришедший. Этот человек — И. В. Сталин. Идея нескольких сказов Бажова — идея о великом народном вожде, обеспечивающем неслыханное развитие производительных сил при социализме, — в сказе «Богатырева рукавица» является одной из главных идей, и она связана здесь

непосредственно с именем И. В. Сталина. Он, великий Сталин, инициатор и руководитель всех грандиозных преобразований в нашей стране, возродил старый Урал, поставил на пользу народу неисчислимые ресурсы Урала, превратил его в мощнейший индустриальный район. Поэтому-то народ назвал советский Урал Сталинским Уралом.

К этой теме Бажов еще возвратится в своих сказах.

Интересны образы богатырей в сказе. С одной стороны, они явно навеяны образами богатырей русских былин, образами Ильи Муромца и Микулы Селяниновича. Великаны-труженики, они осушают болота, отводят русла рек. В то же время в них есть специфические черты, навеянные писателю сведениями о первооткрывателях новых земель, русских «землепроходцах», имена которых связаны с Уралом, Сибирью, Дальним Востоком. Богатыри Бажова прокладывают новые дороги, «обживают» новые места, их образы представляют собой поэтическую героизацию славных русских людей типа Ермака, С. Дежнева, Е. Хабарова, В. Атласова, Г. Шелихова, интерес к которым у Бажова был постоянным и давним.

Мотив превращения людей в камни известен по некоторым народным легендам. Бажову этот мотив был подсказан чисто уральскими условиями, как легендарное объяснение происхождения Уральских гор — места действия сказа.

Таковы идеи сказа «Богатырева рукавица». Такова его образная система и ее источники.

Третий сказ Бажова о В. И. Ленине — «Орлиное перо» — был впервые напечатан 21 апреля 1945 года, накануне 75-летия со дня рождения вождя социалистической революции.

Шли последние дни Великой Отечественной войны. Полный и окончательный крах гитлеровской Германии был уже очевидным для всех. Советские войска вели бои на подступах к Берлину.

Новый сказ Бажова о В. И. Ленине переносил читателя к началу 20-х годов. Действие его происходит «вскорости после гражданской войны».

Восстанавливать и развивать дальше хозяйство и культуру страны, учиться, выполнять заветы великого Ленина — таков смысл сказа Бажова.

В день рождения В. И. Ленина и накануне окончания Отечественной войны сказ с таким идейным содержанием приобретал особую актуальность.

Знаменитый горщик Кондрат Маркелыч, открывший за свою долгую жизнь немало месторождений драгоценных камней, обещал артели искателей найти потерянную ими «жилку», но не сумел. Кондрат пошел на «крайнее средство», которое всегда сам «за пустяк считал» и осмеивал: он решил прибегнуть к заговоренной «притягательной стреле».

За этой-то «ребячьей забавой» и увидел Кондрата Маркелыча «какой-то проходящий». Упрекнул он старика: «Эх, дед, дед! Много пережил, а присловья не знаешь: то не стрела, коя орлиным пером не оперена». И без того сконфуженный и поэтому раздраженный дед окончательно рассердился: «Нет по нашим местам такой птицы! Неоткуда и перо брать». Проходящий, с помощью некоего «камешка кубастенького», развернул над Кондратом «световой колокол» «в три либо четыре человечьих роста»; вверху мелкие птички пролетают и каждая по перышку роняет — перышки маленькие, «кружатся, падать не торопятся». Так проходящий показал старому Маркелычу прожитую им жизнь: «Трудился много, а крылышки маленькие, слабые, на таких высоко не подняться». Затем показал прохожий бескрайные возможности для людей, владеющих «орлиным пером» «Световой колокол раздался и ввысь взлетел. Свет такой, что глаза слепит. Голубым, зеленым и красным отливает. На земле на две сажени в глубину все видно, а вверху птицы плывут. Каждая в свету перо роняет. Те перья к земле, как стрелы, летят и у самого того места, где камешек поставлен, падают».

А потом Кондрат, по указанию «проходящего», бросил стрелу, оснащенную орлиным перрм, туда, где ожидал найти самоцветы, и стало ему «не то что все каменные жилки-ходочки, а и занорыши видно».

Ушел человек, не назвавшись: у внучка-де спроси, он знает.

И внучек назвал имя прохожего — Ленин.

Идейное содержание сказа выясняется анализом его образной системы. Орлиное перо — это «высокий свет» науки, знание, позволяющее открывать рудные, золотые и другие месторождения земельных богатств. Но это еще не самый высокий свет. «И выше орла, дед, птицы есть, да опасаюсь: глаза у тебя не выдержат», — говорит «проходящий». Наука безгранична, высоты ее неизмеримы. «Проходящий» показал Кондрату Маркелычу только один неболь-

шой участок применения научных знаний, наиболее понятный и доступный старому горщику. Но и это сравнительно узкое поле приложения науки оказывается неразрывно связанным с социалистической революцией, с именем Ленина, с великой ленинской правдой. Так — в жизни, так — в народном сознании. Ибо только социалистическая революция открыла народу доступ к науке, к знанию.

И старый горщик Кондрат понимает это. Он горячо любит правду социалистической революции, правду Ленина. Поэтому Кондрат «не удивился», когда его внук сказал: «Ведь это, дедушка... Ленин был». — «Верно, Мишутка, он... Ходит он по нашим местам... Уму-разуму учит. Чтоб не больно гордились своими крылышками, а к высокому свету тянулись. К орлиному, значит, перу», — этими словами деда Кондрата и заканчивается сказ.

«Ленин всегда среди нас» — это мотив многих народно-поэтических произведений. Примером может служить песня узбекского народного певца Эргаш-Шаира «Товарищ Ленин», в которой говорится:

Ленин нашу беду, как свою, понимал,
Он во всех кишлаках и аулах бывал.[1]

Даргинская народная песня возглашает:

«Ленин с нами,— знаем твердо.— Он живет!»[2].

Как и в коллективной народной поэзии, в сказе Бажова выражена идея бессмертия великого Ленина. Ленин бессмертен в народном сердце.

Существенной стороной основной идеи сказа является мысль о необходимости соединить опыт практиков с данными науки. Таков смысл совета «проходящего» Кондрату, — он предлагает знаменитому горщику опустить стрелу, оснащенную орлиным пером, «в то место, где жилку ждешь, а зажмуривать глаза да крутиться не надо».

Своеобразна фантастика сказа. Появление Ленина в горах Урала не может быть отнесено к области фантастического. Ведь действие сказа развертывается в то время, когда Ленин был жив, и он мог быть в горах и лесах Урала. Другое дело, что не было в действительности встречи старого горщика Кондрата с В. И. Лениным, и поэтому есть элемент

---

[1] Сб. «Народная поэзия Узбекистана». Ташкент, 1951, стр. 20.
[2] Сб. «Творчество народов СССР». 1937, стр. 106.

легендарности в описании этой встречи. Но не все легендарное, не всякая «выдумка» относится к области фантастики. «Выдумка», «вымысел» в реалистическом художественном произведении является, как известно, средством правдивого отображения жизни. В данном случае посредством легендарной ситуации, характернейшей для народной поэзии, утверждается глубоко верная и глубоко народная мысль: Ленин всегда среди трудового народа, всегда с ним. Фантастическим является образ «орлиного пера». Но такая фантастика является разновидностью аллегории, смысл которой к тому же раскрыт в заключительных словах сказа.

Наконец, многие особенности сказа объясняются тем, что он адресован подросткам, молодому советскому поколению, хотя, как и многие из сказов Бажова для детей, интересен и поучителен для любого читателя.

Трудно сказать, в какой именно мере в сказах о Ленине Бажов использовал конкретные фольклорные материалы. Кроме того, что было сказано по этому поводу выше, обращает на себя внимание следующее.

В 1949 году в газете «Труд» был опубликован «Сказ про уральские сокровища», записанный И. Зайцевым в Челябинске от пенсионера А. И. Калинина. В сказе имеются мотивы, очень близкие к бажовским. Прежде всего со сказами П. П. Бажова сказ А. Калинина сближается основной его идеей: все сокровища земли откроются тому человеку, «который не о себе думает, а о всем народе» [1]. Такова идея многих сказов Бажова, и наиболее ярко она выражена в сказе «Богатырева рукавица», причем почти точно теми же словами, как в сказе Калинина.

Тема богатств земли, раскрывающихся перед великим народным вождем, вообще характерна для народного самосознания. Она нашла отражение, например, и в сказке «Заповедной перстень», являющейся плодом индивидуального творчества И. Ковалева. [2]

Во-вторых, в сказе А. Калинина, как и в сказе Бажова «Солнечный камень», фигурирует Ильменский заповедник с аналогичной его характеристикой как «богатимого места», где есть «всякие дорогие камни-самоцветы». Как и в сказе

---

[1] «Труд», 9 октября 1949 г.

[2] Сказки И. Ф. Ковалева. Изд. Гос. лит. музея. М., 1941, стр. 342—347.

Бажова, в фольклорном сказе пришли к Ленину простые труженики-старатели «и рассказали ему про уральские сокровища». «Ленин немедля послал на Урал ученых людей и сказал им, что надо делать. Приехали те люди на Урал, привезли с собой от Ленина грамоту» и предъявили ее волшебному хозяину Ильмен — Деду-Самоцвету. Тот передал сокровища «дорогим гостям» — на радость всему народу. «И с той поры Ильменский заповедник зовется именем Ленина», — говорится в сказе А. Калинина. Сказ Бажова заканчивается также словами: «Теперь этот заповедник Ленинским зовется».

Очень вероятно, что А. Калинин использовал сказы Бажова. Но значительно важнее то очевидное обстоятельство, что Бажов черпал из неиссякаемого источника народного творчества,— этот источник был общим и для П. П. Бажова и для А. Калинина. И Калинин и Бажов ссылаются на «стариков». «Про него (про Деда-Самоцвета, — *М. Б.*) старики рассказывали такую историю»... — говорит Калинин. У Бажова читаем: «Только наши старики-горщики... по-своему рассказывают так...».

Но А. Калинин не относится к числу сказителей-мастеров, скажем, типа В. А. Хмелинина. «Сказ» А. Калинина характеризуется композиционной неслаженностью, так как рассказчик просто припоминает все, что ему приходилось слышать от «стариков», объединяя в одном сказе по крайней мере три различных произведения народно-поэтического творчества. Он начинает рассказ передачей старой песни уральских старателей:

Ой, вы, горы, да горы синие,
Горы синие, да Уральские...

Полностью передав песню (14 стихов), рассказчик переходит к собственно «сказу»: «Много, много здесь было тайного да диковинного. Вот я и расскажу вам про уральские места: какие они были и какие стали». Самый сказ состоит из нескольких элементов, связанных только пространственной близостью мест, о которых идет речь. Сначала приводится легендарное объяснение башкирского названия горы Таганай («Подставка луны»). Затем рассказчик переходит к легенде об Ильменском заповеднике, о его сказочном старом хозяине — Деде-Самоцвете — и о некоем миасском «купце», владельце золотых приисков. Дед-Само-

цвет закрыл доступ купцу к богатствам Ильмен, так как «сердце у него звериное, а руки в людской крови». Дед передал горные сокровища посланцам Ленина: «Пусть ими пользуются все люди, живут да радуются. Пусть их жизнь будет такая же красивая, как эти самоцветы». Наконец, вновь возвратившись к преданию о Таганае, рассказчик с удовлетворением отмечает, что на горе построили научную станцию, и люди уж не верят сказке о том, что на Таганае луна отдыхает.

В отличие от рассказа А. Калинина, сказы П. П. Бажова — мастерски сделанные художественные произведения, им свойственны внутреннее, идейное единство, прекрасная композиционная организованность. Все это лишь характеризует принципы использования Бажовым фольклорных мотивов, тем, образов. Очевидно, в каком-то или в каких-то вариантах Бажов знал уральские сказы о Ленине и те сказы, отзвуки которых имеются в «Сказе» А. Калинина. Прямым свидетельством знакомства Бажова с народными легендами о Таганае является, например, сказ «Старых гор подаренье», где есть ссылка на народное предание о том, что Салават Юлаев «на Таганай ушел, а оттуда на луну перебрался». Но главное состоит в том, что писатель Бажов глубоко проник в самый строй мыслей, дум, чувств трудового народа, в характер образов народно-поэтического творчества, в народную поэтику, и народная оценка фактов, явлений, событий была отлично понята и усвоена им. Именно в сказах о В. И. Ленине это и обнаруживается с полной ясностью.

Сказы Бажова о В. И. Ленине являются произведениями большого, зрелого художника, выработавшего свой художественный стиль, основанный на использовании фольклорных материалов. Писатель, глубоко зная народ и в совершенстве владея художественными средствами фольклора, мог облекать в привычную для него сказовую форму, в частности и в форму фантастического сказа, любой материал действительности, не боясь впасть и на деле ни в какой мере не впадая в стилизаторство. Дело в том, что Бажов усвоил не только форму фольклорного сказа, отработав ее до совершенства, но усвоил народное отношение к жизни во всем многообразии ее явлений.

Интересен в этом плане первый черновой вариант начала сказа «Богатырева рукавица», отвергнутый позднее самим писателем:

«Сперва-то, сказывают, в здешних краях два змея боролись: водяной да огненный. Оттого будто и все здешние богатства пошли. Огненный змей, видишь, камнями да рудами оборонялся, а водяной их заливал. Вот тут (неразборчиво) и вышло... Все-таки огненный змей усилился,— хребет свой из воды выставил. Да еще придумал в этом хребте людей поселить. Простому человеку прожить в такой суматохе, понятно, никак не возможно...» [1].

Можно думать, что писатель пытался облечь в форму народной легенды современные геологические представления относительно происхождения гор на земле, в частности Уральского хребта [2].

И, думается, Бажов, используя свои запасы фольклорных образов и мотивов, мог бы в сказовой, в частности и фантастической форме, повествовать о любом явлении жизни, не опасаясь вызвать недоверия в читателе относительно подлинной народности — по духу и по форме — его рассказа. И сказы его представляют такой сплав личного творчества писателя с фольклорными элементами, что до конца разграничить в них то и другое — невозможно.

Сказы о В. И. Ленине логически завершают бажовскую разработку темы счастья, начатую им еще в довоенных сказах, — в частности в сказах о поисках земельных богатств, о «перводобытчиках». Подлинное счастье — в беззаветном служении народу, в самоотверженной борьбе за счастье народа. Самым высоким образцом такой борьбы является вся жизнь величайшего народного вождя — Владимира Ильича Ленина, гениального создателя счастья трудового народа. Не случайно образ В. И. Ленина разрабатывается Бажовым в сказах «старательского» цикла. Ведь именно среди старателей так много фольклорных произведений о счастье, хотя в них-то чаще всего истинное понимание счастья и затемнялось нечастыми личными удачами отдельных искателей.

Сказы о В. И. Ленине в творчестве Бажова являются фактом исключительного значения. Впервые за всю его литературную деятельность в жанре сказа писатель, создавший более 20 сказов, — и все о далеком прошлом, — обра-

---

[1] Рукопись сказа «Богатырева рукавица». Архив П. П. Бажова.

[2] См., например, главу «История Уральского хребта» в книге А. Е. Ферсмана «Урал — сокровищница Советского Союза». Профиздат, 1942, стр. 18—27.

тился к прямому показу советской действительности. Бажов до сих пор как будто не решался отобразить современную жизнь. Не решался, так как ее отображение требовало новых художественных форм, отличных от тех, к каким он привык. Но когда сама жизнь предъявила писателю свои требования, то непосредственное отображение советской действительности Бажов начал сказами о человеке, безгранично дорогом для всех честных людей земли, бесконечно любимом и самим Бажовым. Самый факт обращения Бажова к непосредственному отображению советской жизни через столь ответственную тему и в очень трудное для страны время чрезвычайно показателен для настроений писателя в годы войны. Сказы Бажова о Ленине поистине были велением долга — долга гражданина и коммуниста, они свидетельствуют о том, насколько остро ощущал писатель свой патриотический долг.

Через сказы о вожде социалистической революции советская жизнь впервые вошла в сказовое творчество Бажова как объект непосредственного художественного отображения.

Сказы о Владимире Ильиче Ленине открывали новую страницу в развитии сказового творчества Бажова.

5

В годы Великой Отечественной войны значительно расширился диапазон сказового творчества Бажова в плане идейно-тематическом.

События войны ускорили развитие его в том направлении, которое наметилось уже в довоенных сказах: все большее приближение их к современности. Если до войны эта характерная черта сказов Бажова выражалась в освещении событий далекого прошлого с позиций советского писателя, в разработке актуальнейшей для нашего народа темы творческого труда и в отображении важнейших черт русского национального характера, то в годы войны сказы стали непосредственными откликами на текущие события. Бажов проводил своеобразное сопоставление попыток иноземной колонизации России в прошлом с современностью, с открытым нападением фашистских захватчиков на нашу страну.

Сам писатель говорил относительно сказов военных лет: «Ясно, что тут было внутреннее задание дать какой-то цикл

сказов, связанных с общей обстановкой в стране, с тем, что переживал народ»[1].

Идея русской национальной гордости в годы войны стала одной из ведущих идей творчества Бажова.

Естественное в этот период усиление интереса народа к своему историческому прошлому, к славным национальным традициям, глубокое осознание преемственности поколений великой русской нации — все это в сказах Бажова нашло свои отклики, и именно в разработке темы труда. В условиях напряженнейшей работы советского тыла поэтизация в сказах не только труда в области прикладных искусств, но и всякого общественно-полезного труда — будничного, обыкновенного — соответствовала самым жизненным интересам советского общества.

С усилением интереса народа к своему прошлому связано и то, что в сказах, посвященных теме труда, Бажов обращается к художественному отображению подлинно исторических фактов. Таковы, например, сказы «Иванко-Крылатко» и «Чугунная бабушка». Иван Бушуев — историческая личность. Он был рисовальщиком-гравером по металлу, замечательным мастером-художником и жил в начале XIX века. «Клинки, украшенные Бушуевым, хранятся как государственное достояние в Московской Оружейной Палате, есть они и во многих музеях страны, являясь их подлинным украшением», «исполненные более века тому назад, его работы и сейчас остаются предметом восхищения»,— пишет директор Златоустовского городского музея[2]. Во второй половине прошлого столетия жил и трудился на Каслинском заводе скульптор-самородок, литейщик Василий Федорович Торокин. Он был создателем не только замечательной скульптуры «Старуха с прялкой», описанной в сказе Бажова «Чугунная бабушка», но и таких образцовых скульптурных групп, как «Крестьянин на пашне», «Углевоз», «Поездка кулака на праздник», «Литейщики на работе»[3].

Приближение сказов к современности выразилось и в том, что Бажов стал отображать прошлое более близкое, чем в довоенных сказах. В начале сказа «Живинка в деле»

---

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 156.

[2] Альманах «Южный Урал» № 2, Челябгиз, 1951, стр. 35.

[3] Б. Переберин. Каслинские мастера. Альманах «Южный Урал» № 5, стр. 101.

о событиях его говорится: «это... после крепости было», а действие сказа «Железковы покрышки» развертывается «после пятого году».

Обращение к теме вождя социалистической революции, впервые разработанной в сказе 1942 года «Солнечный камень», знаменовало вместе с тем обращение Бажова к непосредственному отображению советской действительности.

Именно в годы войны в полную силу зазвучала в сказах Бажова идея всепобеждающего советского патриотизма.

Все сказы Бажова военных лет проникнуты страстным желанием писателя помочь народу в его вооруженной борьбе против врага. Сказы военных лет оказались одинаково нужными для советских людей и фронта и тыла. И тех и других идейно вооружали сказы «о немецких начальниках». Поэтизация труда в сказах Бажова, нашедшая наиболее яркое выражение в сказе «Живинка в деле», была особенно нужной для тружеников тыла. Но этот сказ нашел горячий отклик и среди солдат, стремившихся быстрее разгромить врага и вернуться к мирному созидательному труду. Показателен такой факт. В 1943 году фронтовики послали Бажову вырезку из «Правды» — сказ «Живинка в деле» с надписью над заглавием: «Читали на фронте, в лесу, среди болот. Бойцы, со всех концов СССР, а нашего Павла Петровича знают» [1].

«Уральские сказы» при их высоком идейно-художественном уровне были доступными для широчайших масс читателей самой различной образованности, самых различных литературных вкусов. И большое значение при этом имела именно форма народного фольклорного сказа.

Фронт и тыл предъявляли настойчивые требования на произведения народного творчества и на произведения писателей, работавших в жанрах народной поэзии. Показательно в этом смысле письмо Президиума ССП СССР республиканским и областным отделениям ССП, относящееся к октябрю 1942 года:

«Одна из важнейших задач, какие сейчас стоят перед писательскими организациями,— дать фронту сказки, сказы, песни, частушки, пословицы, поговорки и т. п., т. е. наиболее доходчивые до широких масс бойцов жанры художественного творчества.

Президиум Союза Советских Писателей СССР поручает

[1] Архив П. П. Бажова.

Вам усилить работу в этой области. Активизируйте поэтическую работу народных поэтов (сказителей, ашугов, акынов). Организуйте собирание фольклора Отечественной войны. Кроме того, очень важно привлечь силы писателей к непосредственной творческой работе в жанре народной поэзии и прозы на темы Отечественной войны (фронта и тыла)» [1].

Президиум ССП совершенно правильно понял нужду фронта в простом, доходчивом и глубоко идейном художественном слове, в народно-поэтических формах и передал требования фронтовиков местным писательским организациям.

Творчество писателя Бажова соответствовало сформулированным в письме Правления ССП требованиям солдат Советской Армии.

В этом свете понятна еще одна причина широкой популярности, какую приобрели в военные годы и ранние сказы Бажова. Дело не только в том, что тема творческого труда в годы войны также была оборонно-патриотической темой, что Бажов воспел лучшие черты русского национального характера, не только в глубокой народности содержания сказов Бажова, но и в подлинной народности их формы.

В 1944 году М. Шагинян писала: «Бажова как автора «Малахитовой шкатулки»... знают уже немало лет и притом не только на Урале. Но лишь в Отечественную войну это знание стало полным. Великие испытания, переживаемые всем народом, служат как бы пробным камнем для искусства. Они определяют удельный вес каждого произведения, степень его участия в том большом совместном творчестве человечества, которое можно назвать «тягой истории», направляющим движением к будущему.

Отечественная война показала, что книга Бажова «тянет» и тянет крепко. Бажову удалось в конкретнейшей художественной форме, на своеобразной исторической основе создать произведение огромного значения» [2].

Многочисленные письма Бажову от рядовых советских читателей со всех концов великой Родины — солдат и тружеников тыла — только подтверждают глубокую истинность слов писательницы.

---

[1] Приводится в извлечениях по экземпляру, хранящемуся в архиве П. П. Бажова.

[2] М. Шагинян, Выдающийся художник слова. «Правда», 4 февраля 1944 г., № 30 (9487).

Солдаты Советской Армии принимали «Сказы о немцах» как оружие, помогавшее им в войне против фашистских захватчиков, а автора сказов считали своим собратом по борьбе.

«Ваши труды и наши автоматы показали и покажут врагу силу русского оружия»,— писал Бажову в феврале 1944 года фронтовик С. В.

Солдаты и офицеры-гвардейцы заявляли, что они считают писателя «почетным гвардейцем, шагающим с нами вперед, на окончательный разгром ненавистного врага».

С разных фронтов писатель получал просьбы прислать книгу его сказов. Вот одна из них: «Если можете, вышлите нам хоть один экземпляр Вашей «Малахитовой шкатулки», так как имевшийся у нас один экземпляр пропал в бою вместе с нашим героем-танкистом Моисеевым» [1].

Многие фронтовые газеты печатали «Сказы о немцах» и просили Бажова написать сказ специально «для нашей газеты»: «Читали бойцы Вашу замечательную книгу «Малахитовая шкатулка», — ненахвалятся... Не пришлете ли Вы для нашей газеты (называется она «Бей врага») небольшой сказ о том, как наши уральские мужики немцев умом и делом превосходили, как это показано у Вас в «Иванке-Крылатке».

Особенной популярностью среди фронтовиков пользовался сказ «Чугунная бабушка». «Сейчас прочитали Ваш сказ «Чугунная бабушка». Хорошая штука»,— писали Бажову советские солдаты из Заполярья.

Солдатские письма к П. П. Бажову убедительно показывают, что слово писателя било в цель, что он взял «верный прицел». Тематика «Сказов о немцах» оказалась нужной, идеи — действенными, а тон, взятый писателем,— верным. Сказы Бажова не только воспитывали ненависть в советских солдатах к гитлеровским оккупантам, но и учили бить врага как раз по наиболее уязвимым его местам. Русскую сметку, инициативность, не только дисциплинированность, но и уменье принимать самостоятельные решения в боевой обстановке, тот же творческий подход к делу, который отличает русского человека в труде, — все эти качества, необходимые солдату, и воспитывали сказы Бажова.

---

[1] Письмо фронтовика от 15 января 1944 г.

Сказы, написанные П. П. Бажовым в годы войны, были крупным шагом вперед в его творческом развитии.

Именно в годы войны писатель Бажов получил всенародное признание.

В «Полугодовом рапорте уральцев Великому Маршалу Советского Союза товарищу Сталину» за первую половину 1943 года, подписанном более чем полутора миллионами человек, наряду с другими знатными людьми Урала, готовившими грозное оружие для фронта, с большой теплотой был упомянут и П. П. Бажов:

«В дивных сказах Павла Петровича Бажова, уральца-писателя, воспета трудовая доблесть Урала» [1].

Выражением всенародной оценки заслуг П. П. Бажова явилось присуждение создателю «Малахитовой шкатулки» Сталинской премии второй степени Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 19 марта 1943 г. Сталинская премия была присуждена Бажову одновременно с присуждением Сталинских премий А. Толстому за трилогию «Хождение по мукам», В. Василевской за повесть «Радуга», Л. Соболеву за сборник рассказов «Морская душа», М. Алигер за поэму «Зоя», А. Корнейчуку за пьесу «Фронт», Л. Леонову за пьесу «Нашествие», К. Симонову за пьесу «Русские люди».

В феврале 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР П. П. Бажов был отмечен высшей правительственной наградой страны — орденом Ленина.

Сказы П. П. Бажова были частью великого вклада славного отряда советских писателей в общенародное дело защиты Родины от наглого и опасного врага.

6

9 мая 1945 года советский народ победоносно закончил войну против германского фашизма. В сентябре того же года, вслед за Германией, безоговорочно капитулировала империалистическая Япония. Советская Армия разгромила своих противников как на Западе, так и на Востоке. Страна получила возможность мирного коммунистического строительства, осуществления великой сталинской программы, изложенной в исторической речи вождя 9 февраля 1946 года. В неслыханно короткие сроки, с огромным энту-

---

[1] Сб. «Свердловск», Свердлгиз, 1946, стр. 442.

зиазмом наш народ не только восстанавливал то, что было разрушено фашистскими громилами, но и развивал дальше все отрасли народного хозяйства и культуры. Гигантскими шагами страна устремилась вперед, к великой вдохновляющей цели, указанной товарищем Сталиным,— к коммунизму.

Большее, чем когда-либо раньше, значение приобретало дело коммунистического воспитания трудящихся.

Коммунистическая партия провела ряд мероприятий, направленных на усиление и расширение всей идеологической работы.

Неоценимой важности факт выхода сочинений И. В. Сталина, новое, четвертое издание сочинений В. И. Ленина, исторические постановления ЦК коммунистической партии по вопросам литературы и искусства, дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (1947 г.), сессия ВАСХНИЛ, знаменовавшая победу передовой мичуринской биологии (1948 г.), разгром космополитической группы критиков-антипатриотов, проведенный «Правдой» в 1949 г., дискуссия по вопросам физиологии, приведшая к торжеству учения И. П. Павлова (1950 г.), языковедческая дискуссия, завершившаяся опубликованием гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, — таковы события, определяющие необыкновенно богатую идейную жизнь советского народа в годы первой послевоенной пятилетки.

Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства представляют собою развернутую программу работы по коммунистическому воспитанию людей. Они имеют непреходящее значение как документы, в которых сформулированы первостепенной важности теоретические положения по коренным методологическим проблемам искусства и литературы.

Значение постановлений ЦК ВКП(б) для развития советской литературы огромно. Партия потребовала от писателей и художников повышения идейно-художественного уровня произведений литературы и искусства, отображения в них современной советской действительности, типических черт советского современного человека, постановки и решения в художественных произведениях актуальных для современности проблем, достижения наибольшей силы воздействия произведений на читателя в целях коммунистического воспитания трудящихся, уменья руководствоваться

политикой коммунистической партии, как жизненной основой советского строя.

Постановления ЦК партии привели к дальнейшему подъему и невиданному ранее расцвету советской литературы.

Как и все советские писатели, П. П. Бажов с удовлетворением воспринял постановления ЦК, понял их, как документы вдохновляющего внимания, большой и своевременной партийной помощи всем работникам литературы и, в частности, помощи ему, писателю Бажову. В послевоенные годы во многих высказываниях Бажова находят особенно яркое выражение заботы писателя о том, чтобы его произведения как можно более действенно служили советскому народу, его сегодняшним нуждам, его борьбе за коммунизм.

Для советского писателя, работающего на историческом материале, такая забота особенно естественна. Требуется не только отличное знание истории, проникновение в атмосферу жизни, быта, в строй мыслей и чувств людей прошлого, не только глубочайшее понимание задач современности, но и большое художественное мастерство, позволяющее поставить отображение прошлого на службу настоящему.

Одного из начинающих литераторов, пославшего свое произведение Бажову, писатель упрекает: «В сущности, это прекрасно рассказанный случай из прошлого, но чем он нужен современному читателю? Думаю, Вам не надо объяснять, что это вопрос не праздный, особенно теперь, когда мы имеем прямое напоминание, что старина ради старины иногда служит просто способом уйти от современности. Понятно, что Вам, краеведу и историку, тема прошлого не только не заказана, но, наоборот, «предуказана», но никогда все-таки не следует забывать, что советский историк должен найти какие-то нити, связывающие старое с новым» [1].

Слова Бажова — не только совет, но и выражение его зрелых мыслей по вопросу о том, как следует показывать старину. «Прямое напоминание», о котором говорит Бажов,— это постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и особенно — постановление от 26 августа 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». ЦК ВКП(б) подчеркивал, что «Глав-

[1] Письмо О. П. от 16 декабря 1946 г. Архив П. П. Бажова.

ный недостаток нынешнего состояния репертуара драматических театров заключается в том, что пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара крупнейших драматических театров страны».

Отмечая неудовлетворительную работу драматургов, ЦК ВКП(б) указал: «Многие драматурги стоят в стороне от коренных вопросов современности, не знают жизни и запросов народа, не умеют изображать лучшие черты и качества советского человека».

ЦК обязал Комитет по делам искусств и Правление ССП «сосредоточить внимание на создании современного советского репертуара» и поставил перед драматургами и работниками театров задачу — «создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества, о советском человеке».

Речь шла не о запрете исторической тематики,— ЦК партии осуждал «чрезмерное увлечение» ею в ущерб тематике современной.

Бажов отлично понимал, что о прошлом следует говорить отнюдь не ради самого прошлого, — это было бы бессмыслицей, — а ради настоящего и во имя будущего. В 1945 году, в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Грибоедова, он писал: «Связать юбилейную дату с современностью, разумеется, необходимо, так как делается все это для живых, а не для мертвых» [1]. Едва ли можно более убедительно сказать о необходимости связывать «исторические воспоминания» с задачами современности, как о самом естественном, наиболее элементарном требовании «живых».

Для советского исторического писателя первым условием осуществления связи прошлого с современностью является уменье правильно понять, оценить и показать факты истории с точки зрения марксистско-ленинской теории.

Считая, что советский писатель обязан «любое явление жизни понять и осветить светом марксистско-ленинской философии и видеть перспективу с высоты этой же философии» [2], П. П. Бажов, естественно, распространял это требование и на освещение явлений прошлого. Говоря о необ-

---

[1] Дневник писателя «Отслоения дней», запись 26 января 1945 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Письмо В. Л. от 7 октября 1946 г. Архив П. П. Бажова.

ходимости для писателя-«историка» работать над архивными материалами, он напоминает одному из начинающих литераторов: старые заводские архивы следует «прочитать по-новому, советским глазом» [1].

Так естественнейшим образом из требования связи прошлого с современностью вытекает необходимость для писателя на историческую тему глубоко изучать факты истории, осмысливать их с марксистской позиции. Именно тщательного изучения изображаемого и, в частности, фактов и событий исторической действительности, требовал ЦК ВКП(б) от работников литературы и искусства.

Бажов как писатель был воспитан на принципах политики коммунистической партии в области художественной литературы, и поэтому указания ЦК ВКП(б) соответствовали самым глубоким убеждениям писателя. В своих высказываниях середины 40-х годов он вновь и вновь возвращается к мысли об обязательности для художника глубоко изучать изображаемые им явления, а в особенности для художника, работающего на материале истории,— тщательно изучать события и факты истории.

Бажов вдумчиво изучал опыт русских классиков и крупнейших советских писателей, работавших над произведениями исторического жанра, и с гордостью отмечал их подлинно исследовательскую работу над материалами истории: «Мы ведь избалованы своими историческими романистами. Не только у первоклассных, но и у второстепенных и даже у третьестепенных редко можно встретить деталь, слово, жест, которые бы не были документально обоснованы. К этому русский читатель привык».[2] Вместе с тем Бажов резко критикует писателей, безответственно относящихся к изображению прошлого. Бажов видит пример и высокий образец в великом трудолюбце, гениальном основоположнике русской литературы — А. С. Пушкине и противопоставляет его тем писателям, которые «хотят «всего достичь», не утруждая ни глаз, ни зада, за счет «голого таланта», а не выходит. И никогда не выйдет без большого участия глаз и сиденья, даже при самой большой одаренности. У стариков надо учиться именно этому непривычному для нас искусству. Разве наш национальный гений

---

[1] Письмо И. У. от 31 марта 1947 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Письмо А. А. Суркову. Копия не датирована. Архив П. П. Бажова.

А. С. Пушкин не поразителен и своей трудоспособностью?»[1]

Мысль о тщательном изучении писателем отображаемого им материала, как необходимом условии высокого качества литературных произведений, была постоянной мыслью Бажова. Он был глубоко убежден, что «литература начинается с котлована ниже линии промерзания и очень честной выкладки фундамента».[2]

Бажов полагал, что «художественный вымысел, неизбежный при построении повести, рассказа или романа, может держаться лишь на прочном фундаменте хорошо изученных фактов, явлений, характеров», что «право художественного вымысла — вовсе не право обмана».[3]

И если Бажов писал: «Сказ ведь, знаете, штучка ажурная, которая может держаться лишь на очень прочном фундаменте, а не на тумане»[4], — то это не относилось только к сказовому жанру вообще и не являлось беспредметным пожеланием. Сказы самого Бажова именно таким образом и создавались — «на очень прочном фундаменте» изучения как истории, так и советской современности. Если он говорил: «был и остаюсь сторонником труда в литературе»,[5] — то был таким сторонником на деле, в своей повседневной литературной работе.

Записные книжки и дневники писателя дают в достаточной мере выразительные свидетельства его большого и упорного «труда в литературе».

Писатель глубоко знакомился с трудом тех людей, кого он изображал в сказах.

Сказы Бажова являются плодом вдумчивого и тщательного изучения исторических материалов.

С другой стороны, они всегда писались для современников. Отображая прошлое, писатель ставил и решал проблемы, актуальные для советского общества, причем в годы Великой Отечественной войны он брал для художественного отображения факты и явления исторической действи-

---

[1] Письмо Е. А. Пермяку от 27 октября 1945 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Там же.

[3] Письмо Г. Г. от 15 июня 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[4] Письмо Е. А. Пермяку от 1 января 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[5] Письмо Е. А. Пермяку от 27 октября 1945 г. Архив П. П. Бажова.

тельности, во времени все более и более близкие к современности.

К показу явлений современности Бажов шел через жанр исторического сказа. На первый взгляд такое утверждение может показаться парадоксальным. На деле же совершенно естественен путь от исторического сказа-легенды, историзм которого в значительной мере условен, через сказ о подлинно-исторических личностях к сказу о сегодняшнем дне. Ведь первым сказом, непосредственно отразившим явления советской действительности, советских людей, был «Солнечный камень» — сказ о периоде гражданской войны, сказ о Ленине. Это и история, и современность.

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам обязывали писателя Бажова ко многому. Начавшееся в годы войны превращение жанра исторического сказа в основной жанр Бажова требовало от писателя глубокого анализа своей работы в этом новом для него жанре. Конкретный историзм новых сказов Бажова существенно отличался от историзма его довоенных сказов,— даже таких, как «Ермаковы лебеди» или «Дорогое имячко». В большинстве новых сказов, во-первых, речь шла об определенных исторических личностях, каких в довоенных сказах Бажова, кроме Ермака и Демидовых, не было. Во-вторых, сказы посвящались более поздним временам, оставившим после себя большее количество доподлинных фактов, документальных данных, свидетельств современников. Все это означало необходимость изучения значительно более широкого круга источников, чем необходимо было для работы над довоенными сказами. Наконец, писателю следовало подумать над еще большим приближением сказов к современности не только через актуализацию их проблематики, но и через непосредственный показ в них событий и фактов современной действительности.

Переписка Бажова 1946—1947 годов с полной ясностью обнаруживает следующее: писателем были глубоко поняты требования ЦК партии, их громадный смысл и общественное значение, и они соответствовали самым горячим желаниям и стремлениям Бажова, соответствовали его пониманию задач советской литературы. В то же время он переживал некоторые опасения. Поймут ли издательские работники, что его сказы, написанные на историческом материале, являются сказами современными, что в них ставятся актуальные для современности проблемы? — таково было со-

мнение писателя, выраженное им, в частности, в письме к И. Н. Розанову: «Краевые издательства Свердловское, Челябинское и Курганское «перепоняли» постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и склонны отвергать всякую работу, если она внешне не связана с современностью, да и московские издательства (имею в виду «Советский писатель»...) этим же грехом страдают».[1]

У Бажова были поводы для подобных опасений. Прочитав в «Литературной газете» статью Б. Емельянова «Искаженная действительность», он имел основания огорчаться: «моя работа полностью приравнивается вообще к работам о старине». И далее: «Состояние моего образования не позволяло взобраться полностью на то плоскогорье, которое открыл нам марксизм... Но та высота, на которую мне все-таки удалось подняться, дает возможность по-новому посмотреть на знакомое мне прошлое. Считаю это качеством современника, а меня относят в группу, перелопачивающую старый материал...». При этом Бажов раскрывает замыслы нескольких своих сказов, написанных «на самую острую тему современности» [2].

Последующее творчество Бажова убедительно показывает, что он очень быстро преодолел свои сомнения и опасения. В советской общественности П. П. Бажов нашел самую горячую поддержку: сказы его были нужны советским людям. Исследователю его творчества — Л. И. Скорино — Бажов сообщал: «Ваш объект... не унывает и чает воскресения мертвых до 17 века включительно. Не с тем, чтобы рассматривать старую «одежу-обужу».., а для того, чтобы нашим современникам можно было перемолвиться запросто» [3].

Дать возможность «запросто перемолвиться» нашим современникам с людьми труда, жившими в прошлом,— такова бажовская формулировка одной из самых существенных особенностей его сказов. Форма сказа позволяла «организовать» своеобразную беседу советских людей с их далекими по времени предшественниками. Основной смысл ее можно было бы сформулировать так: «Как вы жили,

---

[1] Письмо И. Н. Розанову от 2 апреля 1947 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Письмо к Л. И. Скорино от 17 сентября 1946 г. Архив П. П. Бажова. Статья Б. Емельянова, о которой говорит Бажов, напечатана в «Литературной газете» 7 сентября 1946 г.

[3] Там же.

трудились, боролись, наши прямые предки, труженики старого Урала? Расскажите о своей жизни, о своих делах»,— как бы спрашивает Бажов от имени советских людей. И оживленные писателем в художественных образах русские мастеровые далеких веков отвечают: «Жили страшно: были рабами помещиков-заводовладельцев. Но трудились не только для них, но и для будущего, для вас. Среди нас, простых русских мастеровых, были великие труженики, талантливые мастера. И мы оставили большое наследство вам, нашим потомкам, великому народу, ставшему хозяином родной страны и всех ее богатств. Мы мечтали о счастливой, радостной жизни, о свободном труде — и боролись. Ваша жизнь несравненно выше, краше всех наших мечтаний. Но есть в ней и наш скромный вклад. Идите вперед, умножайте богатства народа, благоустраивайте и украшайте родную землю и умейте защищать достигнутое и завоеванное вами».

Главное, что делает современными сказы П. П. Бажова о прошлом, как уже говорилось выше,— это разработка на материале истории актуальных для современности проблем. Решающее значение здесь имеет то обстоятельство, что автор «пытался осветить... старину с позиций другого мировоззрения» [1], то есть с позиций марксистского мировоззрения, которое в данном случае Бажов противопоставляет мировоззрению буржуазно-дворянских историков.

Сопоставление нового, советского, со старым, досоветским, неизбежно приводящее читателя к выводам в пользу нового; сопоставление, воспитывающее и укрепляющее в советском читателе сознание невозможности жить иначе, чем живет человек в советском обществе, ощущение бесчеловечности форм социальной жизни, основанных на эксплуатации человека человеком,— таков избранный Бажовым в его сказах о прошлом способ утверждения советской социалистической формы общественного бытия. Поэтому-то Бажов с полным правом мог говорить о своих сказах, что они «партийно направлены» [2], имея в виду, конечно, партийность коммуниста.

Сопоставление нового со старым в пользу нового в до-

---

[1] Письмо Л. И. Скорино от 10 июля 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Письмо Л. И. Скорино от 25 февраля 1945 г. См. в 1 томе соч., П. П. Бажова в трех томах. ГИХЛ, 1952, стр. 317.

военных сказах П. П. Бажова и в сказах 40-х годов проводится по-разному. Объясняется это тем, что рассказчики в тех и других — люди разных поколений.

В довоенных сказах, где повествование ведется от имени старого рабочего, жившего в 80—90-х годах прошлого столетия, сопоставление дореволюционной русской действительности с действительностью советской по необходимости было, так сказать, «скрытым», «внутренним». Это было сопоставление старого скорее с мечтой о новом, о новых формах жизни трудящихся без эксплуатации человека человеком, жизни, наполненной свободным творческим трудом. При этом мечты деда Слышко получают под рукою Бажова такое выражение, что в них читателем угадываются какие-то черты советской жизни.

В сказах 40-х годов, в большинстве которых повествование ведется от имени нашего современника, советского человека, характер сопоставления нового со старым, естественно, изменился. Новый рассказчик имеет возможность прямого сопоставления нового и старого. Такое сопоставление и становится главной формой утверждения и поэтизации советской действительности в исторических сказах Бажова 40-х годов, и особенно в послевоенных, написанных после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

7

Приведенные выше прямые высказывания П. П. Бажова, относящиеся к 1944—1947 годам, убеждают в том, что он, писатель, очень чуткий к запросам народа, самой советской действительностью и особенно событиями военных лет, всей предшествующей политикой партии в области литературы, предыдущим своим творческим развитием был подготовлен к тому, чтобы глубоко понять постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, чтобы сделать из них правильные практические выводы применительно к своей литературной деятельности.

Анализ послевоенных сказов Бажова, написанных до постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», подтверждает этот вывод.

Тема труда остается ведущей темой сказов Бажова и в послевоенные годы. Продолжая разработку ее в исторических сказах, писатель показывает тех русских людей творческого склада, которые являлись новаторами в заводском

деле или первооткрывателями земельных богатств. Интерес к ним был постоянным и устойчивым у Бажова, так как в простых людях прошлого, которые не стали в свое время знатными людьми лишь в силу социальных условий, писатель прежде всего и видел подлинно народных мастеров, носителей талантливости,— черты, столь характерной для русского народа. В годы войны и после нее интерес Бажова к старым русским мастерам особенно усилился. Он ищет в источниках их имена и с удовлетворением отмечает каждый случай раскрытия таких имен в том или ином труде по истории страны. Всякое выдающееся творение старых мастеров неизбежно вызывает у писателя вопросы: кто это сделал? Его имя? Кем он был? Отвечая товарищу, желающему стать литератором и написать историческую повесть о Екатеринбурге-Свердловске, Бажов разъясняет, насколько серьезным должен быть «багаж» писателя, взявшегося за историческую тему: «О Татищеве и Геннине Вы, конечно, знаете, а что у Вас есть об основном строителе первой заводской энергетической базы — плотины? Кто он, где учился, какой предварительный опыт имел, чтобы построить такое сооружение, которое простояло уже свыше 200 лет?» [1].

Отмечая, что имена народных мастеров, в свое время внесших серьезные усовершенствования в промышленное производство, чаще всего забыты, Бажов писал: «Это кажется обидным. Герои труда и всякого рода изобретатели должны найти свое отражение и для людей нашего времени» [2]. Своей творческой задачей писатель и считал, в частности, показ таких старинных героев труда.

Интересна творческая история одного из исторических сказов Бажова — «Золотые дайки». Еще в 1944 году у Бажова возникла мысль написать сказ о первооткрывателях Березовского золотого месторождения под Свердловском — о горщике Ерофее Маркове, открывшем там впервые золото в 1745 году, и о даровитом самоучке Льве Брусницыне, открывшем в 1814 году в Березовске рассыпное золото крупного промышленного значения. Интерес к ним для Бажова совершенно естествен именно потому, что они были первооткрывателями, «перводобытчиками». Подводя

---

[1] Письмо А. В. от 29 сентября 1947 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Дневник писателя «Отслоения дней», декабрь 1945 г. Архив П. П. Бажова. К этому вопросу Бажов вновь возвращается в письме И. И. Халтурину от 16 февраля 1946 г.

итоги своей работы за день 31 декабря 1944 года, Бажов писал: «Сел снова за машинку и стал набрякивать что-то другое. Это что-то было попыткой притянуть к Новому году рассказ о рассыпном золоте, впервые открытом Л. И. Брусницыным... Полезным итогом дня кажется возможность отдельно написать о Брусницыне, а не включать его в сказ о золотых дайках, как сперва намечалось... К. В. говорила, что у В. есть какие-то архивные, неиспользованные материалы. Вот посмотреть, может быть, и наберется на сказ «Левушкины крупинки...» Из «Золотых даек» эту часть о брусницынском золоте во всяком случае надо выбросить. Таким образом, пока намечается по Березовску две вещи: «Золотые дайки» и «Левушкины крупинки». Не плохо может прозвучать «Масляный столбик» (о листвяните). «Теплую грань», о которой давно думаю, можно тоже отнести к Березовскому заводу. Глядишь, и наберется материал для маленькой книжечки под общим заголовком «Золотые дайки».

...Первый заголовочный сказ («Золотые дайки»,—*М. Б.*) начат, но подвигается медленно: не могу найти занятную фабулу» [1].

Дальнейшая судьба всего замысла такова: сказы «Левушкины крупинки» и «Масляный столбик» не были написаны. Сказ «Теплая грань» начат и, судя по машинописному тексту первых его страниц, должен был представлять собою продолжение цикла сказов о Даниле-мастере и его семье, а именно — дальнейшую историю сына Данилы, мастера-гранильщика Мити (см. сказ «Хрупкая веточка») [2].

В процессе работы из незаконченного сказа «Теплая грань» в свою очередь выделился, тоже только начатый, сказ «Хозяйкино зарукавье»,— о дочери Данилы, мастерице-вышивальщице Насте [3]. Сказ «Золотые дайки» был написан Бажовым и опубликован в газете «Уральский рабочий» в октябре 1945 года.

---

[1] Дневник писателя «Отслоения дней». Запись 31 декабря 1944 г. Архив П. П. Бажова.

[2] В 1948 г. Бажов говорил: «Собираюсь закончить сказ о «Каменном цветке». Мне хочется показать в нем преемников его героя, Данилы, написать об их замечательном мастерстве, устремлении в будущее. Действие сказа думаю довести до наших дней» («Вечерняя Москва», 31 января 1948 г. Беседа П. П. Бажова с корреспондентом газеты).

[3] Рукопись глубоко поэтичного начала сказа хранится в архиве П. П. Бажова.

Замечание о том, что писатель пытался «притянуть к Новому году» сказ о Л. Брусницыне, объясняется тем, что в 1945 году исполнялось 200-летие первого открытия золота на Урале,— дата, довольно широко отмечавшаяся. В частности, в Свердловске вышел литературно-художественный сборник «Золото», в котором был напечатан и сказ «Золотые дайки». 200-летие золотопромышленности давало возможность Бажову опять-таки сопоставить настоящее с прошлым с целью раскрытия великих преимуществ социалистического строя.

С другой стороны, в связи с юбилеем было уместно и поучительно напомнить о безвестных или малоизвестных «героях труда» прошлого, о тех, кто начинал отечественную промышленность, кто был носителем лучших национальных черт русского народа в прошлом. Сказ «Золотые дайки» именно таким напоминанием и является, причем оно осуществляется не только самим содержанием сказа, но и прямым обращением рассказчика к читателю: «Нынешние вон дивятся, почему старики только поперечные жилки выбирали, а остальное в отвалы сбрасывали. А по делу надо тому дивиться, как старики до этого дошли, когда никто ничего по золотому делу не знал, а в письменности была одна посказулька про страшного золотого змея. Этого вот забывать не след. Что нынешнему человеку просто кажется, то старикам большим потом да мукой досталось».

Воспитание в советских людях любви и уважения к героическим усилиям великих тружеников, наших предков, наряду с воспитанием уважения и любви к героическому военному прошлому нашего народа, является вместе с тем воспитанием и укреплением чувства национальной гордости в советских людях. Именно эту задачу выполнял Бажов своими историческими сказами.

Сказ «Золотые дайки», как и большинство сказов Бажова 40-х годов, характеризуется многосторонностью содержания. Тема «трудового героизма», которая раскрывается не столько в образе Ерофея Маркова, сколько в образе горщика Перфила, является лишь одной стороной содержания сказа. Центральным же персонажем в нем является Глафира. Бажов любовно рисует образ русской женщины, вызывающей к себе симпатии читателя трудолюбием, силой характера, смелостью, независимостью и вместе с тем сердечностью и женственностью. Девушка выросла среди старообрядцев, для которых были характерны религиозная

нетерпимость, взгляд на женщину, как на существо низшего порядка, домостроевская замкнутость в быту и отчужденность от внешнего мира. Глафира не хочет мириться с традиционной в среде «кержаков» приниженностью женщины и сама устраивает свою судьбу с горщиком Перфилом, таким же, как и она, волевым, независимого характера человеком.

Утверждение нового через сопоставление его со старым проводится в сказе именно по линии Глафиры. Дикое бесправие русской женщины в условиях феодально-крепостнического строя показано Бажовым с большой впечатляющей силой. Советский читатель понимает, что «счастливый конец» в развитии судьбы Глафиры — далеко не обычное явление. Он объясняется в значительной мере ее личными качествами незаурядного человека, тем, что она не пассивно принимает «судьбу», а борется. Читатель понимает, что большинство женщин в положении Глафиры были вынуждены подчиняться господствовавшим в ту пору обстоятельствам. Таким образом, Глафира поставлена Бажовым в один ряд с первооткрывателями, искателями. И это глубоко верно: она была человеком, искавшим новые формы быта, где бы не попиралось человеческое достоинство.

Связь темы Ерофея Маркова и темы Перфила — Глафиры осуществлена в сказе довольно убедительно. Бажов дает свое объяснение тому факту, что Ерофей Марков, когда власти потребовали от него показать золотоносную жилу, не сразу нашел место, где он впервые извлек золото. Для нас существенно не само по себе это объяснение, а сюжетный узел сказа; первый толчок к развитию его действия дают именно затруднения Ерофея Маркова. Многие из жителей-старообрядцев села Шарташа, близ которого было найдено золото, несмотря на запреты начетчиков и угрозу проклятия, также стали искать золото «около Ерофеевой ямы». Первым, кто открыто нарушил запрет, как раз и был Перфил. «За этим Перфилом другие потянулись, принялись землю ворошить». Таким образом, Перфил — один из часто встречающихся в сказах Бажова «перводобытчиков», поставленный писателем рядом с Е. Марковым, — один из тех, кто заселял, обживал новые районы страны, включал их в общую производственную деятельность всего народа.

В одном из писем, характеризуя свою работу над жан-

ром исторического сказа, П. П. Бажов говорил, что, изображая прошлое, он стремился «подчеркнуть те точки, которые занимательны для современного читателя»[1]. Речь идет, конечно, не о какой-то внешней занимательности, не о развлекательности, а об удовлетворении глубоких запросов и интересов советских людей.

Для выяснения того, как писатель находил и подчеркивал такие «точки», важный материал дает сказ «Коренная тайность», написанный в сентябре 1945 года.

В сказе утверждается превосходство русских мастеров над иноземными и приоритет русской технической мысли — на этот раз в очень важной отрасли производства — в металлургии. Сказ утверждает наш национальный приоритет в изготовлении знаменитого златоустовского булата. Главными персонажами являются великий русский металлург П. П. Аносов и златоустовский мастер-сталевар, современник и сотрудник Аносова — Н. И. Швецов.

Бажов оспаривает два одинаково несостоятельных мнения. Одно из них, — в свое время широко распространенное, — утверждало, что златоустовский булат был изготовлен работавшими на заводе немецкими мастерами. Другая версия сводилась к тому, что Аносов вывез секрет булатной стали с Востока. Последняя версия нашла выражение, в частности, в «Повести о булате» Е. Федорова[2]. Утверждая, что обе версии ведут свою родословную от измышлений «немецких начальников» на уральских заводах, Бажов, не называя Федорова, упрекает его в некритическом отношении к источникам.

Полемически обострив постановку вопроса в самом начале сказа, Бажов развертывает его действие, переходя к изложению событий обычным для него сказовым приемом:

«Которые златоустовские старики это понимают, они вот как рассказывали».

Общеизвестный факт, что способ изготовления златоустовского булата был потерян, Бажов объясняет следующим образом. Аносов сотрудничал со сталеварами Швецовыми — дедом и внуком. Деду Швецову, обещавшему сва-

---

[1] Письмо А. от 18 мая 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Е. Федоров. Уральские повести. «Советский писатель», 1941. В несколько измененном виде повесть позднее печаталась под заглавием «Тайна булата».

рить такую сталь, «как в старинных башкирских ножах бывает», Аносов заявляет: «Коли сваришь такую, рассчитывай, что тебя и внучка твоего на волю охлопочу». Старик упорно искал лучший состав для варки стали и «на верную дорогу вышел, да не дотянул». Перед смертью он передал свою «коренную тайность» внуку, так как «обычай такой держался, чтобы отец сыну, дед внуку свое мастерство передавал»,— и заклятье с него взял — барам «коренной тайности» не выдавать. Младший Швецов довел дело до конца, сварил булатную сталь и затем изготовлял ее на протяжении всей своей долгой жизни,— а он «без малого не дотянул до пятого года», пережив Аносова почти на пятьдесят лет. Но рецепта стали Швецов не выдал, убедившись в продажности заводского начальства: «Наверняка бы ведь продали по тому времени». Не сумел и передать никому тайну булата мастер Швецов. Был у него верный подручный, «да его в тюрьму загнали. Книжки, говорят, не те читал».

Знаменитая булатная сталь, получившая название аносовской, была плодом сотрудничества подлинной науки и огромного технического опыта, выработанного поколениями рабочих-мастеров. Швецовы варили сталь, Аносов «опять над тем бился, как лучше закалять поделку из швецовских плавок. Долго не выходило. Ну, попал-таки в точку... Вот тогда и вышел тот самый булат, коим наш завод на весь свет прославился».

Тема мастерства в труде, разрабатываемая на конкретном историческом материале деятельности П. П. Аносова и Н. И. Швецова, в сказе «Коренная тайность» приобретает то своеобразие, которое придает ей документальная достоверность фактов, положенных в основу произведения. Здесь опять-таки дальнейшее развитие основной темы всего сказового творчества Бажова, темы труда, относящееся к 40-м годам. Творческий подход к труду, превращающий его в искусство, показанный в образах реальных исторических лиц, поучителен. Сказ воспитывает и укрепляет чувство национальной гордости в советском человеке.

Но сказанное не является главным в идейном содержании произведения.

Характерная теперь для сказов Бажова многогранность их идейного содержания убедительно может быть продемонстрирована именно на сказе «Коренная тайность».

Настойчиво отыскивая в исторических документах имена рядовых мастеров — непосредственных строителей уральской промышленности,— Бажов исходил из понимания истории как, прежде всего, истории трудового народа. Поэтому он с таким интересом относился к Н. И. Швецову, который, по мнению писателя, «в истории златоустовского булата играет роль не меньше, если не больше Аносова... Там, где упоминается Аносов, мне кажется необходимым упоминать и Швецова» [1].

Сам писатель так раскрывает главную идею сказа «Коренная тайность»: «Это своего рода попытка подобрать из уральской старины иллюстрацию к известному высказыванию о винтиках в государственной машине» [2].

Высказывание, о котором говорит Бажов,— это знаменитый тост И. В. Сталина: «За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо «винтик» разладился — и кончено. Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела» [3].

Конечно, есть принципиальная и огромная разница в роли «винтиков» в советском государстве и в государстве эксплуататорском. Поэтому обращение за «иллюстрацией» в область прошлого ставило перед писателем серьезные трудности. Но Бажов как раз и решил показать громадное различие в положении «винтиков» в дореволюционном прошлом и в настоящем, показать огромные преимущества советского общественного и государственного строя, связанные именно с тем, что «винтики» сознательно и с энтузиазмом выполняют свои функции в *своем* государственном механизме.

Бывший крепостной мастер Швецов — один из «винтиков» эксплуататорского государственного механизма. Он «разладился — и кончено». Способ изготовления златоустовского булата, столь существенный для государства,

[1] Письмо А. от 8 января 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Письмо редактору газеты «Правда Украины» от 9 ноября 1945 г. Архив П. П. Бажова.

[3] Речь И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь участников парада Победы. «Правда», 27 июня 1945 г, № 152 (9923).

был потерян. Бажов раскрывает и причину, в силу которой в старой России «винтики» могли «разладиться»: их вынуждал к этому сам государственный механизм, чуждый и враждебный народу.

Другое дело — великая страна социализма, где государство является выразителем интересов и воли миллионов простых людей, где глава государства близок и дорог им, как человек, концентрирующий в себе устремления и волю миллионов, где в день празднования великой Победы вождь народа провозглашает первый тост «за людей простых, обычных, скромных».

Мыслью о преимуществах советского общественного строя и завершает свой сказ Бажов:

«Ныне вон многие народы дивятся, какую силу показало в войне наше государство, а того не поймут, что советский человек теперь полностью раскрылся. Ему нет надобности свое самое дорогое в тайниках держать. Никто не боится, что его труд будет забыт, либо не оценен в полную меру. Каждый и несет на пользу общую, кто что умеет и знает. Вот и вышла сила, какой еще не бывало в мире».

Таким образом, и в сказе «Коренная тайность» утверждение и прославление советской действительности сочетается с показом талантливости и замечательного мастерства в труде старинных русских новаторов производства. Бажов как бы говорит советским читателям: нет, мы с вами не безродные люди. Вот они, наши славные предки, старинные герои труда, не оцененные старыми хозяевами жизни, но дорогие нам. Мы с вами — их законные наследники, их потомки и преемники.

О своей работе над жанром исторического сказа Бажов писал: «по запросам современности... стараюсь использовать накопленный материал истории. Этот жанр теперь у меня стал основным» [1]. Таково очень точное определение не только жанра сказов, подобных сказу «Коренная тайность», но и самого существа работы писателя над многими сказами 40-х годов.

Конечно, не о какой-то «подгонке» фактов истории под определенные идеи идет речь. Бажов с большой заботой относился к исторической правде, старался наибо-

---

[1] Письмо Е. Ф. Колышеву от 10 ноября 1947 г. Архив П. П. Бажова.

лее точно восстановить и передать исторические факты. Речь идет о художественном осмыслении фактов истории с позиций марксизма-ленинизма, так как только марксистско-ленинское учение позволяет понять подлинную историю общества. Речь идет, далее, об отборе таких фактов прошлого, художественное отображение которых могло бы помочь советскому обществу выполнять его сегодняшние задачи.

Сказы Бажова в 40-е годы становятся непосредственными и более оперативными, чем в годы войны, откликами писателя на события и факты текущей действительности, на самые актуальные запросы советского человека. История не уходит из сказов, но в ней автор берет только то, что может служить иллюстрацией к оценке сегодняшних явлений жизни, что может укрепить любовь советского человека к своей великой Родине.

Кончался 1945-й год, славный год военной победы советского народа. Наступал 1946-й год, первый год послевоенной пятилетки. 31 декабря П. П. Бажов выступал по радио. Он начал так: «Дорогие товарищи! Разрешите мне, вашему старому сказочнику, в эти последние минуты вечера, который в народе и до сих пор зовется Васильевым, рассказать вам... про Васильевы ворота на крутой горе». Изложив «сказочку про Васильевы ворота», писатель закончил речь новогодним пожеланием: «В заключение хотелось бы пожелать всем товарищам, чтобы крутая гора недавно пройденных лет каждому прибавила бодрости, силы и уверенности для дальнейших дел в новом году. Дел во славу нашей Родины и ее Великого Вождя» [1].

В тот же вечер, после выступления по радио, П. П. Бажов записывает в дневнике: «Вообще эти Васины ворота или Васина гора стоят того, чтобы подать в виде развернутого сказа, хотя бы без фантастики» [2].

Писатель излагает свои соображения относительно того, как «развернуть» в сказ свое новогоднее выступление, что и как в нем изменить. А вскоре, в первом номере журнала «Молодой колхозник» за 1946 год, сказ «Васина гора» был опубликован. Он весьма характерен для послевоенного творчества Бажова, как пример художественного освоения

---

[1] П. П. Бажов. Сочинения в трех томах, т. 2, 1952, стр. 344—345. Примечания Л. И. Скорино.

[2] Там же, стр. 344.

фактов прошлого для разъяснения и оценки явлений современности.

На Сибирском тракте в ту пору, когда еще «железных дорог по здешним краям не было», близ заводского поселка, на гребне перевала, стояла сторожка дяди Василия, бобыля. В помощники ему обычно «приставляли» какого-нибудь мальчонку «из сироток». С годами дядя Василий стал дедом Василием, его бывшие «подручные мальчуганы» вырастали, обзаводились семьями. Но каждый из них своего сына старался отдать в помощники деду: воспитанники его «на работу не боязливы и при трудном случае руками не разводят».

Старик воспитывал своих юных помощников трудом и мудрыми объяснениями поведения людей, потоком двигавшихся по великому тракту. Поднявшись на гору, каждый обязательно оглянется, а дальше «разница выходит». Один скажет: «Вон какую гору одолел, чего же дальше бояться?» А другие стонут: «Вон на какую гору взобрался! Самая бы пора отдохнуть, а еще итти надо». И дед Василий объясняет: «По ровному-то месту человек весь свой век пройдет, а так своей силы и не узнает. А случится ему на гору подняться, вроде нашей, с гребешком, он и поймет тогда, что он сделать может. Ну, а учуял человек свою силу, ему и жить весело и работать легче. И слабого человека гора в полную меру показывает». А «главная гора — работа. Коли ее тоже бояться не будешь, то и вовсе ладно проживешь, много сделаешь и тоски не узнаешь. Потому как работа всякому — не только хлеб, а и радость».

Рассказчик заканчивает: «И посейчас в наших местах Васина гора не забыта. Поминают ее частенько, и не то, чтоб для разговору про старое житье, а прямо к теперешнему прикладывают:

— Вот война-то была. Гора из гор, поглядеть страшно, ведь одолели! Сами не знали, что в народе столько силы найдется, а гора и показала, как новый, широкий путь открыла. Иди без опаски! Коли такую гору одолели, все сделать можешь!»

Сказ «Васина гора» — одно из наглядных свидетельств выросшей творческой, идейно-художественной зрелости П. П. Бажова в 40-е годы. Писатель поднялся до глубоких философских обобщений, в частности, в разработке и основной его темы — темы труда.

Читая сказ «Васина гора», нельзя не вспомнить знаменитое высказывание И. В. Сталина о воспитании кадров на работе, на преодолении трудностей: «Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей. Помните, товарищи, что только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а наоборот,— идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры» [1].

Думается, что давно известную ему «сказочку о Васиной горе» Бажов осмыслил в свете сталинских указаний о воспитании кадров. Мудрые труды великого вождя помогали писателю глубже понять прошлое, а, с другой стороны, во многих фактах прошлого, известных Бажову, он видел иллюстрации к мыслям И. В. Сталина, как это было показано на примере сказа «Коренная тайность».

Очень важна авторская характеристика сказа: «Васина гора» — отражение тех настроений, с какими советские люди приняли пятилетний план»,— так писал П. П. Бажов [2].

Настроения эти писатель выразил очень точно: перед советским народом открыт широкий путь к еще более прекрасному будущему, и никакие препятствия не могут остановить его.

Велико воспитательное значение сказа. Он звучит, как напутствие старого мудрого писателя, прежде всего, советской молодежи. Устремленность в будущее, выражение спокойной уверенности в том, что советский народ достигнет высоких целей, поставленных перед ним коммунистической партией и великим вождем товарищем Сталиным,— эта черта сказа «Васина гора» является одной из самых существенных черт сказов П. П. Бажова 40-х годов.

Сказ «Васина гора» заставляет вспомнить слова Л. М. Кагановича, приведенные А. Н. Толстым на съезде писателей:

«На-днях в разговоре об искусстве Лазарь Моисеевич Каганович удачным примером иллюстрировал разницу между натурализмом и реализмом.

---

[1] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 492.

[2] Письмо Л. И. Скорино от 17 сентября 1946 г. Опубликовано во 2 томе Сочинений П. П. Бажова в 3-х томах, стр. 343.

Человек шагает по грязи. Человек может испытывать радостное чувство преодоления трудной дороги, ощущение своей силы... Фотограф, фиксирующий его аппаратом с тротуара, заснимет лишь забрызганного грязью человека. Фотограф, щелкающий затвором с тротуара,— натуралист. Художник, понимающий внутреннее состояние человека,— реалист» [1].

Сказ «Васина гора» — произведение художника-реалиста. Бажов не только глубоко раскрывает психологию людей, но и дает художественные обобщения большой широты.

В сказе отражаются размышления писателя о судьбах родной страны, о ее великом пути в будущее — размышления, вызванные событиями Отечественной войны.

Размышления о судьбах Родины, связанные с победоносным окончанием Великой Отечественной войны, неизбежно приводили Бажова к мыслям о вожде народа, нашедшим яркое художественное воплощение в сказе «Старых гор подаренье» (1946 г.), который является одним из лучших произведений Бажова. Материал исторического прошлого писатель использовал для поэтизации сегодняшнего дня советского народа, его великой победы над немецким фашизмом, для прославления гениального вождя народа И. В. Сталина.

В основе своей сказ является повествованием златоустовского мастера-оружейника о факте, имевшем место в действительности,— о том, как заводской коллектив решил изготовить оружие «в подарок первому человеку нашей страны». «Всяк, понятно, старался придумать как можно лучше. Спорили немало». В связи с этими спорами один из мастеров и рассказал старинную легенду о волшебной сабле героя башкирского народа Салавата Юлаева, сподвижника Емельяна Пугачева. Чудесным образом, как «подаренье» старых Уральских гор, получил Салават необыкновенную саблю, потому что честно, самоотверженно боролся за народное счастье, но получил с условием: никогда не ставить личное выше народного, не запятнать себя ничем «худым и корыстным», не погрешить против справедливости, как ее понимает трудовой народ. Если не выдержит Салават этого условия, шашка потеряет свою силу и на весь его народ навлечет беду. Служила Салавату волшебная

---

[1] А. Н. Толстой. О драматургии, ГИХЛ, 1934, стр. 27.

сабля, и «никакая сила против него устоять не могла», пока он не допустил грубой ошибки: по наущению родни разорил русскую деревню, поставленную на древних башкирских землях, не внял голосу народа, что жили там подневольные, крепостные люди, пригнанные сюда заводовладельцами.

И волшебная посланница старых гор потребовала саблю Салавата. Оглянулся он,— посмотреть, верят ли его воины «полномочиям» посланницы, а она ему и говорит с упреком: «Эх, Салават, Салават! Кабы ты всегда так на народ оглядывался!»

Очевидно, историю Салавата Юлаева Бажов осмыслил в свете вдохновивших его великих указаний И. В. Сталина о неразрывной связи руководства с народом как первом и важнейшем условии силы и непобедимости руководителя, непобедимости руководства. В заключительном слове на пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году по докладу «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» товарищ Сталин говорил:

«Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства» [1].

Заключение сказа является утверждением неиссякаемого и несокрушимого могущества коммунистической партии, вождя партии И. В. Сталина, неразрывными узами связанных с народом.

Волшебная посланница на прощанье говорит о «подаренье старых гор»: «На того оно ковано, кто никогда ничем своим не заслонит народное». Она предсказывает время, «когда от всех наших гор и от других тоже огненные стрелы в небо пойдут. Над самым большим городом те стрелы сойдутся в круг, а в кругу будет огненными буквами написано имя того, кому старых гор подаренье навеки досталось».

---

[1] И. В. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 43—44.

Вот такую саблю — символ непобедимости оружия, вложенного в руки вождя самим народом,— и должны были изготовить златоустовские оружейники в подарок «первому человеку нашей страны».

Изложив старинную легенду, рассказчик так завершает сказ:

«И вот дождались. Над самым большим нашим городом огненные стрелы сошлись в круг. И всякий видит в этом кругу имя того, кто показал народу его полную силу, кто непобедимым оружием народного единства разбил всех врагов и славу народа вывел на самую высокую вершину».

Таков «необыкновенно поэтичный», по выражению А. А. Фадеева [1], глубоко патриотический сказ о Дне Победы, сказ о великой любви советского народа к своему вождю, учителю и другу Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Самый факт создания сказа на столь ответственную тему является выражением большого идейно-художественного роста писателя. Сказы Бажова, посвященные великим вождям советского народа, вождям трудящихся всего мира — В. И. Ленину и И. В. Сталину,— являются вершиной творчества П. Бажова.

Таким образом, анализ послевоенных сказов Бажова, написанных до постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», показывает следующее: своими сказами писатель быстро откликается на важнейшие события в жизни страны («Васина гора», «Старых гор подаренье»). В сказах с полной ясностью обнаруживается осмысление Бажовым фактов и событий прошлого в свете конкретных высказываний, оценок, указаний И. В. Сталина («Коренная тайность», «Васина гора»). Писатель впервые создает сказ, посвященный великому Сталину («Старых гор подаренье»). Бажов приступил к непосредственному отображению сегодняшних явлений и фактов советской жизни: в сказе «Старых гор подаренье» советские люди показаны в одном из характернейших их проявлений — они готовят подарок вождю. Писатель Бажов был подготовлен к тому, чтобы глубоко, творчески понять исторические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, сделать из них необходимые выводы применительно к своей литературной работе.

---

[1] А. Фадеев. О литературно-художественных журналах. «Правда», 2 февраля 1947 г., № 29 (10420).

8

После постановлений ЦК ВКП(б) 1946 года по идеологическим вопросам в творчестве Бажова происходят изменения, развивающие те тенденции, которые с полной очевидностью обнаружились в годы войны. С одной стороны, он продолжает разрабатывать историческую тематику, обычно осмысливая факты прошлого в свете событий Великой Отечественной войны. С другой стороны,— и это более существенно — писатель создает сказы, отражающие повседневные явления современной советской действительности.

К мыслям о недавно закончившейся войне Бажов возвращается вновь и вновь. Он старается глубже осмыслить, оценить значение только что прошедших великих событий для всей страны, для народа. События военных лет позволили увидеть много нового в том, что казалось писателю давно известным и понятным. Вместе с тем они по-новому осветили перед ним путь народа в будущее, раздвинули более широкие горизонты, открыли новые перспективы.

Пытаясь разобраться в том, чему научили его годы войны, Бажов писал:

«Старые рудознатцы и рудоискатели нашего края всегда дорожили добрым глядельцем,— таким смоем или обрывом, где хорошо видны пласты горных пород. Была, конечно, и сказка об особом глядельце, не похожем на обычное... Откроется оно только тогда, когда весь народ, от старого до малого, примется в здешних горах свою долю искать.

Таким горным глядельцем оказались для меня годы войны.

Казалось, с детских лет знаю о богатстве родного края, но за годы войны здесь открыли столько нового и в таких неожиданных местах, что наши старые горы показались поиному. Стало ясно, что знали мы далеко не о всех богатствах,— и теперь это еще до полной меры не дошло.

Любил и уважал крепкий, выносливый и твердый народ своего края. Годы войны не просто это подтвердили, а во много раз усилили. Надо иметь плечи, руки и силу богатырей, чтобы сделать то, что сделал этот народ за годы войны...

Так вот освеженным глазом смотреть на родной край, на его людей и на свою работу и научили меня годы войны,— как раз по присловью:

— После большой беды, как после горькой слезы, глаз яснеет: позади себя то увидишь, чего раньше не примечал, и вперед дорогу дальше разглядишь»[1].

Эти же мысли, в обычной теперь для Бажова форме сказовых «иллюстраций из прошлого», выражены в сказах «Далевое глядельце» (1946 г.) и «Рудяной перевал» (1947 г.). В последнем рудобой дореволюционных времен Оноха Пустоглазко беспокоится о потомках: выберем из недр все земельное богатство,— «чем внуки-правнуки жить будут!» Старик-рудокоп Квасков резонно возражал ему, что, во-первых, «земельное богатство не от горы, а от человека считать надо: до чего люди дойдут, то и в горе найдут», а, во-вторых, «земля не вовсе угомонилась. В ней передвижка бывает. Рудяной перевал называется. После такого перевала... в горе такое окажется, чего раньше не добывали».

Передав спор деда Кваскова с Онохой Пустоглазкой, рассказчик, наш современник, так завершает свое повествование: «Наши горы все дадут, что человеку понадобится. Смотри-ка ты, что вышло! За войну у нас как молодильные годы по рудникам прошли, — столько нового открыли, что и не сосчитаешь... Как видно, рудяной перевал прошел. Не столь, может, в горе, сколько в людях...»

Война была суровейшим испытанием, великой проверкой для советского государства, для советского человека, воспитанного партией Ленина — Сталина. И испытание было выдержано с честью. Родина вышла из победоносной войны более сильной, чем когда-либо. Советский народ мог с гордостью оглянуться на свои великие подвиги. Он по-новому осознал, насколько колоссальны его силы. Эту-то новую ступень в развитии самосознания советского человека Бажов и назвал «рудяным перевалом», который «в людях прошел». Очевидно, сказ «Рудяной перевал» в идейно-тематическом плане продолжает линию сказа «Васина гора».

Обычная для сказового творчества Бажова идея исторической преемственности поколений великой русской нации, теперь, под несомненным влиянием событий Отечественной войны, получает значительно более яркое, прямое и политически острое выражение, чем прежде. Сказ «Шел-

[1] Заметка «Чему научили годы войны?» в дневнике писателя «Отслоения дней», декабрь 1945 г. Архив П. П. Бажова.

ковая горка», написанный к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции [1], представляет собою характернейшее в этом плане произведение.

Тема трудового мастерства, трудового новаторства разработана здесь на материале асбестовой промышленности.

Рассказ ведется от имени нашего современника, старика Шмелева, в прошлом рабочего Невьянского завода.

Шмелев недоволен некоторыми прочитанными им книжками: «Одно плохо — все больше про хозяев заводских, Демидовых пишут. Сперва побасенку расскажут, как Никита Демидов царю пистолет починил и за это будто бы в подарок получил только что отстроенный первый завод, а потом примутся расписывать про демидовскую жизнь. Кому охота, может по этим книжкам и то узнать, где какой Демидов женился, каких родов жену взял и какое приданое за ней получил, в котором месте умер и какой ему памятник поставили...»

И далее: «Не стану хаять первых Демидовых: Никиту да Акинфия. Конечно, трудно от них народу приходилось, и большие деньги они себе заграбастали, только и дело большое поставили и умели не то что в большом, а и в самом маленьком полезную выдумку поймать и в ход пустить. И за то этих двух Демидовых похвалить можно, что за иноземцев не хватались, на свой народ надеялись. Ну, все-таки не сами Демидовы руду искали, не сами плавили да до дела доводили. А ведь тут много зорких глаз да умелых рук требовалось».

Не трудно в словах Шмелева узнать не раз высказывавшиеся Бажовым мысли о первых Демидовых, как и понять, что цитата представляет собою полемическое высказывание, — очень верное и прямо направленное против романа Е. Федорова «Демидовы». Постоянная забота Бажова о том, чтобы показать старинных русских мастеров, непосредственных создателей материальных ценностей, отразилась в сказе «Шелковая горка» очень ясно. Далее дед Шмелев в своем «полемическом разговоре» переходит к теме об асбесте. Он возражает против утверждения автора книжки, прочитанной внуком Шмелева, что якобы итальянка Елена Перпенти «первая научилась из асбеста нитки прясть, и

---

[1] Сказ был впервые опубликован 7 ноября 1947 г. в газете «Уральский рабочий» (Свердловск).

Наполеону, когда он был в итальянской земле, поднесла, говорят, неопалимый воротник... Эту женщину наградили, медаль особенную выбили для почету. А было это в тысяча восемьсот шестом году». Рассказчику, очевидно, известно, что «добыча асбеста и выделка из него различных изделий производилась на Урале еще в начале XVIII в., и невьянские асбестовые изделия, сохранившиеся в различных музеях, показывают, что искусство приготовления из асбеста пряжи достигло тогда значительной степени совершенства» [1]. Ссылаясь на рассказы стариков, Шмелёв развертывает повествование о том, как демидовская крепостная Марфуша и ее возлюбленный Юрко Шмель нашли на Шелковой горке близ Невьянска асбест и открыли способ изготовления из «горной кудели» пряжи, пригодной для различных поделок. За их открытие Демидов разрешил Юрке Шмелю и Марфуше жениться. Себя Шмелев считает одним из их многочисленных потомков.

Старик и объясняет внуку: «Придумала итальянская Елена то, что твоя дальняя прабабка крепостная Марфуша умела делать на 80 годов раньше».

Сказ заканчивается характерным поучением деда: «Наша-то заводская старина черным демидовским тулупом прикрыта да сверх того еще перевязана иноземными шнурками. Кто проходом идет, тот одно увидит, — лежит демидовское наследство в иноземной обвязке. А развяжи да раскрой — и выйдет наша Марфуша. Такая же, как ты, курносенькая да рябенькая, с белыми зубами да веселыми глазами. До того живая, что вот-вот придет на завод, по-старинному низенько поклонится и скажет:

— Здоровенько живете, мои дорогие! Вижу, — на высокую гору поднялись. Желаю еще выше взобраться. При случае и нас — с малых горок — вспоминайте. Демидовской крепостной девкой звалась, а ведь не так это... Хоть Демидов и не подумал в мое имя медаль выбивать, и в запись я не попала, а по сей день мои-то пра-правнуки поминают Марфушу Зубомойку да ее муженька Юрка Шмеля. Выходит, не демидовские мы, а ваши. По всем статьям: по крови, по работе, по выдумке».

Так с большой силой Бажов выражает идею родства современного советского человека — родства кровного, духов-

[1] Россия. Том V, «Урал и Приуралье». Редакция В. П. Семенова-Тянь-Шанского, СПБ, 1914, стр. 330.

ного, трудового — с его предками, с прошлым нашего народа. Таков идейный смысл большинства сказов П. П. Бажова и существенная сторона его творческой программы.

В то же время Бажов и в сказе «Шелковая горка» проводит в обычной для него форме сопоставление нового со старым с целью показа преимуществ социалистического общественного строя. «Черный демидовский тулуп» становится мрачным символом социального строя, основанного на эксплуатации и подавлении людей труда. Бажов говорит о преемственности поколений русского народа, трудящихся. Наконец, сказ является ударом по космополитам и космополитствующим недоумкам, кто в прошлом нашей страны видел только беспросветную дикость и невежество и считал, что развитием науки, техники, культуры наша страна обязана иноземцам. Бажов снимает со старины «иноземную обвязку» и показывает умных и талантливых, предприимчивых и энергичных, смелых и упорных русских людей прошлого, искавших полезные ископаемые, плавивших металл, воздвигавших заводы и города, обстраивавших и украшавших родную землю, — землю «оттич и дедич». Концовка сказа представляет собою средоточие, сгусток всех главных мыслей его.

Следует обратить внимание на концовку сказа «Шелковая горка» и с другой точки зрения.

Распространенные концовки глубокого философского смысла, подобные приведенной выше, стали обычными в сказах Бажова только в годы войны. В 30-е годы они имелись лишь в отдельных сказах («Дорогое имячко»), причем в них не было и не могло быть той идейной глубины, большой философской мысли, как в концовках сказов 40-х годов. Художник-реалист Бажов отлично понимал: дед Слышко не мог говорить того, что совершенно естественно звучит в устах современного нам рассказчика — советского рабочего Шмелева. Функция таких концовок понятна: они помогают более полному раскрытию идеи сказа, служат осуществлению связи исторического материала с современностью, то есть являются одним из средств достижения наибольшей идейной глубины и политической актуальности сказов. При этом концовки в лучших сказах Бажова не являются «логическими» привесками к художественному тексту, не выпадают из образной системы сказа. Достигается это простым и вместе с тем в художественном отношении прекрасно оправданным способом: в концовке, слово

предоставляется одному из персонажей, причем Бажов делает это мастерски. Так, в сказе «Шелковая горка» он как бы выводит героиню на авансцену, рисуя ее портрет, с повторением уже известных читателю черт, и только тогда, когда читатель вновь увидел героиню, автор предоставляет ей «заключительное слово». Портрет в сочетании с индивидуальными особенностями речи персонажа обеспечивает главное: создается яркий, живой, полнокровный образ Марфуши.

Таков образ бабки Анисьи в концовке сказа «Чугунная бабушка» (1944 г.): «В разных странах на письменных столах и музейных полках сидит себе чугунная бабушка, сухонькими пальцами нитку подкручивает, а сама маленько на улыбе, вот-вот ласковое слово скажет:

— Погляди-ко, погляди, дружок, на бабку Анисью. Давно жила. Косточки мои, поди, в пыль рассыпались, а нитка, может, и посейчас внукам-правнукам служит. Глядишь, кто и помянет добрым словом. Честно, дескать, жизнь прожила и на старости сложа руки не сидела...

— Так-то, милачок! Работа — она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется. Вот ты и смекай, как жить-то».

Концовки сказов «Чугунная бабушка» и «Шелковая горка» являются прекрасной иллюстрацией к словам Бажова о том, что он хотел дать возможность «нашим современникам перемолвиться запросто» с предками. Такие концовки являются одним из наглядных свидетельств постоянного стремления Бажова придать сказам наибольшую действенность.

Наконец, распространенные сказовые концовки оказались той дверью, через которую явления сегодняшней советской действительности непосредственно вошли в сказы Бажова второй половины 40-х годов. В этом отношении показательны уже приводившиеся выше концовки сказов «Коренная тайность», «Васина гора», а также сказов «Далевое глядельце», «Широкое плечо» и некоторых других. Бажов, следовательно, настойчиво искал художественно оправданные средства для непосредственного введения современности в сказы о прошлом, и такая задача была для него очень непростой. Главным условием успешного ее разрешения как раз и оказалась замена деда Слышко другим рассказчиком — нашим современником, советским человеком. При этом и сам новый

рассказчик — тоже явление советской действительности, образ, уже в самом себе отображающий известные ее стороны.

Каждый из сказов Бажова, написанных после постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, может быть примером того, как в творчестве писателя получают художественное воплощение новые идеи, каких не было в довоенных сказах, а иногда такие идеи, каких не было и в сказах 1941—1945 годов.

В сказе «Широкое плечо» (1948 г.) повествуется о существовавшем в старину обычае кулачных боев. В одном из заводских поселков откормленные приказчики-лабазники да прасолы-купчишки с «ямской стороны» постоянно одерживали верх над заводской стороной. Но слесарь Федюня-Ножовой Обух организовал своих товарищей по принципу «широкого плеча»: «не одиночный бой, а стенка», «надо всем заодно», «пособляй соседу», «не о себе думай — о широком плече». И рабочие «всякий раз стали ямщину выбивать», потому что лабазникам, по их классовой психологии, была чужда и недоступна идея единства коллектива, взаимной помощи, идея «широкого плеча». Когда Федюня стал постарше, он уже не участвовал в кулачных боях. Но идею «широкого плеча» он с успехом использовал в организации труда в старательской артели.

Рассказчик, наш современник, осмысливает социалистическое соревнование, новые, более высокие его формы, родившиеся в народе в годы выполнения послевоенной пятилетки, как применение идеи «широкого плеча» в труде. «На глазах у нас оно разворачивается. Давно ли мы радовались именитым людям заводов и рудников, а теперь именитые цехи да участки, звенья да смены пошли. С каждым годом растет и крепнет широкое рабочее плечо, и нет силы, чтоб против него выстоять. Сколько ни пыжатся разные толстосумы, а сомнет их широкое плечо людей труда», — так в заключительных словах сказа передается спокойная уверенность простого советского человека в несокрушимости могущества страны социализма, советского народа, идущего вперед, к коммунизму, необъятно широким плечом.

Таким образом, концовка сказа содержит в себе суровое предупреждение поджигателям новой войны. Оно тем грознее, что является выражением настроений всего советского народа, — голосом народа. В сказах 1949 года «Зо-

лотоцветень горы» и особенно «Ионычева тропа» названы и те, к кому относится это предупреждение: англо-американские империалисты, разноликие мистеры Хитсомы, или, как расшифровывает это имя рассказчик, «хитные сомы», которые издавна зарились на богатства русских земель и не раз протягивали к ним свои кровавые руки.

Можно только пожалеть, что прекрасная тема новых форм социалистического соревнования, возникших после войны, и хороший образ «широкого плеча» связаны в сказе с таким объектом непосредственного изображения художника, как кулачные бои. Правда, сопоставление социалистического соревнования с кулачными боями мотивируется в произведении тем, что рассказчиком в нем является старый, полуграмотный и наивный человек. Но сократить меру наивности своего персонажа всегда во власти писателя. В данном случае это было обязанностью П. П. Бажова — обязанностью, очевидно, не осознанной и поэтому не выполненной им.

Дело в том, что кулачные бои П. П. Бажов осмысливал совсем в другом свете, чем современный советский читатель. В одном из своих писем, раскрывая замысел автобиографической повести «Зеленая кобылка» [1], Бажов вспоминал: «Спорта в привычном для современного читателя виде не было, но ребята все же знали, кто сильнее, кто ловчее, кто лучше плавает, лучше бегает, кто более меток не только среди своих ближайших товарищей, но и у «врагов» — в соседних улицах». И еще: «были и нужда и материальная ограниченность, но ребята не слабосильными росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа» [2]. Кулачные бои теперь воспринимаются нами как нечто дикое. Но в ту пору, когда у рабочих не было ни клубов, ни спортивных,

---

[1] Детская повесть «Зеленая кобылка» была опубликована в 1939 г. Главная ее тема — воспитание детей в дореволюционной горнозаводской рабочей среде. Писатель показал, что воспитание пролетарских ребят было по существу своему общественным воспитанием, показал, как детям с самых ранних лет прививалось трудолюбие, возбуждалось и укреплялось в них чувство ответственности за свое поведение перед семьей, перед товарищами, перед коллективом.

[2] Из письма к Л. И. Скорино от 27 октября 1945 г. Цитируется по статье Скорино «Народный писатель». «Литературная газета», 9 декабря 1950 г. № 118.

ни каких-либо других кружков, ни материальных средств, ни других условий, в частности, для организации спорта,— возможно, и кулачные бои имели общественную целесообразность. Однако, современный читатель не знает, а сказ Бажова не дает почувствовать этого. В данном случае писатель не учел особенностей своей аудитории.

Идея огромной воспитательной роли социалистического соревнования выражена в сказе «Рудяной перевал». Рассказчик, старый забойщик Иваныч, уже не может работать в шахте: ему «седьмой десяток доходит». Теперь он на «стариковской работе», — а все же «при руднике». Но Иваныч успел поработать и в советском забое, — и хорошая гордость звучит в его рассказе о том, как он отличился в труде на благо народа: «Как перфораторные молотки пошли, так мне первому директор эту машину доверил... И что ты думаешь? Доказал! В газете про меня печатали». Старый Иваныч на себе ощутил тот великий «рудяной перевал», который «в людях прошел».

Так в сказах, утверждающих великое значение социалистического соревнования, находит свое дальнейшее развитие тема труда. Бажов утверждает всемогущество, всепобеждающую силу свободного творческого труда, который в советском обществе получил всенародное признание, как дело чести, славы, доблести и геройства.

Факты, события повседневной советской современности непосредственно стали отражаться в сказах Бажова в годы войны. Они пока отражались в концовках, с разной степенью художественной убедительности оформлявших выводы из сопоставления нового со старым. Но в сказах еще не было непосредственного образного отображения советской современной повседневности, не было художественно-конкретного ее показа, если не считать образа самого рассказчика.

Впервые прямое отображение советского общественного и производственного повседневного быта появилось в сказе «Старых гор подаренье» (1946 г.). В качестве композиционной формы одновременного показа старого и нового писателем использовано здесь включение в короткий рассказ о событии современности распространенного рассказа о прошлом, призванного иллюстрировать, разъяснить идею произведения, выросшую из современности и призванную служить ей. Легко установить, что эта композиционная форма естественным путем выросла из сказовых концо-

вок. Здесь концовка, связываясь в сознании читателя с началом сказа, представляющим собою зачин глубокого философского смысла, становится органической частью сказа.

Ярко показан семейный быт советского рабочего-пенсионера в начале сказа «Золотоцветень горы» (1949 г.): «Теперь вот подшучиваю над своей старухой. Каждый месяц, как деньги ей передаю, непременно скажу: «Получите, Анисья Петровна, на домашние расходы пенсию, какая по заслугам мужу назначена». Она, понятно, берет. Ни разу не отказалась. И тоже с полным обхождением отвечает: «Покорно благодарю, Сидор Васильич. Премного довольны». А когда еще ласковенько этак спросит: «Табачку-то тебе купить али еще тот не искурил?» — «Это, — отвечаю, — какое участие ваше». Ну, старуха у меня не привычна долго-то с обхождением поступать, заершится: «А такое участие, чтоб того проклятого табачищу вовсе не было...»

Перед читателем выступают, как живые, образы и «колючей» Анисьи Петровны, и спокойного, уравновешенного Сидора Васильевича, разговаривающего с женой в обычном, видимо, для него тоне шутливой «обходительности» и заранее готового к тому, что его «ершистая» супруга недолго выдержит объяснение в таком тоне и «взорвется».

Сидор Васильевич — горщик «старой формации», но он в полной мере понимает преимущества научных методов поисковой работы. Он по праву «хвалится»: «двое внучат по моей части пошли. Один еще учится в институте, а другой уже три года как все курсы кончил. Инженер! Со всяким прибором обходиться умеет. Теперь за Благодатью разведки ведет. Недавно приезжал домой, так сказывал, много чего они там нашли. Известно, грамотные, с приборами идут и целой партией. В день узнают больше, чем мы за годы высмотрим в одиночку-то».

Таково начало сказа. Затем автор включает «старинный сказ» о «золотоцветне горы» — по существу — вариант сказа о «далевом глядельце». Он ведется от имени того же Сидора Васильевича. В конце рассказчик делает свои выводы из старинного сказа: «Дождался я, что старый поисковый сказ сбылся. Сталинский зоркий, заботливый глаз усмотрел среди наших лесов, увалов да старых разработок золотоцветень горы и указал за него взяться. И великий

Пояс земли раскрылся и показал свои бессчетные богатства на радость трудовому народу, на зависть его врагам. Всем видно, что наша старая гора теперь живет новой жизнью. Бессчетными огнями новых рудников, шахт и заводов горит и переливается золотоцветень нового, Сталинского Урала».

Композиционная форма здесь та же, что и в сказе «Старых гор подаренье», но характер обрамляющего рассказа несколько иной, так как в начале его рисуется семейный быт современного советского человека. Основные чувства, испытываемые рассказчиком, — гордость и радость. Он испытывает законную гордость советского человека за великие преобразования в стране, в которых есть и его трудовая доля, и доля его детей и внуков. Он искренне рад, что живет в то время, когда раскрылись несметные сокровища Урала, что раскрыты они великим человеком, благодаря которому живут теперь новой жизнью рабочие люди, в том числе и сам он, старый искатель. Новое, советское, более того — послевоенное обнаруживается в сказе легко. Наиболее существенно то, что в него введена бытовая деталь, живые образы простых советских людей, и, прежде всего, самого рассказчика, характер которого, чувства и настроения раскрыты полнее, чем в более ранних сказах. В его-то образе и типизируются чувства, настроения, психология современного советского человека. Именно такая типизация является первым и необходимым условием конкретно-образного отображения действительности в художественном произведении. Подобным же образом построен сказ «Рудяной перевал» (1947 г.). Отображение повседневной советской современности представляет собою сказ «Аметистовое дело» (1947 г.). Весь сказ является автобиографией рассказчика, горщика Ивана Долгана, историей его поисковых скитаний до социалистической революции, участия добровольцем в гражданской войне, жизни старателя-одиночки после революции, историей перелома в жизни героя в годы массовой коллективизации. Расположенное в центре сказа отступление представляет собою рассказ о прошлом *самого рассказчика* и занимает очень немного места. Вспоминает он о прошлом с одной целью: чтобы было понятно превращение «заядлого» горщика в колхозника. Главное в сказе — сегодняшняя жизнь колхозника Ивана Долгана. Страстно был он привязан к поисковому делу, а из камней больше других полюбился ему аметист. Но под влиянием сына

Петрухи, колхозного полевода, пошел в колхоз, — и полюбилось ему больше, чем прежнее, новое «сине-алое аметистовое дело» — клеверное семеноводство. Старатель-одиночка в прошлом, теперь он живет интересами страны, интересуется всей ее жизнью, знает задания послевоенной пятилетки и свое место в строю работников трудового фронта. Любовно говорит Иван Долган о новом своем деле, понимаемом им как часть общенародного дела. Читая сказ, обязательно вспоминаешь известный тезис В. И. Ленина: «...государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [1].

Тема воспитания людей в социалистическом строительстве, в огромном советском коллективе, тема перестройки сознания людей раскрыта в сказе убедительно. Причина этой убедительности — в конкретно-образном отображении советской действительности.

Но сказанным не исчерпывается характеристика «современности» сказа «Аметистовое дело». Единственный сказ на необычную для Бажова колхозную тему, написанный к 1 мая 1947 года, является непосредственным откликом писателя на постановление февральского пленума ЦК ВКП(б) 1947 года «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период».

Бажов отозвался одним из своих сказов на постановление пленума ЦК именно потому, что обеспечение серьезного подъема сельского хозяйства в послевоенный период было «самой неотложной задачей» партии и советского государства» [2]. Жизненный материал, положенный в основу сказа, — клеверное семеноводство. Этой отрасли сельского хозяйства пленум уделил серьезное внимание.

Иван Долган в сказе Бажова говорит: «А ведь клеверок — он всем травам трава. Не только сверху богатство дает, а больше того в земле накопляет... Уж очень это широкое дело и в глубь далеко идет. Прямо сказать, землю молодит». Эти слова характеризуют его, как передового колхозника, изучившего материалы пленума ЦК и доклад тов. Андреева, где, в частности, говорилось: «Травосеяние одновременно решает нам две задачи: восстановление струк-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 224.

[2] «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. Постановление Пленума ЦК ВКП(б), принятое по докладу т. Андреева». Журнал «Партийная жизнь», 1947, № 4, стр. 16.

туры почвы, ее плодородия и кормовую проблему для животноводства» [1].

Другим сказом Бажова, также непосредственно отображающим факты сегодняшней советской действительности, является сказ «Не та цапля», написанный в год смерти писателя, — в 1950 г.

В декабре 1949 года П. П. Бажов посетил Уралмашзавод, осмотрел модель первого, знаменитого теперь «шагающего экскаватора» и самую машину, сборку которой коллектив завода заканчивал досрочно — ко дню 70-летия И. В. Сталина. «Царь-машина» — так оценил писатель новое детище гиганта советского машиностроения [2]. Посещение Уралмашзавода и дало Бажову материал для сказа. Он сопоставил виденное на УЗТМ с оборудованием старого Сысертского завода, где провел свое детство, вспомнил клеймо, ставившееся на изделиях сысертского заводского округа — цаплю. Изображение цапли было превращено заводовладельцами в своеобразный владельческий герб: сделанное из железа, оно торчало на каждом шагу, — «ни пройти, ни проехать, чтоб заводская цапля на глаза не попалась». Оно было ненавистно рабочим, и Бажов вспоминает их песню о цапле, в 1936 году опубликованную писателем в фольклорном сборнике В. Бирюкова [3]. «Горько, горько нам, ребята, под железной цаплей жить», — так пели рабочие. Заводские подростки не упускали возможности изуродовать камнями железную цаплю, что также отразила песня «О цапле».:

Погоди, проклята птичка,
Подшибем тебе пакли,
Нос на сторону своротим,
Расколотим все мозги.

Обо всем этом в сказе и повествуется от имени старого сысертского рабочего, теперь пенсионера. Его старший внук Ваня «на войне до лейтенанта дослужился, три награды имеет. Теперь при городе (то есть в Свердловске, — *М. Б.*) на большом заводе в сборочном цехе работает». Приехал

---

[1] Журнал «Партийная жизнь», 1947, № 4, стр. 56.

[2] Посещение Бажовым УЗТМ и осмотр им шагающего экскаватора описаны в очерке Ан. Злобина «Шагающий гигант». Журнал «Новый мир», 1951, № 12, стр. 178—179.

[3] Сб. «Дореволюционный фольклор на Урале», Свердлгиз, 1936, стр. 279—280.

как-то Ваня на побывку домой, послушал рассказы деда о старой заводской цапле, посоветовал ему: «Тебе бы, дедушко, надо поглядеть на нашу цаплю, которая сейчас на сборке», — и задел немножко старика:

«Любопытно стало, что в самом деле за штука такая, да и на заводе том я не бывал, а Ваня его что-то больно высоко ставит... Дай, думаю, съезжу, погляжу».

Заключительная часть сказа передает впечатления Кузьмы Осипыча от того, что он увидел:

«Как вошли в заводские ворота, так я и понял, что этот завод с нашими старыми и сравнивать нельзя... Такого я и в думках не видывал».

Увидел старик и «не ту цаплю» — шагающий экскаватор — и в модели, и в готовых деталях машины — таких «деталях», которые и в цех-то не вмещаются.

Вывод старого рабочего, сделанный им из наглядного сравнения нового со старым, касается самого существа дела — разницы в положении рабочего при социалистическом общественном строе и при капиталистическом: «На цаплю... эта машина не больно походит, а все-таки Ваня правильно ее к старому подвел. Наша заводская цапля как нарочно была придумана, чтобы люди зря мытарились, а эта — наоборот, чтоб человека от кайла да лопаты освободить, облегченье ему сделать». Увиденное на УЗТМ стало для Кузьмы Осипыча «окошком в будущее»: настроит наш народ невиданных могучих машин, но «у трудового народа и думки быть не может, чтоб без дела остаться. Легче станет работать, удобнее, веселее, а все-таки дела у всякого хватит».

Последний сказ П. П. Бажова — «Живой огонек» (1950 г.) — отражает необыкновенно быстрый культурно-технический подъем советского рабочего класса. Рассказчик, пенсионер, в прошлом рабочий одного из небольших заводов, с удовлетворением сопоставляет новое со старым: «Раньше-то наперечет знали, кто из заводских в городе учится, а теперь разве сочтешь, коли чуть не из каждой семьи уезжают в институты да техникумы». Как о типичном для советской жизни явлении, сообщается о слесаре одного из свердловских заводов, который сначала без отрыва от производства получил среднее образование, а затем высшее, стал инженером-конструктором на том заводе, откуда уходил в институт, и, наконец, был удостоен Сталинской премии за сконструированную им машину. Сказ отра-

жает процесс ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом в СССР. «Раньше-то я бы инженера от слесаря и в бане отличил. Раздельно было. Одни вверху, другие внизу. При случае переговаривались, конечно, а теперь вот сливаться стали», — говорит один из персонажей.

Идея творческого труда в последнем сказе Бажова приобрела новое выражение, подсказанное писателю сегодняшним днем советской действительности.

Творческие задатки, имеющиеся в каждом работнике, развертываются и расцветают благодаря живительной силе знания. Этим объясняется массовое изобретательство, охватывающее все более широкие слои советского рабочего класса. Поэтому-то чаще и чаще в изделиях с нашей советской маркой видишь ту «особину», которая выдает «мастера с полетом», видишь «живой огонек» творчества.

В последних сказах Бажова, особенно в сказах «Не та цапля» и «Живой огонек», непосредственно отразились те характернейшие явления советской действительности, которые представляют собою конкретное выражение существенных черт и требований основного экономического закона социализма, открытого великим Сталиным: «...обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [1].

Таким образом, постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам помогли Бажову сделать еще один шаг в том направлении, в каком развивалось его сказовое творчество: он пришел к прямому конкретно-образному показу явлений, фактов, событий современной советской повседневности. Не все последние сказы его одинаково удачны. Они раскрывают психологию советского человека с меньшей глубиной и яркостью, чем раскрыта психология рабочего-творца, например, в цикле сказов о камнерезе Даниле. Сам писатель с недовольством отзывался о некоторых последних сказах. Но вся литературная деятельность Бажова была творческими поисками, и они, в конце концов, приводили к созданию великолепных жемчужин художественного творчества. Думается, что писатель еще раз должен был

---

[1] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 40.

сменить рассказчика. Ввести такого рассказчика, через которого мог быть показан современный передовой советский рабочий. Он коренным образом отличается от старых русских «умельцев», в частности, своей высокой культурой, тем, что он неразрывно связан с современной нашей техникой, самой могучей в мире. Сказы «Не та цапля» и «Живой огонек» намечали переход к новому этапу в творчестве Бажова. Однако поиски писателя не были завершены. В 1950 году деятельность его оборвалась.

Сопоставление последних сказов П. П. Бажова с первым его сказом — «Дорогое имячко» — весьма наглядно показывает, какой большой путь развития прошло творчество писателя за 15 лет. От легендарного сказа о «старых людях», действие которого можно отнести к XVI веку, до реалистических сказов о жизни, быте, труде, психологии и идеологии современного советского человека, завершающего выполнение послевоенного пятилетнего плана; от сказа, выражающего вековые, но весьма неопределенные в прошлом мечты людей труда о социальном освобождении, мечты, которые лишь условно современный человек может принять как далекий-далекий зародыш идеи социальной революции, — до реалистических сказов о том времени сталинской эпохи, когда советский человек в повседневности окружающего видит зримые черты коммунизма, когда он сам лично участвует в гигантских стройках коммунизма.

Таковы крайние вехи развития сказового творчества П. П. Бажова. Оно корнями своими уходит в народ, любимо народом. Оно воспитывает в наших людях качества, необходимые народу, строящему коммунизм. Самые изменения в творчестве Бажова отражают изменения в жизни, в сознании советских людей и являются показателем непрерывного процесса углубления народности его сказов.

9

Новый сказитель, сменивший деда Слышко, вошел в сказы П. П. Бажова «постепенно». Излюбленные «присловья» деда Слышко, его «речевые приметы» — «слышко» и «протча» — последний раз встречаются в сказе 1940 года «Хрупкая веточка». Последние довоенные сказы, написанные в 1-й половине 1941 года, — «Таюткино зеркальце» и «Жабреев ходок» — не содержат в себе этих «присловий». Но они относятся к «гумешевскому циклу»:

в первом действует Хозяйка Медной горы, а события второго развертываются в Косом Броду — деревне, расположенной на дороге из Полевского в Сысерть. Сам же писатель говорил: «В сущности, Хмелинин старым Гумешевским рудником ограничивался, все остальное идет не от его имени» [1].

Следовательно, если судить по содержанию, сказы «Таюткино зеркальце» и «Жабреев ходок» нужно связать с образом деда Слышко, но уже начавшим терять некоторые характерные свои черты. Бажов начало постепенного изменения образа Слышко, изменения, приведшего к замене его, относил даже к 1938 году. Однако едва ли можно найти ощутимые признаки таких изменений в самом образе в сказах 1938—1940 годов.

О сказах, написанных после тех, которые вошли в первое издание «Малахитовой шкатулки», Бажов говорил: «Очевидно, основа других сказов была заимствована у кого-то другого, я точно не помню, у кого и как. Может быть, в какой-то мере Хмелинин и тут фигурирует, но только он уже в пятой, шестой и седьмой степени. Он уже не стал быть основным, и в силу этого потом просто исчез» [2].

Значит, замена деда Слышко другим рассказчиком — это творческий процесс, а не «единичный акт», причем какие-то черты деда Слышко сохранились в рассказчике всех сказов Бажова.

«Необходимость приближения сказителя к людям, которые живут уже в нашей современности, назрела давно», — писал П. П. Бажов [3]. Но только с началом Великой Отечественной войны смена рассказчика стала необходимостью неотложной. Образ деда Слышко уже сковывал писателя, он не соответствовал новым художественным задачам [4].

Непосредственным же толчком для замены рассказчика был выход Бажова в его сказовом творчестве за пределы Полевского. От имени деда Слышко невозможно было вести сказы, например, о Златоустовском заводе, в том числе и один из самых первых «сказов о немецких начальниках» — «Иванко-Крылатко» (апрель 1942 г.), а у Бажова были некоторые исторические материалы о «немецких начальниках» именно по Златоусту.

---

[1] «Уральский современник» № 20, стр. 150.

[2] Там же.

[3] Письмо от 10 июня 1949 г.

[4] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 150

Так война ускорила то, что еще раньше назревало в творчестве Бажова. Отказавшись от дальнейшего использования образа деда Слышко, писатель значительно расширил свои творческие возможности. Он мог теперь брать для сказов материалы, относящиеся к любому району Урала, а главное — перед ним открылась возможность максимального приближения сказов к современности. Сам П. П. Бажов так говорит об этом: «Ваш тезис о необходимости изменить возраст сказителя, чтоб стало возможным включение в сказовую ткань явлений и фактов современной жизни, мне кажется очень существенным для характеристики сказового творчества и в частности его возможностей отзываться на темы современности» [1].

Новые рассказчики в разных сказах разные люди. Сказы «Иванко-Крылатко», «Веселухин ложок», «Коренная тайность», «Алмазная спичка», «Старых гор подаренье» — ведутся от имени златоустовского рабочего, «Чугунная бабушка» — каслинского, «Тараканье мыло» — тагильского, «Далевое глядельце» — от имени мурзинского горщика, «Золотоцветень горы» — северского, «Золотые дайки» — от имени березовского рабочего, «Шелковая горка» — невьянского. Иногда автор сообщает имя рассказчика: Сидор Васильевич Климин в сказе «Золотоцветень горы», Кузьма Осипыч в сказе «Не та цапля», Иван Долган в «Аметистовом деле».

В биографии многих рассказчиков в произведениях Бажова появляется новая и очень существенная деталь: они были активными участниками гражданской войны, защищали родную им советскую власть от белогвардейцев и интервентов («Аметистовое дело», «Рудяной перевал», «Дорогой земли виток», «Золотоцветень горы», «Не та цапля»). Сказ «Ионычева тропа» имеет подзаголовок, прямо указывающий на то, что подобные сказы Бажовым осознавались как определенный цикл: «Из раздела «Рассказы участников гражданской войны». Здесь очень характерна для послевоенного творчества Бажова биография рассказчика. Он говорит о себе: «Сам видишь, — я еще не больно остарел. Никто из нашей бригады не пожалуется, что по работе от молодых отстаю. Ну, все-таки, старую жизнь не понаслышке знаю, не из книжек про нее вычитал, — сам испытал. На владельческой фабрике не один год работал. Перед призы-

[1] Письмо от 10 июня 1949 г.

вом у прокатного стана уже стоял. Настоящий, значит, рабочий, не подсобник какой. В старой армии до унтер-офицера на младшем окладе дослужился». Во время гражданской войны «в заводе, конечно, отряд Красной гвардии был. В него я и поступил с первого дня приезду, а вскоре и командиром стал».

Рассказчик имеет возможность сопоставить новое со старым на фактах из собственного жизненного опыта. Именно в целях такого наглядного и поэтому особенно убедительного сопоставления Бажов неизменно, до конца своего творчества, поручал сказовое повествование старикам.

Рассказчик здесь, как и в большинстве других сказов 40-х годов, наш современник, человек с прочным советским самосознанием, с высокоразвитым чувством советского патриотизма, с той «собственной гордостью» советских людей, о которой говорил В. В. Маяковский.

Как и дед Слышко, новый рассказчик Бажова является одновременно положительным героем сказов. Но он — положительный герой нашего времени.

В образе «коллективного рассказчика» 2-й половины «Малахитовой шкатулки», в его чертах типизируются лучшие чувства, мысли, лучшие черты простых советских людей старшего поколения. Человек старый, этот рассказчик однако не находится в состоянии конфликта со своими детьми и внуками. Он не только в полной мере понимает «детей», но и заботливо следит, чтобы они были достойными наследниками отцов, установивших советскую власть и заложивших основы современного могущества и величия страны, чтобы дети самоотверженно и со знанием дела умножали великое наследство, чтобы учились и у книг, и у жизни, и у стариков и шли вперед. Поэтому-то, послушав рассказы внука об УЗТМ, Кузьма Осипыч в сказе «Не та цапля» поехал на Уралмаш — не только посмотреть на гигантский завод, но еще и с другим расчетом: «Может, и парня образумить надо, чтоб не заносился со своим заводом свыше меры». Конфликта «отцов и детей» не получилось и в данном случае, ибо представитель поколения «отцов» не с горечью и досадой, а с удовлетворением и чувством гордости убедился в правоте Вани — представителя поколения «детей». Великие достижения, успехи и победы советского народа являются общими победами старшего и младшего поколений советских людей, единодушно выполняющих великое общее дело. «Дети» восприняли устремле-

ния «отцов», ибо эти великие устремления являются не чем иным, как идеями коммунистической партии, идеями Ленина — Сталина, прочно овладевшими сознанием миллионов. «Дети» подхватывают историческую эстафету, передаваемую им «отцами».

За «коллективным рассказчиком» бажовских сказов 40-х годов видишь страну, великие дела народа, его устремления, его путь в будущее.

Вступление нового рассказчика в сказы Бажова не только позволило писателю углубить их идейное содержание, но и повлекло за собой ряд других изменений. С заменой рассказчика связаны изменения в композиции сказов Бажова, о чем говорилось выше, появление в сказах концовок и зачинов глубокого философского содержания.

Изменилось также использование фантастических образов в сказах. Прежде всего, количество сказов с элементами фантастического в 40-е годы резко сократилось. Если из 25 довоенных сказов фантастические образы имеются в 21 сказе, то из 27 сказов 40-х годов такими сказами являются лишь «Голубая змейка» и «Богатырева рукавица», да с весьма существенными оговорками можно отнести к сказам с элементами фантастики «Старых гор подаренье», «Золотые дайки», «Веселухин ложок». Совершенно особый характер имеет фантастическое в сказе «Орлиное перо».

«Голубая змейка» — чудесная сказка для детей. Адресат ее совершенно ясно определен всем содержанием и, прежде всего, тем, что центральными персонажами сказа являются мальчики Ланко Пужанко и Лейко Шапочка, дети соседей — рудокопа и золотоискателя. Сказ продолжает линию довоенных сказов «детского тона»: «Огневушки-Поскакушки» и «Серебряного копытца», — тона теплого, задушевного. Произведение проникнуто мироощущением светлой жизнерадостности, оптимизмом. Тема дружбы и товарищества, разрабатываемая в сказе, актуальна всегда и была особенно актуальной в годы Великой Отечественной войны. Образ Голубой змейки близок фантастическим образам довоенных сказов Бажова: Огневушке-Поскакушке, Змеевке, Синюшке. Введение в сказ фантастического образа мотивируется тем, что рассказчик здесь во многом напоминает деда Слышко: старый человек далекого дореволюционного прошлого, он верит в то, о чем рассказывает. П. П. Бажов писал о сказе «Голубая змейка»: «Возрастная отдаленность

сказителя дает право привлекать многое из той «рабочей демонологии», которая особенно привлекает детей и, смею думать, небезинтересна для взрослых, в том числе и для исследователей»[1].

Несмотря на фантастичность образа Голубой змейки, сказ реалистичен, как почти все сказы Бажова, включающие в себя элементы фантастики. Реализм достигается здесь обычной для писателя типичностью психологических характеристик персонажей, верностью изображения старого быта уральских горняков.

В сказе «Веселухин ложок» фантастичен образ Веселухи, покровительницы искусства, радости и веселья, которая появлялась в «ложке» — излюбленном месте отдыха рабочих. Использование образа сопровождается такими оговорками: «Известно, ежели человек выпивши, ему всякое показаться может». Из заводских рисовщиков тоже «будто кто-то въявь ее видел», «На деле-то, может, проще было. После заводской копоти да кислых паров разморило их на травке под солнышком, а вину на Веселуху сваливают». «Заводские бабенки да девчонки тоже по-разному Веселуху поминали. Кои слезы лили да причитали: «Обманула меня Веселуха!... На всю жизнь погубила». Кто опять хвалил: «Хоть не сладко живу, да муж по мыслям. Доброго мне тогда Веселуха парня подвела»... «И про то помянуть не забудут, — больно цветисто ходит. А девчонки да молодые бабенки сами норовят попестрее снарядиться, как за пруд собираются. Вот и разбери тут, которая из них Веселуха». Таким образом, фантастичность образа Веселухи начисто снимается.

В сказе «Золотые дайки» введение фантастического образа змея Дайки реалистически мотивируется сном: Глафира уснула в старательской шахте и во сне видела змей с «золотыми обручами». По поверьям, такие змеи — верный признак золотого месторождения. Там, где Глафире привиделись змеи, старатель Перфил действительно нашел золото, — случайность не столь уж неожиданная: действие происходит в золотоносном районе, да еще в старательской шахте.

Сказ «Старых гор подаренье» передает легенду о волшебной сабле Салавата Юлаева. Изложив легенду, рассказчик, наш современник, не оставляет никаких поводов запо-

---

[1] Письмо от 10 июня 1949 г.

дозрить его в том, что он верит в достоверность изложенного, и тут же противопоставляет устной легенде писанную историю: «По письменности, сказывают, Салавата потом казнили царицыны прислужники, только башкиры этому не верят. Говорят, что Салават на Таганай ушел, а оттуда на луну перебрался». Читателю предоставляется право выбора, чему верить,— «письменности» ли, или старому народному поверью. Легенда о сабле Салавата, как было сказано выше, включена в обрамляющей ее реалистический рассказ о том, как златоустовские оружейники готовили подарок товарищу Сталину. Она включена в качестве иллюстрации к мыслям рассказчика о народе и народном вожде. Вспомогательное, «подсобное» значение фантастической легенды здесь очевидно. Вместе с тем легенда привлечена именно потому, что основная ее мысль глубоко правильна и подлинно народна. Писатель использовал ее по-новому и блестяще.

Наконец, совершенно своеобразную и тоже новую для писателя форму и функцию фантастического следует отметить в сказе «Орлиное перо». Основываясь на фольклорных мотивах, Бажов придает внешне фантастическим образам характер аллегории, в основе своей достаточно прозрачной. Фантастическое, благодаря этому, становится средством глубоко правдивого, реалистического, типизирующего отображения действительности. В данном случае, говоря о В. И. Ленине, о его величии, о любви его к народу и о народной любви к вождю, Бажов прославляет партию Ленина—Сталина, указывающую народу путь в будущее.

Некоторые из новых рассказчиков Бажова слыхали и знают старинные предания уральских рабочих, но не разделяют отношения деда Слышко к ним, пытаются по-своему объяснить поверья старины. В сказе «Рудяной перевал» (1947 г.) дед Квасков, рабочий, повидимому, значительно более молодой, чем Слышко, говорит: «Слыхали, небось, про сады Хозяйки горы, как там деревья меняются. Было синее, стало красное, было желтое, стало зеленое. Это хоть сказка, да не зря сложена... Скажем, на нашем руднике жила идет небольшим ручьем, а вдруг на ней пересечка... По этим пересечкам и видно, что земля не вовсе угомонилась. В ней передвижка бывает. Рудяной перевал называется. После такого перевала, сказывают, в горе такое окажется, чего раньше не добывали». Такова одна сторона объяснения перемен «в горе», — почему там, где «было

синее», «стало красное». Рассказав, что однажды при обвале штольни оказались запертыми в руднике три забойщика и они там видели «рудяной перевал», Квасков продолжает: «Сидят..., а дыханье вовсе спирать стало. Вдруг видят, — в одной стороне запосверкивало, и огоньки разные: желтый, зеленый, красный, синий. Потом все они смешались, как радуга стала, только не дугой, а вроде просеки в гору». А после «оказалось, — в тех же породах много сурьмяной руды, а ее до той поры на руднике никогда не добывали». Рассказчик так выражает свое отношение к слышанному им от деда Кваскова: «Насчет подземной радуги сомневаюсь. Может, она померещилась людям, как они задыхаться стали. А насчет остального (то есть насчет «рудяного перевала», передвижек в земной коре) правильно старик говорил». Таким образом, современный рассказчик находит научные объяснения преданиям стариков: геологическое объяснение появлению новых минералов там, где их прежде не было, медицинское объяснение тому, что запертые в руднике забойщики увидели «подземную радугу», «вроде просеки в гору». В подземные чудесные сады Хозяйки горы он не верит.

Другой современный рассказчик так поясняет различие между своими рассказами и рассказами стариков прошлого: «В том только разница, что старики в случае и тайную силу подтягивали себе на подмогу: она, дескать, сделала, либо научила, либо убрала с дороги. Нам, известно, тайная сила не помощница: никто ей не поверит» (сказ «Ионычева тропа»).

Таким образом, в 40-е годы элементы фантастики Бажовым используются значительно реже, чем в довоенные годы. Без каких-либо оговорок фантастические образы вводятся только в сказы для детей, причем, как и в ранних сказах, своеобразно переплетаясь с бытовыми картинами, эпизодами, деталями, они не нарушают реалистического характера, реалистической основы сказа («Голубая змейка»). В других сказах фантастические образы теряют значение композиционно-организующего элемента, какое они имели во многих ранних сказах, и становятся чисто иллюстративным средством, помогающим ярче, сильнее, убедительнее раскрыть главную идею произведения («Старых гор подаренье»). Иногда они используются как средство создания аллегории большого социального смысла («Орлиное перо»). Отношение рассказчика к фантастическим обра-

зам меняется. Обычно серьезное отношение деда Слышко нередко заменяется лукаво-юмористическим отношением рассказчика, с оттенком этакой стариковской мудрой снисходительности: рассказчик с хитрецой оговаривается относительно возможности передаваемого им, — может, было, а может, и нет, — сами смекните («Веселухин ложок»). Современные рассказчики иногда прямо полемизируют с дедом Слышко, со стариками прошлого и пытаются дать научные объяснения их поверьям. («Рудяной перевал», «Ионычева тропа»). Значительно усиливаются, расширяются, становятся обстоятельными, даже исчерпывающими, реалистические объяснения к тем образам, которые без таких мотивировок могли бы восприниматься как фантастические («Веселухин ложок», «Золотые дайки»).

Новое использование фольклорной фантастики оказалось исключительно плодотворным, о чем свидетельствуют такие сказы, как «Веселухин ложок» и особенно «Орлиное перо» и «Старых гор подаренье».

Изменения в использовании фантастики в сказовом творчестве Бажова, связанные со сменой рассказчика, отражают рост идейно-творческой зрелости писателя.

С заменой деда Слышко другим рассказчиком в значительной мере связаны изменения в сказовом языке П. П. Бажова.

Язык всех сказов Бажова в основе своей является общенациональным разговорным языком. Средствами его писатель мастерски передал мироощущение и миропонимание людей труда и в прошлом и в советском настоящем, передал строй мыслей и чувств уральского рабочего-сказителя — народного художника и типичного представителя своей среды, своего класса, носителя лучших черт русского национального характера. Живописность и эмоциональность, смысловая точность и весомость слова — таковы замечательные качества сказовой речи Бажова.

Бажов писал о языке своих сказов: «Лексика — язык моих родителей, освеженный во время работы в течение семи лет над крестьянскими письмами в редакции «Крестьянской газеты» — «Колхозного пути», как она потом называлась» [1]. Путешествия учителя Бажова по родной стране (обычно — по Уралу) также пополняли лексические запасы будущего писателя.

---

[1] Письмо от 20 ноября 1949 г.

Он никогда не переставал вслушиваться в живую речь народа. В картотеке писателя, в его записных книжках сохранилось большое количество и фольклорных, и чисто «разговорных» записей, произведенных и в 30-е и в 40-е годы. Нетрудно установить, в какой сказ вошло то или иное слово, выражение, речевой оборот, слышанные Бажовым в народе и записанные им. Таковы, например, выражения из его записных книжек и картотеки: «салка» — полужидкая глина на низких местах, где поступление влаги беспрерывно («Жабреев ходок»), «зноздить»— надоедливо и нудно говорить без конца об одном и том же («Ионычева тропа»), «из рыжих случился» (плутоватый оказался) — («Змеиный след»), «взлобышек» («Васина гора»), «заделье» найти — найти повод для посещения кого-нибудь («Хрупкая веточка», «Жабреев ходок»), «пялиться», «глаза пялить» — уставиться взглядом, глядеть на кого-нибудь («Медной горы хозяйка»), «ловкий камешек» — хороший, дорогой самоцвет («Ключ земли»), «Яша горбатенький» (в «Хрупкой веточке» Митя горбатенький).

Само по себе накопление народной лексики — без знания труда, быта, интересов, психологии среды, в которой живет то или иное слово, выражение, для художника не представляет ценности.

И. В. Сталин указывает: «Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [1].

Сталинское указание в полной мере относится ко всем элементам, ко всем сторонам языка. Оно в полной мере относится и к тем элементам народной лексики, которые вошли в сказы Бажова.

Бажов хорошо знал, всесторонне изучил изображаемую им среду. Речь ее, составная часть русского языка, была для Бажова одной из сторон и средств характеристики этой среды.

И. В. Сталин устанавливает: «Язык... связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со вся-

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 18.

кой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки» [1].

Бажов особенное внимание уделял связи языка с трудом. Отсюда его постоянное внимание к производственной терминологии уральских рабочих. Писатель полагал — и правильно полагал, — что и в прошлом уральских рабочих для изображения надо брать, прежде всего то, что связано с их трудом: «На мой взгляд, бытовое положение рабочих гораздо больше известно, чем та трудная дорога, которую пришлось преодолеть им к высотам мастерства в области производства» [2]. Показ этой «трудной дороги» и составляет главную тему П. Бажова.

А. Н. Толстой признавался однажды: «Я пробовал заводить записные книжки и подслушивал фразы. Когда я вклеивал их затем в ткань рассказа, — получалось почти то же, как если бы живописец приклеил к портрету нос, отрезанный у покойника» [3]. Разобравшись в причинах подобных неудач, Толстой нашел и пути к правильному использованию народного слова: «Нужно подойти к коренным истокам языка, к началу всех начал, — к труду, к трудовым процессам...» [4].

Бажов никогда не терял «трудового ключа» к народному слову именно потому, что среда уральских рабочих была с детства родной ему средой, он знал их труд и быт, их психологию и обычаи, знал их прошлое и современность.

Замена рассказчика не повлияла существенно на общий характер языка, на стиль сказов.

Наиболее характерные и обращающие на себя элементы языка всех сказов Бажова таковы.

В морфологии это, прежде всего, употребление значительного числа суффиксов, придающих слову эмоциональную окраску. Пренебрежительные суффиксы обычны в словах, характеризующих отрицательные персонажи: «Лисьей повадки **человечишко**» — так назван «суматошный» надзиратель Ераско Поспешай в сказе «Таюткино зеркальце» (1941 г.). «**Старателишко**» — говорится о «нюхалке-науш-

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 8.

[2] Письмо А. от 18 мая 1947 г. Архив П. П. Бажова.

[3] А. Н. Толстой. О драматургии. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. ГИХЛ, 1934, стр. 16.

[4] Там же, стр. 21.

нике» Ваньке Сочне в сказе «Сочневы камешки» (1937 г.), причем все, что к нему относится или принадлежит ленивому Ваньке, обозначается существительными с тем же суффиксом: **«женешка»**, **«шалашишко»**, **«струментишко»**. Ленивый болтун Вавило Звонец — **«мужичонко** незавидный» («Золотые дайки», 1945 г.). «Набалованными **бабенками»** названы своекорыстные жены Салавата Юлаева в сказе «Старых гор подаренье» (1946 г.). О **«купчишках»** говорится в сказе «Широкое плечо» (1948 г.).

В существительных, обозначающих животных и «неодушевленные» предметы, пренебрежительные суффиксы употребляются для характеристики материального положения дореволюционных рабочих, их нищеты. У отставного солдата Семеныча — «огородишко», «ружьишко немудрящее» («Про Великого Полоза», 1936 г.). Сирота Федюня надел «пимишки» («Огневушка-Поскакушка», 1939 г.). «Коровенку купили... куричешек сколько-то», — рассказывает Иван Долган о своем «обзаведенье» после свадьбы («Аметистовое дело», 1947 г.).

Особенно часты в сказах и постоянны на протяжении всего творчества Бажова существительные и прилагательные с «ласкательными» суффиксами, выражающие любовное отношение рассказчика к положительным героям. Таня — «девчоночка» «черненька да бассенька, а глазки зелененьки» (сказ «Малахитовая шкатулка», 1937 г.). Частым употреблением подобных словообразований характеризуется и речь самих положительных героев, когда они разговаривают с людьми духовно близкими, милыми им, в частности, с детьми. Речь Кириллы Талышманова окрашивают такие слова, как «ушка», «хариуски», «рыбка», «глазеньки», «большенький» («Золотоцветень горы», 1949 г.).

Преувеличенно подчеркнутое употребление подобных слов иногда служит средством выражения шутливо-иронического отношения, легкой насмешки над собеседником. «Как, Яков Кирьяныч, живешь-поживаешь со вчерашнего дня? Что по хозяйству? Не окривел ли петушок, здорова ли кошечка? Как сам спал-почивал, какой легкий сон видел? — Да ничего, все по-хорошему. Петух заказывал тебе по-суседски поклончик, а кошка жалуется: больно много сосед мышей развел, — справиться сил нет» («Далевое глядельце», 1946 г.).

Уменьшительно-ласкательные слова с древнейших времен обычны для всего русского фольклора, особенно в стихо-

творных его жанрах — песнях, былинах. Прочно вошли они и в советский фольклор.

Вот примеры из собрания Д. Н. Садовникова: «Поехал дедушка пахать; у дедушки было три дочки. «Я пойду, — говорит дедушка,— во чисто поле пахать и без хлеба работать; а вы хлебцы испеките, да ко мне принесите». Дочка и говорит: «Де нам, тятенька, тебя найти»...

«Вот она не испекла пирожок, а завязала малую дочь в мешок, положила ему за горбок. «Ох ты, серый волчок, понеси-ка мому батюшке гостинчик» [1].

В записи русской былины читаем:

Как с-под ельничку да с-под березничку,
Да с-под чистого молодого с-под олешничку,
Выходил каликушка немаленький.
На ногах лапотки-те у него семи шелков,
Не простых шелков да самошинских;
Как в косы-те заплетено было по камешку,
По камешку по самоцветному.[2]

Еще один пример — из исторической песни «Ермак и хан Кучум», записанной от современной уральской сказительницы К. С. Копысовой в 1947 году:

Подошел Ермак ко сосеночке,
Ко сосеночке свеже меченой.
Глубоко вздохнул во всю моченьку,
Взвил глаза свои в поднебесьюшко... [3]

Дело в том, что народ так говорит. Уменьшительно-ласкательные слова обычны в бытовой народной речи, а в поэтическом творчестве народа они тем более часты, что придают особую эмоциональность речи, являются одним из средств ее художественной выразительности.

Разница же в употреблении подобных слов в произведениях народного поэтического творчества и в сказах Бажова состоит, между прочим, в том, что в последних употребление слов с суффиксами, придающими речи определенную эмоциональную окраску, всегда художественно оправдано

---

[1] Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым, СПБ, 1884, стр. 134—136. Сказка «Волк и стариковы дочери», № 29.

[2] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. II, изд. 4-е, АН СССР, 1950, стр. 217. Былина «Калика-богатырь».

[3] Уральский фольклор. Под ред. М. Китайника. Свердлгиз, 1949, стр. 29.

психологической характеристикой персонажей, сюжетной ситуацией, а в произведениях народно-поэтического творчества в отдельных случаях объясняется только инерцией поэтической традиции или требованиями ритма [1].

Широкое и последовательное использование Бажовым во всем его сказовом творчестве характерных для народной поэзии средств художественной выразительности является одним из убедительных свидетельств глубокой народности сказового языка П. П. Бажова.

Такой же общей для русского фольклора чертой является последовательное на всем протяжении сказового творчества Бажова употребление «сдвоенных» слов, обозначающих близкие понятия, то есть чаще всего слов синонимических: внуки-правнуки («Приказчиковы подошвы», 1936 г.), рты-носы захватили («Сочневы камешки», 1937 г.), шум-крик, руки-ноги, просит-молит («Малахитовая шкатулка», 1937 г.), сварить-постряпать, сшить-связать, заплакала-запричитала («Горный мастер», 1938 г.), учить уму-разуму («Тараканье мыло», 1943 г.), пошло-поехало («Чугунная бабушка», 1944 г.), сна-покою лишился («Золотые дайки», 1945 г.), визгу-причету («Старых гор подаренье», 1946 г.)., бьюсь-колочусь («Аметистовое дело», 1947 г.), шутки-прибаутки («Дорогой земли виток», 1948 г.), то-другое («Не та цапля», 1950 г.)

Параллелью в народном творчестве могут служить слова из сказки «Иван Царевич и богатырка Синеглазка» в собрании Б. и Ю. Соколовых: «Душечка, я выйду, тебя из седла выну; со мной хлеба-соли кушать и спать-опочевать»; «Ах ты, терем-избушка на курьих ножках!» «Этот конь — подскакивать, мха-болота перескакивать, реки-озера хвостом заметать» [2].

Множество аналогичных примеров можно найти в старинных русских песнях, воспроизводимых М. Р. Голубковой, причем некоторые пары настолько устойчивы, что в на-

---

[1] См., напр., в былине «Добрыня Никитич» в собрании А. Ф. Гильфердинга: «Там не спрашивашь ты у дверей придверничков. У ворот не спрашивашь да приворотничков.» Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I, изд. 4-е, АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 150. Еще: «Только дам я тебе три наукушки великиих» (то есть науки,— *М. Б.*). То же издание, т. II, 1950, стр. 746.

[2] Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. 250, 251, 252.

родной поэзии их слитное употребление является обычным, поэтому они являются общими для Бажова и для Голубковой. Таковы: ума-разума, руки-ноги, просила-упрашивала, молила-умаливала [1].

Характерно использование сдвоенных слов М. Ю. Лермонтовым в «Песне про купца Калашникова»:

И он стал меня целовать-ласкать...
...А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени...
...Я топор велю наточить-навострить.
Палача велю одеть-нарядить...

Художественная функция подобных сочетаний — также усиление выразительности, эмоциональности речи.

Такую же роль выполняют в сказах П. П. Бажова постоянные в народном разговорном языке словосочетания, представляющие собою повторение одного и того же слова, вроде «пошумел-пошумел», «шептали-шептали», «побились-побились», «послушала-послушала» с обычным последующим противопоставлением: «ворчит-ворчит, а баньку про меня, небось, спозаранок натопит» («Аметистовое дело») [2], как и тавтологические формы: «полным-полнехонько», «рад-радехонек», «черным-чернехонька», «веки-вечные» — с их очевидной усилительной функцией.

Эти речевые средства также взяты Бажовым из общерусского фольклорного арсенала художественно-выразительных средств и характерны для всех его сказов. Использование их Бажовым вполне убедительно мотивируется сказовой формой его произведений. В речи рассказчиков-стариков они звучат совершенно естественно, как естественно и понятно уменьшение их количества, но не исчезновение в языке сменивших деда Слышко рассказчиков более молодого поколения.

Обычным элементом сказового языка Бажова на протяжении всего его творчества являются народные пословицы и поговорки: «Что с возу пало, то пропало» («Малахитовая шкатулка», 1937 г.), «Полюбится сова — не надо райской

---

[1] М. Р. Голубкова. Два века в полвека. «Советский писатель», М., 1946, стр. 51, 43, 63.

[2] Аналогичные словоупотребления из собрания Д. Н. Садовникова: «Уж шарил-шарил». «Билась-билась, да в день свадьбы Ивана Курчавого в Волгу и бросилась». «Ездил-ездил Иван Курчавый»... См. «Сказки и предания Самарского края», СПБ, 1884, стр. 385, 387, 388.

пташки», «На смелого и собаки не лают» («Ермаковы лебеди», 1940 г.); «Старому с молодым и во сне не по пути — разное грезится» («Золотые дайки», 1945 г.); «С барином одной дорожкой иди, а того не забывай, что в концах разойдешься: он в палаты, а ты на полати, да и то не всякий раз» («Коренная тайность», 1945 г.); «Заладила сорока Якова одно про всякого» («Далевое глядельце», 1946 г.); «Не тужи, Иванушка, не все солнышко, бывает и слякиша» («Аметистовое дело», 1947 г.); «Ближний загар не хуже дальнего», «Дело мастера боится» («Живой огонек», 1950 г.).

Вместе с тем Бажов, никогда не теряя чувства меры, использовал пословицы и поговорки очень экономно, что было выражением устоявшегося взгляда писателя на стиль художественного произведения. Он и другим литераторам советовал «не злоупотреблять пословицами и поговорками» [1].

Следовательно, не только сюжеты, образы, мотивы сказов черпались Бажовым из фольклора. В народно-поэтическом творчестве следует искать объяснение многих особенностей и языка его сказов. Сказовый язык Бажова глубоко народен в его истоках, в самой его основе.

Опора на народно-поэтическое творчество, сознательно и последовательно проводимая установка на использование созданного народом — таков один из главных творческих принципов П. П. Бажова.

В этом плане большой интерес представляет его работа над именами персонажей.

Подводя итоги «литературного четверга» свердловских писателей, проведенного в августе 1947 г., Бажов так передавал свои впечатления от рассказа одного из начинающих: «Еще лучше оказалось название одного из действующих лиц — Павелко. Меня это просто поразило. Сам ношу это имя, знаю, кажется, все его видоизменения: Паша, Пашутка, Пашуня, Павлик, Павлушка, Павка, Пашка и т. д., а такого даже не предполагал. И в то же время это необыкновенно просто и естественно. Своего рода один из бесконечных показателей, что можно трои подшитые кожей штаны у письменного стола просидеть, а не выдумаешь того, что можно подслушать в жизни. И это еще дает толчок

---

[1] Письмо Г. от 30 сентября 1947 г. Архив П. П. Бажова.

к твоим словообразованиям. После Павелка не мудрено составить что-нибудь в таком же роде» [1].

И в одной из записных книжек писателя есть две страницы записей русских имен с различными образованиями от них и, в частности, такими: «Артюха, Артюшка, Артем», «Гавря, Ганя, Гаврило», «Кирило, Кирюха, Кирша, Кирюшка» [2]. Впоследствии эти имена вошли в сказы Бажова: в сказе «Таюткино зеркальце» действует Ганя Заря, в сказе «Хрустальный лак» — Артюха Сергач, в сказе «Широкое плечо» — Кирша Глушило. Использованные писателем образования от имен Гавриил, Артемий, Кирилл обычны в народном употреблении, по крайней мере, на Урале.

Таково частное применение девиза всей творческой жизни Бажова: «Учиться у жизни, учиться у народа».

В языке сказов П. П. Бажова постоянно используется известное количество диалектизмов. Бажов отлично знал высказывания А. М. Горького о литературном языке, о том, в какой мере, при каких условиях и где именно допустимо и уместно введение диалектизмов в художественное произведение.

П. Бажов знал не только то, что «народный русский язык, особенно в его конкретных глагольных формах, обладает отличной образностью» [3], но и то, что «местные речения, «провинциализмы» очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя не характерные, не понятные слова» [4].

Он писал: «В тексте сказов (речь идет о сказах М. Кочнева, — *М. Б.*) наряду с такими словами, как «можа», «бывалыча», «подумкивать», встречаются и такие как «отверстие», «норма». Оба эти ряда мне не нравятся. Первые, как ненужное утверждение стилистических неправильностей, вторые, как чисто литературные, выпадают из общей ткани сказов» [5]. Очевидно здесь следование Бажова

[1] Дневник писателя «Отслоения дней», август 1947 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Общая тетрадь, озаглавленная писателем буквами «Н. А. Д.» Архив П. П. Бажова.

[3] А. М. Горький. По поводу одной дискуссии. Сб. «О литературе», М., 1937, стр. 134.

[4] А. М. Горький. О прозе. Сб. «О литературе», М., 1937, стр. 128—129.

[5] Письмо М. Кочневу от 20 января 1947 г. Архив П. П. Бажова.

указаниям А. М. Горького о литературном языке. Слова уральского писателя являются выражением горьковской мысли: «и смешно, и неловко встречать такие соединения слов, как, примерно: «хлынул аккорд», «взнуздать арканом мысли»... «сосмурыженные сапогами проходы» и подобные нелепые словосочетания...» [1] В обоих высказываниях осуждается разностильность в подборе слов, хотя при этом мысль Бажова имеет еще один оттенок, касающийся специально сказового языка. Главное же в словах Бажова — решительное осуждение употребления неудачных, плохих диалектных слов, полностью совпадающее со взглядами А. М. Горького.

В своем дневнике, в день 10-летней годовщины смерти А. М. Горького, именно в связи с размышлениями о языке художественной литературы, Бажов сделал характерную запись, выражающую его отношение к великому русскому писателю и, в частности, к его мыслям о литературном языке: «Для людей моего возраста Алексей Максимович издавна был властителем дум, первым, самым близким писателем, и этим уже определяется отношение к его мнению, к его высказываниям» [2].

Бажов решительно протестовал против отражения в литературных произведениях фонетических отступлений от норм литературного языка и подчеркивал, что они чужды ему. Воспроизведение в литературе фонетических диалектизмов писатель считал явным и недопустимым нарушением принципа народности литературы. «Горбуновщина» в языке претила ему: «Это издевательство над фонетической неправильностью, особенно бросающееся в глаза в советское время. Это использование языка неграмотного человека, чтобы смешить, — например: «чичас умереть» и т. п. Единственное место, которое мне нравится у Горбунова, это фраза «можно ли без начальства лететь» — здесь подкупает социальная сторона» [3]. Воспроизведение фонетических отступлений от норм литературного языка в произведениях, рисующих прошлое, воспринималось Бажовым, как насмешка над неграмотностью угнетенного народа, преднамеренно

---

[1] А. М. Горький. По поводу одной полемики. Сб. «О литературе», М., 1937, стр. 106—107. Горький говорит о языке романа Ильенкова «Ведущая ось».

[2] Дневник писателя «Отслоения дней» Запись от 18 июня 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[3] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 160.

лишенного антинародной властью доступа к знаниям, то есть воспринималось, как антинародное деяние. «В этом отражается мое понимание народности языка», — говорил писатель [1].

Прочитав в журнале «Новый мир» пародию Ал. Раскина на Бажова «Каменный гость» [2]— писатель добросовестно отметил ее достоинства, но почувствовал себя несправедливо обиженным тем, что ему были «приписаны» языковые особенности, несвойственные его сказам: «Но вот зачем мне приписывать горбуновские *евти* да *зачали*? Слова, конечно, вполне противные, но я к ним ни с какого боку даже не подходил. Тут еще мне приписывается *гуторят*. Тоже слово не из моих. Скорее из словаря М. А. Шолохова. Словарь, что говорить, хороший, но зачем мне к чужому хлебу руки тянуть, когда своего довольно». «Если пародисты, выбравшие себе специальность разбора чужой стилистики, не понимают, так кто же поймет?» [3]— заканчивает Бажов свою мысль. Фонетические диалектизмы, притом в ничтожном количестве, можно найти лишь в отдельных, главным образом, самых ранних его сказах («робенок»).

Но, будучи противником диалектизмов фонетических, Бажов употреблял диалектизмы морфологические, синтаксические и лексические. В его сказах найдем такие фразы, как: «За старателем купец, как коршун зорит, и конторско начальство в глазу держит»,— где диалектизмами являются слова «зорит», «в глазу держит» (лексические диалектизмы) и «конторско» (морфологический диалектизм — неупотребительная в литературном языке краткая форма относительного прилагательного — определения). («Змеиный след»). Примерами синтаксических диалектизмов могут служить предложения: «В Косом-то Броду, на котором месте школа стоит, пустырь был» («Жабреев ходок»); «Сельцо малое, а городом называлось, потому — крепко было огорожено» («Ермаковы лебеди»); «Которые заводские и думают, что по Марку Турчанинову гора прозывается» («Марков камень»).

Образ старика-сказителя — вполне достаточная мотивировка использования диалектизмов. Правдивое отражение характерных особенностей речи изображаемой среды являет-

---

[1] Альманах «Уральский современник», № 20 стр. 163.
[2] «Новый мир», 1947, № 3, стр. 192.
[3] Письмо Л. И. Скорино от 30 мая 1947 г. Архив П. П. Бажова.

ся одной из сторон реалистического отображения действительности. Количество диалектизмов в ранних сказах Бажова несколько излишне, но он никогда не отступал от принципа речевой типизации, не впадал в натуралистическое воспроизведение говора определенного района. В принципе использование диалектизмов в речи персонажей не отвергалось и А. М. Горьким, — ни в его теоретических статьях, ни в практике его литературно-художественной деятельности. Горький требовал лишь «тщательного отбора всего лучшего, что в нем (языке,— *М. Б.*) есть — ясного, точного, красочного, звучного, и — дальнейшего любовного развития этого лучшего» [1]. Это следует отнести и к местным говорам.

Язык Бажова — сказовый, то есть язык только персонажей, так как рассказчики являются одновременно и персонажами сказов. И сравнивать употребление диалектизмов в сказах Бажова можно лишь с употреблением их в речи персонажей других советских писателей, притом персонажей, являющихся современниками деда Слышко. При таком сравнении едва ли может быть обнаружена сколько-нибудь существенная разница в количестве диалектизмов в произведениях Бажова и других писателей.

С другой стороны, почти все диалектизмы в сказах Бажова понятны читателю. Объясняется это, во-первых, тем, что он отбирал такие диалектизмы, образование которых от корней основного словарного фонда, как правило, очень прозрачно. Значение, например, слова «спотычка» ясно потому, что в общерусском словарном запасе есть слово «спотыкаться». Точно так же понимание выражения «богатимая жилка» ничем не затруднено, так как происхождение слова «богатимая» от корня «богат», как и значение этого слова, ясны всякому. Во-вторых, Бажов, следуя традиции народного творчества, включает диалектизмы в контекст так, что легко выясняется значение даже и таких слов, происхождение которых может быть неясным для читателя. Например, слово «мизюкал» в выражении: «Слепыш-слепышом. Еле мизюкал. Носом по чернилу водил, как писать случалось» — совершенно понятно благодаря контексту: приказчик Яшка Зорко Облезлый был подслеповат. Иногда Бажов, введя диалектизм, тут же, в тексте сказа, и расшифровывает его. Например, профессиональный термин

---

[1] А. М. Горький. «О литературе», М., 1937, стр. 133.

старых уральских рудокопов «черемуха» не может затруднить читателя, так как значение его объясняется немедленно: «Посередке избы тяжеленный лом — черемуха...» («Жабреев ходок», 1941 г.); «Породу черемухой долбили. Лом такой был. Пудов на пятнадцать весом. Чтоб не одному браться, у него в ручке развилки были («Рудяной перевал», 1947 г.).

Однако употребление диалектизмов в литературных произведениях следует расценивать не только с точки зрения правдивости отображения писателем языка определенной среды и не только с точки зрения понятности языка произведения для широких масс читателей. Очень важно еще и то, в какой мере писатель осуществляет нормативно-воспитательную функцию художественной литературы, — в смысле распространения, внедрения в массы грамматических норм и лексики литературного языка. В условиях современной советской действительности удовлетворение этого требования с одновременным использованием сказовой речи от имени неграмотного рабочего, родившегося более 130 лет тому назад, требует от писателя очень высокого мастерства, знаний и большого художественного чутья. Необходимы тщательнейший отбор и грамматических форм и словарного материала, отклонение всего, что окончательно устарело, что является сугубо местным, замена наиболее устаревших слов и слов крайне ограниченного употребления — общерусскими. И вместе с тем очень важно, чтобы писатель сумел передать речевые интонации, свойственные изображаемой среде и — в индивидуальных их проявлениях — рассказчику, являющемуся одновременно действующим лицом произведения.

Бажов упорно работал над словом. «Местные особенности языковые использую осторожно. Это может быть и доходчивым, но я должен брать только такие слова, которые считаю очень ценными»,— говорил он [1]. И далее: «Ищу слова мучительно долго. Вот в сказе «Таюткино зеркальце» надо сказать было о надежной крепи. Старый технический словарь и другие словари подсказывают «крепь». Хорошее народное слово. Но это *первое* слово. Надо искать. Сколько русских слов перебрал! И нашлось — «переклад». Надежная крепь — «укрепить двойным перекладом». Горжусь: на-

---

[1] Цитируется по статье Л. Скорино «Народный писатель». «Литературная газета», 9 декабря 1950 г., № 118.

шел. Эту простоту, естественность языка очень трудно найти»[1]. Найти нужное слово иногда не удавалось: «ставлю... порой,— каюсь,— и такое, которое не вполне подходит, а лишь приближается»,— писал в другой раз П. П. Бажов[2].

Однако упорные поиски слова в таком направлении проводились писателем не всегда. И связано это с тем обстоятельством, что свои сказы Бажов сравнительно долго считал «восстановлением фольклора». А «поиски» нужного слова для произведения индивидуального творчества писателя и «поиски» слова для «восстанавливаемого», «реконструируемого» по памяти фольклорного произведения — совершенно различные процессы. Второй процесс является припоминанием, и человек, восстанавливающий фольклорный текст, не только может не считаться с современными требованиями к языку литературного произведения, а скорее — не может считаться с ними.

Ознакомление с материалами архива П. П. Бажова показывает: то, что он считал «восстановлением» сказов, слышанных от В. А. Хмелинина, было для писателя более легким делом, чем создание сказов, так сказать, заново. Если над сказами последних лет Бажов работал иногда месяцами, то, например, в марте 1938 года он написал 4 сказа — с промежутками между отдельными из них в три-пять дней: 2 марта 1938 года был закончен сказ «Две ящерки», 7 марта — «Тяжелая витушка», 12 марта — «Горный мастер», 15 марта — «Кошачьи уши»[3].

То был период колебаний, когда писатель еще сам не решил, является ли его работа «восстановлением фольклора» или самостоятельным творчеством. Они отразились и на языке сказов. Готовя для включения в сборник «Малахитовая шкатулка» (1939 г.) первые четыре сказа, печатавшиеся первоначально в качестве фольклорных произведений, Бажов несколько приблизил их язык к нормам литературного языка. Но в последующих сказах некоторые речевые элементы, из числа исключенных при обработке первых сказов, опять используются им: вновь время от

---

[1] Цитируется по статье Л. Скорино «Народный писатель». «Литературная газета», 9 декабря 1950 г., № 118.

[2] Письмо А. С. Ладейщикову от 10 декабря 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[3] Даты окончания работы над сказами приведены по последним рукописным вариантам, подготовленным для переписки на машинке. Архив П. П. Бажова.

времени в сказах появляются слова «упалили» («Марков камень»), «пущай» («Малахитовая шкатулка»), диалектная форма «робёнок», «робятушки» («Марков камень», «Таюткино зеркальце»), краткие формы прилагательных-определений и местоимений: «в перву голову», «руднично дело» («Таюткино зеркальце»), «в котору-то заграницу» («Ключ земли»). При этом отнюдь не все, а только отдельные типы диалектизмов, имевшихся в журнальном тексте первых сказов, вновь привлекаются Бажовым. Кроме того, они проходят через последующие сказы очень непоследовательно, чаще заменяются литературными формами.

Наконец, использование диалектизмов колеблется в зависимости от разновидности сказового жанра. Диалектизмы почти не встречаются в сказах «детского тона», как их называл писатель, — над их языком Бажов работал с особой установкой: оберегать формирующийся язык детей от диалектных влияний. Особенно показателен в этом отношении отличный сказ «Серебряное копытце» (1938 г.) с его ясным, чистым, выразительным языком, образным и одновременно простым. «Наиболее удачным сказом из детского раздела» считал «Серебряное копытце» и сам Бажов [1]. Здесь нет, например, обычных для его сказов «сколь», «сдаля», а обязательно «сколько» и более близкое к литературной форме «сдалека». Даже одно из «опознавательных присловий» деда Слышко, употребляемое после перечисления слово «протча» (или «протча-тако»), исчезло: «Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и...» — Здесь читатель, знающий лексику, слог Бажова, ждет слово «протча» или «протча-тако». И в рукописи Бажов действительно начал было писать: «и пр», но, спохватившись, зачеркнул это «пр» и написал: «другое, что ему надо».

Все сказы, не только предшествовавшие «Серебряному копытцу», но и написанные после него, имеют несколько иную лексику: в них есть диалектизмы — то в большем, то в меньшем количестве. Но это значит, что сказ «Серебряное копытце» в отношении его словарного состава был в некотором роде исключением для Бажова. Особенности лексики этого сказа, очевидно, расценивались самим писателем, как известное нарушение каких-то принципов, определяющих словарный состав его сказов. В одной из рукописей

[1] Письмо О. Иваненко, 1945 г. Архив П. П. Бажова.

сказа есть дополнительное подтверждение этому: первоначально после заглавия Бажов написал: «Сказ в обработке для детей», — но затем зачеркнул написанное, — и без того ясно, что язык сказа подвергся «обработке». Последующие сказы: «Синюшкин колодец», «Демидовские кафтаны», «Травяная западенка» и другие не подвергались такой обработке. Сказы Бажова обычно содержат в себе то большее, то меньшее количество диалектизмов, причем в отдельных случаях такие диалектизмы, которые портят язык сказа, портят сказ, так как они не только не понятны для широкого всесоюзного читателя, но и некрасивы, неблагозвучны. Таковы, например, слова «плеха», «беспелюха», «взвалехнуться» в сказе «Сочневы камешки».

Сознательность, преднамеренность их использования Бажовым едва ли может вызывать сомнения. И объясняется это только тем, что даже и тогда, когда писатель пришел к выводу о своей творческой самостоятельности, и, следовательно, о полной индивидуальной ответственности за написанное им, в его позиции долго оставалось нечто от человека, «восстанавливающего» произведения фольклора. В 1950 году он говорил: «Если посмотреть со стороны стилистической, то заметно, что сказ «Дорогое имячко» подгоняется под местный говор гораздо больше, чем «Медной горы Хозяйка», но и в сказе «Медной горы Хозяйка» есть существенная доля этой «подгонки», причем не подделывание, а желание восстановить так, как было. В дальнейших произведениях я пытался более упрощенно делать, базироваться на существенных словах, не используя фонетических неправильностей речи» [1]. Рецидивы такой «подгонки», «желания восстановить, как было», в языке Бажова время от времени появлялись по крайней мере до конца 30-х годов.

Даже в 1945 году, уже понимая в полной мере, что «позиция на фольклор и только фольклор» в оценке его творчества «никуда не годится», Бажов отстаивал оценочную формулу «фольклор и потом творчество» против формулы «творчество крупным шрифтом и фольклор мелконько», — как он определил позицию Л. И. Скорино [2]. А в 1946 году Бажов писал: «Ведь я занимаюсь только обработкой фольклорного материала. Правда, состою членом Писательского

---

[1] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 144.

[2] Письмо Л. И. Скорино от 27 октября 1945 г. Архив П. П. Бажова.

Союза..., но подлинным писателем, в высоком смысле этого слова, т. е. человеком, который художественными средствами решает важнейшие проблемы жизни, считать себя не могу» [1].

Бажов был человеком, на всю жизнь очарованным великолепным русским фольклором, человеком, которого «образ Лорелеи трогает меньше, чем «царевна-лягушка» [2]. А оборотной стороной этой прекрасной черты Бажова иногда оказывался недостаточно строгий подход к народной лексике.

Но в самом конце 30-х годов обнаруживаются некоторые изменения в лексике, морфологии, синтаксисе сказового языка П. П. Бажова. Они касались прежде всего диалектных элементов в сказах.

Территориальные (местные) диалекты имеются во всяком национальном языке. При капиталистическом строе местные диалекты в значительной мере сближаются с литературным языком, в какой-то степени ассимилируются с ним, но не могут исчезнуть. Это может быть достигнуто только в коммунистическом обществе. Одна из особенностей местных диалектов состоит в том, что они, как устанавливает И. В. Сталин, «обслуживают народные массы» [3]. Являясь частью национального языка, местные диалекты тем не менее, как указывает товарищ Сталин, «имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд» [4]. Это касается и диалектов русского языка, хотя «русские диалекты, несмотря на все их разнообразие, отличаются значительной близостью друг к другу в отношении своего грамматического строя и основного словарного фонда, а также в отношении своей фонетической системы», и «эта специфика русского языка и его диалектов коренным образом отличает его от западноевропейских языков» [5]. Специфика, о которой говорит Р. И. Аванесов, несомненно ускоряет

---

[1] Письмо В. Л. от 7 октября 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[2] Письмо В. Т. Кучерявенко от 18 июля 1946 г. Архив П. П. Бажова.

[3] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 37.

[4] Там же.

[5] Р. И. Аванесов. «Новое учение» о языке и лингвистическая география». Сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. 1, изд. АН СССР, М., 1951, стр. 289.

и облегчает постепенное и окончательное исчезновение местных диалектов в общенациональном русском языке, ускоряет тот процесс, о котором, как общественной закономерности, говорит И. В. Сталин: те местные диалекты, которые не легли в основу национального языка, «теряют свою самобытность, вливаются в эти (то есть национальные, — *М. Б.*) языки и исчезают в них».[1]

Но языковые изменения протекают очень медленно, язык, — указывает И. В. Сталин, — «является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»[2].

Товарищ Сталин отмечает: «Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»[3].

Поэтому даже и в условиях советской действительности, в нашем социалистическом обществе до сих пор остаются основные диалектные различия. Современный исследователь, лингвист-диалектолог, пишет: «в силу устойчивости языковой формы многие особенности в говорах сохранились и до настоящего времени, главным образом у представителей старшего поколения. И хотя в целом диалекты идут по пути к полному уничтожению, к полному слиянию их с литературным языком, в настоящее время многие диалектные особенности еще сохраняются в достаточно ясном виде»[4].

Так обстоит дело в деревне, хотя и там, в зависимости от того, где находится данная деревня, процесс освоения норм литературного языка проходит иногда довольно быстро. В городах и рабочих поселках, в промышленных районах процесс ликвидации диалектных различий идет быстрее.

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 37.

[2] Там же, стр. 6.

[3] Там же, стр. 7.

[4] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. Учпедгиз, 1951, стр. 21.

Характеризуя период послеоктябрьского развития нашей страны, товарищ Сталин указывает: «Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов» [1]. Все это существенно не изменило единого общенационального языка: основной словарный фонд его и грамматический строй, составляющие основу языка, остались без каких-либо серьезных изменений, сохранились именно как основа современного русского языка [2].

За эти же 30 лет изменения в местных говорах, входящих в систему русского языка, проходили и проходят быстрее и заметнее. Идет процесс исчезновения их в литературном языке, тем более быстрый, что говоры русского языка, в отличие от западноевропейских, не столь уж существенно отличаются от литературного языка.

Введение всеобщего семилетнего обучения, невиданное никогда ранее и нигде в мире распространение образованности, повсеместное проникновение радио, книги, газеты, кино, развитие художественной самодеятельности, широкая сеть театров, библиотек, клубов, развертывание лекционной пропаганды, самых разнообразных кружков, курсов и школ — все это ведет к распространению и утверждению в народных массах норм литературного языка.

Характеризуя А. П. Тернова, председателя широко известного не только на Урале колхоза «Заря», Ачитского района, Свердловской области, Вс. Иванов пишет: «Прежде чем привести какие-либо слова А. П. Тернова, я должен кое-что пояснить. Тернов, окончивший лишь всего сельскую школу, говорит превосходным современным языком, как может говорить московский профессор» [3].

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда» 1950, стр. 4.

[2] Там же.

[3] «Литературная газета», 12 ноября 1947 г., № 54 (2369).

В то же время, исчезая в литературном языке, местные диалекты неизбежно вносят в него новые элементы и в известной мере обогащают его.

Сказы П. П. Бажова, взятые в целом, отражают процессы, происшедшие в русском языке и его диалектах за последние 30 лет, и отражают в той мере, в какой можно было показать эти процессы через образ рассказчика-старика, рабочего старшего поколения, чаще всего — бывшего рабочего, теперь пенсионера. Новый рассказчик Бажова, наш современный советский старик-рабочий, говорит не так, как говорил дед Слышко.

Чтобы обнаружить разницу в их языке, следует сопоставить отрывки, например, из раннего сказа Бажова «Сочневы камешки» (1937 г.) и одного из последних сказов — «Ионычева тропа» (1949 г.).

Ванька Сочень «приспособил себе ремесло по рылу — стал у конторы нюхалкой-наушником промеж старателей. Старательского ковшика не бросил. Тоже около песков кышкался, а сам только то и смышлял, где бы что выведать да конторским довести. Конторские видят себе пользу — сноровлять Сочню стали. Хорошие места отводят, деньжонками подавывают, одежонкой, обувкой. Старатели опять свой расчет с Сочнем ведут: когда по загорбку, когда по уху, когда и по всем местам. Глядя по делу. Только Сочень к битью привыкши был, по лакейскому-то сословию. Отлежится да за старое. Так вот и жил — вертелся промеж тех да этих. И женешка ему подстать была, не то что гулящая али вовсе плёха, а так... чужой ужной звали: на даровщину любила пожить. Ребят, конечно, у их вовсе не было. Где уж таким-то» («Сочневы камешки»).

«Годов хоть немного от старого житья прошло, да густые они, эти годы. Ох, густые! Иной один, поди, за десяток ответит, а их недавно уж тридцать один отсчитали. Старое-то, в котором ты еще сам жил, вовсе далеко отодвинулось. Порой вспомнишь что, так сам посомневаешься: неужели так было? Немудрено, что молодой, который старого не видел, не все о нем понимает, а когда и не верит. Вот и я стал по порядку сказывать, чтоб, значит, все до точки. Сперва сбивался, конечно, на скорый разговор, так вопросами, как тыном, загородят, еле выберешься. А теперь понавык. В самый тот день, как путевку сюда, в дом отдыха получить, рассказывал об одном оружейнике, так ничего,— сразу будто поняли, вопросами не знездили. Да вот

лучше послушай. Все едино, до обеда не больше как с полчаса осталось. Что в них, в тридцать-то минуток, сделаешь! А это, может, тебе и пригодится» («Ионычева тропа»).

Прежде всего бросается в глаза разница в подходе рассказчиков к освещению фактов. В последующем изложении в обоих сказах повествуется о конкретных событиях, происшедших с их персонажами. Дед Слышко сразу и приступает к характеристике своего «героя». Дело в том, что кругозор рассказчика ограничен рамками своего «завода», заводского поселка, «заводской дачи», интересами живущих здесь людей, в сознании которых их жизнь очень слабо связана с жизнью страны. Это изолированный рабочий коллектив. Неграмотный дед Слышко не видит и не может видеть дальше того, что происходит непосредственно перед ним. Его высота — очень небольшая высота Думной горы. С нее только и виден сысертский заводской округ «текущего» дня, немножко видно прошлое, а о будущем можно лишь мечтать, исходя из желаемого.

Все это элементы реалистической характеристики деда Слышко, которые отнюдь не мешали Бажову вести читателя к обобщениям и выводам, выросшим на почве советской действительности, сделанным с позиций советского писателя.

Перед рассказчиком в «Ионычевой тропе» прошли тридцать с лишним лет социалистических преобразований в жизни советской страны, тридцать лет, насыщенных великими событиями, участником которых был и является он сам,— тридцать «густых» лет. Его высота — совсем другая,— высота позиции советского человека, неразрывно связанного со всем народом, с его делами, с его судьбами. Он хочет рассказать о «старом», но с высоты советского настоящего прошлое кажется не только необыкновенно далеким, но и почти невероятным даже самому рассказчику, жившему еще при старом социальном порядке. Тем более невероятным может показаться прошлое молодым слушателям. Поэтому-то рассказчик и не может сразу рассказывать о своем герое. Он должен сделать оговорки относительно несравнимости настоящего с прошлым, должен осветить прошлое светом настоящего, сопоставить прошлое с настоящим. И тогда слушатель не только лучше поймет прошлое, но и в полную меру оценит величие настоящего.

Различие в подходе этих двух рассказчиков к освещению событий отражает разницу в их сознании, в их мировоззрении. В отличие от деда Слышко, рассказчик в «Ионычевой тропе» мыслит государственно и философски. Он — своеобразный пропагандист нового по материалам прошлого политрук в советском повседневном быту. Он, конечно, грамотен, а в смысле классовой сознательности — неизмеримо выше деда Слышко.

Отсюда и разница в языке рассказчиков. Различна их манера рассказывания. Внутренне она определяется тем, что дед Слышко характеризует Ваньку Сочня, рассказывая о событиях из его жизни, а современный нам рассказчик размышляет вслух, внимательно всматриваясь в сущность событий, проникая в их общественный смысл, оценивая их с позиций советского народа.

Язык деда Слышко совершенно понятен современному читателю. Это язык художника, но он отражает и его культурный уровень, и то, что перед нами выступает именно уральский старый горнорабочий. Поэтому его речь содержит значительное количество таких слов, которые, будучи понятными для всех, воспринимаются как областные слова. Это слова и грамматические формы бытового просторечного языка, и далеко не все из них приемлемы в литературной речи: рыло, кышкался, смышлял, сноровлять, подавывают, обувка, загорбок, привыкши, женешка, али, плеха, чужая ужна, у их; «у конторы» в значении «от конторы», «довести» в значении «донести», «промеж», вместо «среди», «сословие» в значении «положение».

Достоинство их в эмоциональности, в выразительности, в уместности и целесообразности, кроме отдельных случаев, использования их в данном конкретном случае. «Рыло» у Сочня потому, что он «нюхалка-наушник». Сочень — ленивый и несерьезный человек, а золотоносный участок ему собственно и дали-то только для слежки за старателями, и конечно же Сочень не «работал», не «старался», не «трудился», а «кышкался» для отвода глаз. Употребление этих слов в сказе оправдано и исторически и художественно.

Язык рассказчика в «Ионычевой тропе» в основе своей литературный язык. Диалектизмы он употребляет очень редко: знoздить, понавыкнуть. В общем он пользуется разговорным общерусским языком, языком современного советского человека, русского простого человека.

В языке современного рассказчика в послевоенных ска-

зах Бажова нашли место слова, отражающие не только политику советского государства и коренные изменения в социальной структуре страны, но и сегодняшний день техники, входящей в повседневный быт наших людей: автобус, радио, аэроплан («Аметистовое дело», «Не та цапля», «Рудяной перевал»). Иногда новый рассказчик, по уровню своего общего развития, не обозначит явления общепринятым его названием, но он понимает и его назначение и общественное его значение. Он, может быть, не назовет «шагающий экскаватор», но сказав: «землекопная машина для самых больших земляных работ»,— он сказал то, что надо. Вместо «окончил институт» — он несколько забавно выразится о внуке: «все курсы кончил», но он понимает «что к чему» и гордится внуком, гордится своей советской властью, открывшей все пути детям трудящихся.

Язык сказов Бажова народен. Он истоками своими уходит в народ, понятен миллионам и одобрен ими, потому что Бажов сумел сделать его средством образного выражения идей, дорогих всем советским людям, средством яркого, подлинно художественного отображения и исторической, и современной советской действительности, великих преобразований, совершаемых советским народом, наконец, средством отображения процессов, происходящих в самом языке народа.

Новый рассказчик в сказах Бажова не отделен стеной от деда Слышко. Нет, он его преемник. В новом рассказчике много черт, психологически сближающих его со старым Слышко.

И вместе с тем новый рассказчик в сравнении с дедом Слышко, как говорится, «и тот да не тот»: он типический представитель старшего поколения советского рабочего класса, с чертами, присущими только советским людям.

Через него П. П. Бажов в сказах 40-х годов дал художественное воплощение новому кругу идей, недоступных деду Слышко. Это идея всепобеждающего советского патриотизма, идея ответственности каждого советского человека за судьбы Родины, за построение коммунизма в СССР, идея превосходства социалистического общественного и государственного строя, идея несокрушимого морально-политического единства советского народа, идея великой силы социалистического соревнования, выражающего новое,

советское отношение свободных работников к труду. Через нового рассказчика Бажов сделал попытку показать ростки коммунизма в сегодняшней советской действительности, в частности, процесс ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом. Через нового рассказчика он показал, что завтрашний день нашей страны — в людях ее, в их неуклонно растущем и крепнущем социалистическом сознании, в неукротимом стремлении к коммунизму, охватившем миллионы советских людей.

Сопоставление нового рассказчика в сказах Бажова с дедом Слышко еще раз подтверждает всю глубину слов А. А. Жданова: «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны» [1].

По этой причине чуткий художник П. П. Бажов и заменил образ деда Слышко образом другого рассказчика, советского человека, нашего современника.

Когда необходимость такой замены была осознана Бажовым, как общественная необходимость, она стала для него необходимостью идейно-творческой.

---

[1] А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». Госполитиздат, 1952, стр. 28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сказовое творчество П. П. Бажова может быть правильно и глубоко понято лишь в неразрывной связи с его ранней, досказовой литературной деятельностью. В досказовом творчестве Бажова находят объяснение многие особенности стиля, языка сказов, некоторые их образы, идейные особенности сказов. Коммунистическое мировоззрение художника Бажова созревало в нем в практике журналистской работы в 20—30-х годах. Писатель Бажов формировался и развивался в главном русле советской литературы, под влиянием крупнейшего ее мастера — великого русского писателя А. М. Горького, формировался, как представитель славного отряда советских писателей. Весьма показательно, что идеологические колебания и ошибки некоторых писателей, находившие выражение в творческой практике литературных группировок, так или иначе противостоявших социалистическому реализму, ни в какой степени не сказались в творчестве П. П. Бажова. Порочные «установки» пролеткультовцев и рапповцев, лефовцев и конструктивистов не оказали никакого влияния на Бажова. Его творчество было последовательно реалистическим.

Именно потому, что Бажов был последовательным реалистом, он сумел создать книгу, высокую оценку которой «Правда» дала в таких словах: «Народу нашему полюбился старый уральский сказочник П. Бажов. Его «Малахитовая шкатулка» содержит самоцветы народной поэзии» [1].

---

[1] Лауреаты Сталинских премий. Передовая газ. «Правда» от 20 марта 1943 г.

И если нельзя рассматривать сказы Бажова в отрыве от его ранней литературной деятельности, тем более невозможно рассматривать иначе, как в единстве, сказовое творчество Бажова.

Единство сказов П. П. Бажова прежде всего выражается в единстве его творческого метода — метода социалистического реализма. Они глубоко реалистически отображают действительность в ее развитии, они служат делу воспитания людей в духе коммунизма. Единство идейно-творческих принципов во всех сказах Бажова несомненно. Во всех сказах обнаруживается подход к изображению и оценке явлений действительности с позиций коммуниста, страстно вмешивающегося в процессы жизни с целью приближения коммунистического идеала.

Отсюда идейное единство сказов Бажова. Они содержат в себе идеи, органически связанные друг с другом и—в развитии сказового творчества — дополняющие и углубляющие одна другую. В общем их виде эти идеи можно сформулировать так.

Свободный, творческий труд свободных людей, сознательный труд для народа и во имя народа является источником самых благородных радостей человека, источником подлинного человеческого счастья, высших моральных ценностей. Человек труда — единственный носитель этих ценностей, и сам он — главная ценность в мире. Эксплуатация людей, паразитическое существование неизбежно ведет к нравственному вырождению паразитов, к утрате ими человеческих качеств, к утрате всего того, что составляет сущность человека. Вырождаясь, паразиты становятся социально опасными, так как они не только сами являются носителями мерзости собственничества, но развращают, растлевают всех, кто близок к ним. Мир капиталистической эксплуатации, мир подавления и угнетения людей труда обречен на гибель, он неизбежно должен быть уничтожен трудовым народом. Хозяевами жизни должны быть люди труда.

Великая советская страна является осуществлением самых высоких и благородных человеческих идеалов. В ней впервые в истории человечества в титанической борьбе за свои права народ стал хозяином своей судьбы и обеспечил все условия для небывалого расцвета труда, как творчества, труда каждого на благо всех. Такой труд создал возможности для неограниченного развития человеческой лич-

ности в самых светлых ее проявлениях. Советский народ уверенно идет к коммунизму, и никакие силы не могут его остановить. Коммунизм победит во всем мире. Бессмертно дело, бессмертны в веках имена величайших гениев человечества, которые привели к вершинам счастья советский народ и указали путь всем народам земли, — имена Ленина и Сталина.

До своей логической завершенности эти идеи доведены в сказах 40-х годов и особенно в тех, которые созданы после постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства. В них Бажов обращается к непосредственному отображению повседневных фактов, событий, явлений современной советской действительности. Сказы 40-х годов, отражая возросшую политическую, идейно-художественную зрелость писателя, соответствующим образом освещают и ранние сказы, помогая глубже понять их значение.

Общей для сказов Бажова является самая сказовая форма, несмотря на некоторые различия в рамках жанра, несмотря на развитие жанра. Бажов создал литературный жанр сказа, являющийся прекрасной художественной трансформацией фольклорного «тайного сказа» уральских рабочих. Главными характерными признаками сказового жанра Бажова являются, во-первых, положительный образ рассказчика — старого рабочего, в восприятии и оценке которого предстают изображаемые явления действительности, и, во-вторых, яркий, колоритный язык, вобравший в себя некоторые особенности уральских диалектов, но прежде всего отличающийся своеобразной окраской, придаваемой ему использованием традиционных для русского фольклора средств художественной выразительности. Эти особенности языка сказов в сочетании с характернейшей для Бажова разговорной манерой, разговорными интонациями определяют своеобразие стиля его сказов.

Наконец, следует отметить единство, общность психологического типа рассказчика в сказах, несмотря на то, что в разных сказах рассказчики являются людьми разных поколений рабочего класса и разных профессий, несмотря на то, что дед Слышко — рабочий конца XIX века, а старики-рассказчики последнего периода творчества Бажова — обычно наши современники.

Сказы Бажова публицистичны в лучшем значении этого слова, насквозь проникнуты коммунистической идейностью и представляют собою высокохудожественные, подлинно по-

этические произведения. Прежде всего, они являются яркими реалистическими картинами как исторической, так и современной действительности. В одних сказах нет фантастики, в других имеются фантастические образы, но они служат средством раскрытия реальных социальных отношений и отнюдь не ослабляют силы бажовского реализма. Отлично зная русский трудовой народ и прежде всего рабочих, Бажов создал подкупающие своей духовной красотой образы положительных героев из трудящихся, носителей лучших черт русского национального характера — тех черт, которые получили свое наиболее полное развитие в условиях советского строя. Зная советский народ, страстно любя его, Бажов выразил в сказах несокрушимую уверенность в том, что наш народ не могут остановить никакие помехи, что он достигнет самых великих целей, поставленных перед ним партией Ленина—Сталина. Поэтому в сказах Бажова ярко выраженный советский патриотизм сочетается с тем замечательным социальным оптимизмом, который опирается на многовековой опыт народа и, прежде всего,— на вдохновляющий опыт борьбы советского народа за социализм, за коммунизм. Как и многое другое, вошедшее в его творчество из фольклора, оптимизм сказов продолжает традицию русского народно-поэтического творчества и уходит самыми глубокими корнями в советскую действительность, в могучий и вдохновенный труд народа, строящего коммунизм. От фольклора — простота и прозрачность таких элементов формы сказов Бажова, как их композиция и язык. Фольклорная основа прежде всего и определяет яркое своеобразие творчества Бажова.

Сказы Бажова доступны и понятны самым широким массам народа, они трогают, подкупают, волнуют читателей разнообразнейших профессий и разных возрастов. В них находят источник эстетического наслаждения рабочий и колхозник, ученый и советский служащий, десятилетний школьник и старик.

Все это значит, что сказовое творчество П. П. Бажова глубоко народно — в самом широком и полном значении этого слова. «Малахитовую шкатулку» Демьян Бедный назвал вечной книгой.

Сказы П. П. Бажова обратили внимание литераторов некоторых областей на местный фольклор и вызвали публикации сказов, представляющих собою обработку народных

преданий и легенд. Таковы, например, небольшие сборники «Волжские сказы» Е. Шаповалова [1] и «Сказки Тихого Дона» П. Лебеденко [2]. Наиболее крупное явление в этом ряду, несомненно, сказы М. Х. Кочнева, работающего на материале фольклора ивановских ткачей. Кочнев выпустил три крупных сборника сказов: «Серебряная пряжа», «Расписной узор», «Дело человеком славится». Жанровая общность сказов Кочнева со сказами Бажова несомненна. П. П. Бажов, отмечая и сильные стороны и существенные недостатки в сказах Кочнева, говорил, что из литераторов, работающих над фольклором, Кочнев ему «ближе всего» [3]. Несомненным достоинством сказов Кочнева является то, что многие из них посвящены отображению труда и быта советских рабочих, включая новые формы стахановского движения, отображению прекрасного облика советского человека. Но в сказах молодого писателя еще нет той глубины проникновения в действительность, какая отличает сказы Бажова, нет свойственной Бажову силы художественного обобщения. Уступают сказы Кочнева и в смысле яркости и впечатляющей силы образов, и в смысле языкового мастерства.

Наконец, необходимо отметить, что сказы Бажова, благодаря их идейно-художественным достоинствам, благодаря яркости образов в них, привлекают внимание работников других искусств. Образы Бажова получили новое художественное воплощение в произведениях киноискусства, скульптуры, живописи и особенно — музыки [4].

«Великая честь для художника учиться у народа и работать для народа»,— какая глубокая и благородная убежденность звучит в этих словах народного писателя П. П. Бажова [5].

Советский народ щедро отплатил своим вдохновляющим доверием художнику, целиком отдавшему свой талант,

---

[1] Е. А. Шаповалов. Волжские сказы. Куйбышев, 1951.

[2] П. Лебеденко. Сказки Тихого Дона. Ростов-на-Дону, 1950.

[3] Альманах «Уральский современник» № 20, стр. 161.

[4] Главные произведения искусства, созданные по сказам П. П. Бажова: симфоническая поэма А. Муравлева «Азов-гора», удостоенная Сталинской премии за 1949 г.; опера К. Молчанова «Каменный цветок»; балет Фридлендера «Каменный цветок»; цветной кинофильм «Каменный цветок». Ценные иллюстрации к сказам Бажова создали художники Кузнецов, Баюскин, О. Коровин.

[5] «Колхозный путь», 30 января 1939 г., № 15 (2410). Свердловск.

свое творчество народному делу. В 1946 году П. П. Бажов был избран депутатом в Верховный Совет Союза ССР, а в 1950 году избиратели, труженики Сталинского Урала, вновь отдали ему свои голоса, свое доверие.

150 тысяч трудящихся прошли мимо гроба П. П. Бажова. Это было в Свердловске, в декабре 1950 года, Писатель скончался на 72-м году жизни, но большие творческие дерзания до самой смерти владели им.

Творчество Бажова — крупное явление советской литературы. Но до сих пор оно еще не привлекло того внимания литературоведов, какого оно заслуживает. Прав был Б. Полевой, когда он, в частности, отмечал: «Ведь это факт, что новые, полные поэтической силы сказы П. Бажова, опубликованные в последние годы, совершенно обойдены критикой» [1].

Сказы Бажова звучат, как напутствие молодому поколению, как мудрый совет старого художника — неустанно и смело итти вперед, учась на опыте повседневной борьбы и труда народа, на опыте его истории, неустанно работать, отдавать все силы, всю жизнь Родине, великому делу коммунизма.

Он знал, что будущие были превзойдут своей красотой и величием самые красивые мечты прошлого. Он звал:

«Не задерживаясь у костерка воспоминаний, смело шагать вперед, усиливать с каждым часом свет факела на пути в то великое будущее, где нынешние пионеры будут творцами былей, до которых не дотянулись сказки стариков» [2]

---

[1] «Правда», 3 сентября 1950 г.

[2] «Всходы коммуны», 13 октября 1940 г., № 76, Свердловск,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *Л. Адамова*
Переплет художника *Б. Неткачева*
Технический редактор *Л. Носова*
Корректоры *М. Епимахова, Л. Уралова*

*

Подписано к печати 11/II 1953 г.
Уч.-изд. л. 16,24. Бумага $54 \times 84/_{16}$=
=4,44 бумажного—14,56 печатного листа.
НС 02305 Тираж 15 000. Заказ № 177.
Цена 8 руб.

*

5-я типография треста Росполиграфпром,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
61	1 снизу	1951 г., стр. 18	1951 г., № 4, стр. 18
71	10 снизу	рабочих, точнее, мастеровых,	рабочих, мастеровых,
161	3 снизу	Ф. Энгельс, Карл Грюн:	Ф. Энгельс «Карл Грюн:
186	13 снизу	полтора	два с половиной
202	3 снизу	№ 2	№ 5

